
3 1761 08821875 5

П. Я.

П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ

Томъ II.

ТРЕТЬЕ, ДОПОЛНЕННОЕ, ИЗДАНІЕ
РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„РУССКОЕ БОГАТСТВО".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

На памятъ от

М. М-я.

I.

1898–1905.

Жизнь и поэзія — одно!
В. А. Жуковскій.

От автора.

Великія октябрьскія событія разразились, когда книжка эта была уже въ значительной долѣ напечатана. Я принужденъ выпустить ее въ свѣтъ безъ тѣхъ измѣненій, какихъ желалъ бы теперь, когда свобода изъ недосягаемо-далекой еще недавно мечты претворяется въ плоть и кровь живой дѣйствительности...

Горькая цензурная необходимость заставляла меня, какъ и большинство русскихъ писателей, на каждомъ шагу прибѣгать ко всякаго рода мелкимъ компромиссамъ — пропускамъ, точкамъ, ослабленію выраженій, приписыванію собственныхъ стихотвореній перу иностранныхъ поэтовъ, нерѣдко совершенно вымышленныхъ. Нейтральнымъ флагомъ, подъ которымъ я проводилъ цензурную контрабанду своей музы, были обыкновенно — ирландскій поэтъ О'Конноръ и итальянскій Чезаре Никколини (оба, насколько мнѣ извѣстно, никогда не существовавшіе).

Изъ стихотвореній этого рода, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ, отмѣчу „Изъ-за морей“ (102 стран.) и „Пѣсни побѣжденныхъ“ (стран. 110). Настоящее заглавіе перваго изъ нихъ — „Въ голодный годъ“ (1892 г.), и въ 4-мъ стихѣ вмѣсто „Ирландіи родной“ слѣдуетъ читать: „страдалицы родной“...

Два посвященія.

I.

Я пою для тѣхъ, чьи души юны,
Кто болѣлъ, какъ за себя, за брата.
Музой былъ мнѣ сумракъ каземата,
Цѣпь съ веревкой—лиры были струны.

Вамъ заботы объ искусствѣ строгомъ,
Вамъ, пѣвцы любви и ликованья...
Я пою великія страданья
Поколѣнья, прòклятаго Богомъ!

1884.

II.

Въ этихъ пѣсняхъ скорби
Душу я открою
Вамъ, кто жизнь наполнилъ
Гнѣвомъ и борьбою.

Вамъ, кто и въ изгнаньи,
На чужбинѣ дальной,
Отдавалъ всѣ думы
Родинѣ печальной!

1904.

1898.

* * *

Не въ шумѣ грозъ, не въ красотѣ стыдливой
Румяныхъ зорь мнѣ снится край родной,
Не въ блескѣ дня надъ опаленной нивой,—
Онъ снится мнѣ подъ утреннею мглой.

Густой туманъ клубится надъ полями;
Какъ призракъ, боръ синѣетъ вдалекѣ;
Едва блеститъ за влажными кустами
Отсвѣтъ зари въ извилистой рѣкѣ.

Вотъ сонный пахарь ѣдетъ въ отдаленьи,—
Поникъ Гнѣдко, чуть дребезжитъ соха...
Вотъ каркнулъ грачъ... И мертвое селенье
Рогъ огласилъ тревожный пастуха.

Промчался въ даль работы зовъ бодрящій,
Но солнца ликъ еще въ туманной мглѣ.
И столько грусти кроткой и щемящей
Вездѣ, во всемъ—на небѣ и землѣ!

Курганъ, январь.

* * *

Волна упала, прошумѣвъ,
Блеснувъ, какъ дивное видѣнье...
Погибло наше поколѣнье—
Любовь угасла, замеръ гнѣвъ!

Но такъ былъ грозенъ этотъ блескъ,
Что полночь дрогнула пугливо...
И до поры иной, счастливой
Дойдетъ волны погибшей плескъ!

И волны новыя придутъ
На берегъ, сумракомъ покрытый,
И жизни острые граниты
Усилій ихъ не разобьютъ!

Святая.

Когда, опустивъ малодушныя руки,
Я съ болью въ душѣ помышляю о томъ,
Что жизнь оборвется—и всѣ мои муки
Потонутъ безслѣдно въ забвеньи нѣмомъ,—

Страдалица скромная! Образъ твой чистый
Вдали мнѣ сіяетъ укоромъ живымъ:
Безъ жалобъ идешь ты дорогой тернистой,
Награды не требуя мукамъ своимъ.

— Награды?—Но ты удивиться готова:
За что? Развѣ сердце справлялось съ цѣной?
Безъ сладости жертвы, безъ счастья чужого
Ты вкусъ бы утратила къ жизни самой,

Къ той жизни, что учитъ однѣмъ лишь измѣнамъ,
Разсчетамъ корысти и мелкихъ обидъ,
И трауромъ насъ облекаетъ безсмѣннымъ,
И сердце отравою злобы поитъ.

Любя, ты другимъ отдалась—и забыла,
Что также могла бы любимою быть!
О, гдѣ же ты мужество жить находила,
Гдѣ черпала силы, чтобъ грѣть и свѣтить?

Ты свѣтишь – и такъ колебанья постыдны,
Такъ хочется бодрымъ пребыть до конца!
Чтó властное, гордое зло, если видны
Во мракѣ подобныя звѣзды-сердца?

Незримая міру, стезею суровой
Идешь ты, и долга сознанье—твой щитъ.
Святая! Вѣнокъ твой колючій терновый
Свѣтлѣй діадемы алмазной горитъ!

Памяти Бѣлинскаго.

(Къ 50-лѣтней годовщинѣ смерти.)

Я помню этотъ сонъ прекрасныхъ юныхъ дней
(Я уберегъ его подъ вихремъ непогоды!):
Могучій храмъ стоялъ въ родной землѣ моей,—
И ночь, и день пылалъ въ немъ жертвенникъ свободы.

Какимъ величіемъ и помысловъ, и дѣлъ
Я надѣлялъ жрецовъ,—тамъ, на горѣ стоящихъ!
Звукъ каждый слова ихъ въ душѣ моей горѣлъ,
Какъ отблескъ ихъ сердецъ, на высотѣ парящихъ.
Мнѣ говорила жизнь: „Не вѣрь! Смотри —твой жрецъ
И силѣ гимнъ поетъ, и злу кадитъ свободно,
А надъ свободою глумится всенародно...
Ему-ль присталъ изъ терніевъ вѣнецъ?“

Не разъ я унывалъ, лица поднять не смѣя!
Но грёза юныхъ дней, съ побѣднымъ торжествомъ,
Вновь пѣла мнѣ:
— „Пускай порой и фарисея
Курится фиміамъ на алтарѣ святомъ,
И волки хищные подъ видомъ агнцевъ бродятъ...
Забвенье—ихъ удѣлъ за жизненной чертой!
Въ святилище сердецъ лишь тѣ, какъ боги, входятъ,

Чьи думы далеки отъ пошлости мірской! —
Судьбы избранники, съ душой неоскверненной,
Любовь свою чужимъ отдавшіе скорбямъ,—
Чьимъ мукамъ чистымъ и слезамъ
Поклонится потомокъ отдаленный!..“

1899.

Сонъ на чужбинѣ.

На чужбинѣ далекой тоскуя вдвоемъ,
Мы, какъ дѣти, однажды тихонько болтали
Въ полумракѣ вечернемъ о горькомъ быломъ
(Нашей старой, но все еще свѣжей печали!).

—„Нѣтъ, тѣхъ дней я забыть не могу никогда,
Никогда не прощу!—ты, блѣднѣя, шептала:—
Ни одна впереди не мерцала звѣзда,
Умъ мѣшался, душа умирала...

„Днемъ и ночью шумѣла рѣка подъ окномъ,
Шевелясь, точно лапы чудовищъ враждебныхъ...
Рѣкъ такихъ мы въ краю не видали родномъ,
Развѣ—въ грёзахъ иль сказкахъ волшебныхъ.

„Величавый, холодный, безлюдный просторъ...
Наша лодка, да влажныя черныя бездны,
Да по берегу стѣны отвѣсныя горъ...
О возвратѣ мечты безполезны!

„За утесомъ-гигантомъ вздымался утесъ,
Все безмолвнѣй, угрюмѣй, печальнѣй...
Все на сѣверъ потокъ насъ безжалостный несъ,
Дальше, дальше отъ родины дальней!

„Разъ, я помню, подъ гнетомъ безумной тоски,
Вся пронизана влагой холодной,
Я заснула подъ мѣрные всплески рѣки,
И приснилось мнѣ: вновь я свободна!..

„Я лечу, будто птица... Мелькаютъ вокругъ
Занесенныя снѣгомъ равнины...
Я лечу на желанный сверкающій югъ
Изъ холоднаго мрака чужбины.

„Ближе, ближе родная страна—
Небо блещетъ лазурью и свѣтомъ...
Сердце чуетъ: весна, золотая весна!
Пахнетъ бѣлой акаціи цвѣтомъ.

„Вотъ и Днѣпръ, утопая въ вишневыхъ садахъ,
Засверкалъ бирюзою... Я вся задрожала—
И, на берегъ родимый упавши въ слезахъ,
Долго, жадно его цѣловала!..

. . . .

„Я очнулась на мрачной, холодной рѣкѣ—
Волны съ грознымъ нахлынули плескомъ.
Сердце билось въ груди, точно птица въ силкѣ,
Еще полное радостнымъ блескомъ.

„И казалось въ тотъ мигъ: если-бъ родину я
Не во снѣ—на яву увидала,

Я упала-бъ на землю и, слезъ не тая,
    Цѣловала ее, цѣловала!“

Милый голосъ во тьмѣ, какъ струна, зазвенѣлъ —
Ты внезапно замолкла угрюмо.
И утѣшить тебя я, мой другъ, не умѣлъ,
    Полонъ той же мучительной думой!

Курганъ.

Къ молодости.

Съ тѣхъ поръ, какъ жизнь желѣзными сѣтями
Заботъ и нуждъ опутала меня,
И блѣднымъ сномъ проходятъ дни за днями
Безъ прежнихъ бурь, безъ прежняго огня;
Съ тѣхъ поръ, какъ, стонъ услышавши страданья,
Ужъ я не рвусь съ отвагою впередъ,—
Томитъ меня боязнь и ожиданье:
Что юность дастъ? Что завтра принесетъ?

Ты, молодость, подвижница святая,
Себѣ не вьешь уютнаго гнѣзда;
О счастьи всѣхъ болѣя и мечтая,
Беречь свое не хочешь никогда.
Весь міръ—твой храмъ, гдѣ сложены безъ счета
Твои дары... Скажи: въ какихъ краяхъ
Не пролила ты крови или пота?
Гдѣ не лежитъ твой благородный прахъ?

Лишь объ одномъ скорбишь ты ежечасно,
Что жизнь пройдетъ среди тупого сна,
А не въ грозѣ живительно-прекрасной...
—Бокалъ тревогъ испить до дна, до дна,
Какъ бурный валъ, разбиться въ шумномъ бѣгѣ!—

И чѣмъ бы сталъ нашъ скучный міръ скорбей,
Когда-бъ не вы, зеленые побѣги
Поросшихъ мхомъ, грозой разбитыхъ пней?

Къ родной странѣ, къ народной лучшей долѣ
У васъ однихъ живая есть любовь,
Любовь—огонь, который жжетъ до боли,
Любовь—вампиръ, сосущій сердца кровь!
Народу въ даръ, безъ думъ и колебанья,
Свободу, жизнь несете вы, любя,
И впереди не ждете воздаянья...
—О, молодость! я вѣрую въ тебя!

Одинъ твой взглядъ—и громче сердце бьется,
И живы вновь видѣнья прошлыхъ дней:
Изъ смолкшихъ устъ бесѣда дружно льется,
Горитъ огонь потухнувшихъ очей...
Я молодъ вновь... Забылъ, что подъ грозою
Мой челнъ погибъ среди ревущихъ водъ,
И снова радъ безстрашно мчаться къ бою:
—Впередъ, друзья! Товарищи, впередъ!—

Но есть одно, чего не станетъ силы
И у тебя, волшебница, затмить,
Чтó буду чтить я свято до могилы,
Чтó, какъ враговъ, насъ можетъ раздѣлить:
Героевъ кровь... тѣ славныя скрижали...
—Вѣрь въ свѣтъ иной, мечомъ инымъ борись,
Но—кто стезей страданья и печали
Шелъ до тебя,—предъ тѣми преклонись!

Апрѣльская пѣсня.

За бѣдою бѣда... На чужой сторонѣ
Даже солнышко свѣтитъ неласково мнѣ!
Люди-ль мимо идутъ,—какъ подъ осень волна,
Ихъ неласковъ привѣтъ, и рука холодна.

Не замѣтилъ въ тоскѣ я, поникнувъ челомъ,
Какъ отъ юга весеннимъ пахнуло тепломъ,
И, апрѣльской веселой лазури пѣвцы,
Подъ окошкомъ моимъ затрещали скворцы.

Дни изгнанья прошли, дни скорбей и тревогъ—
И вернулись они въ свой родной уголокъ:
Суета, хлопотня, безъ конца разговоръ...
Какъ ихъ пѣсня громка! Трудъ и веселъ, и споръ!

Звуки счастья гремятъ, и дразня, и маня,
Но о счастьи давно пѣсенъ нѣтъ у меня!
Подъ окномъ я стою съ пріунывшей душой:
Не бывать, видно, мнѣ на сторонкѣ родной!

Городокъ.

Вспомнился мнѣ мой родной городокъ:
Церковь убогая, улица сонная,
Утокъ раздолье—зацвѣтшій прудокъ...
Жизнь тамъ катилась, какъ мирный потокъ,
Сѣрая жизнь, монотонная.

Съ ветхими кровлями карлы-дома,
Радуги стеколъ оконныхъ съ заплатами,
Осени долгой тоскливая тьма...
Все тамъ давило меня, какъ тюрьма,
Люди казались врагами заклятыми!

— „Дальше скорѣе! Не нужны вы мнѣ,
Люди смѣшные, дома кособокіе!
Счастье найду я въ чужой сторонѣ..."
Счастье, увы, я нашелъ лишь во снѣ—
Родины грустной картины далекія...

Сколько въ васъ прелести горькой, больной,
Какъ въ васъ нуждается сердце усталое!
Весь я блѣднѣю при мысли одной,
Что городокъ не увижу смѣшной—
Прудъ засоренный, дома обветшалые...

* * *

Онъ выстрѣлилъ въ сердце съ разсвѣтомъ дневнымъ,
И грустная новость, какъ громъ, пробѣжала...

Онъ не былъ героемъ—онъ былъ рядовымъ
Въ толпѣ несчастливцевъ. Его угнетала,
Какъ многихъ, тяжелая лямка труда,
Лишеній, недуговъ; онъ несъ молчаливо
Ярмо своей доли года и года.
И если порой монотонно-ворчливо,
Какъ дождикъ въ осеннюю скучную ночь,
Роптал, увѣряя съ глухимъ раздраженьемъ,
Что дольше терпѣть ему стало не въ мочь,—
Глядѣли друзья на него съ удивленьемъ.
И думалось каждому: „Это слова!
Терпѣнье людское—для мудрыхъ задача...
Кнуту покоряясь, не день и не два
Еще проползешь ты, смиренная кляча."

Но мудрость ошиблась—и кляча лежитъ:
Упала, раздавлена жизненнымъ гнетомъ!
Принявъ виноватый, растерянный видъ,
Идемъ мы къ своимъ повседневнымъ заботамъ...

И тотъ, кто вчера былъ безсильнымъ рабомъ,—
Какъ сталъ вдругъ могучъ! Непонятная сила
Всѣ мысли, всѣ чувства ему покорила—
И вѣрятъ ему, и тоскуютъ о немъ...

Что́ жизнь отнимала, то́ смерть подарила!

---

* * *

Вѣтку сирени ты держишь въ рукѣ,
Съ грустной улыбкой цвѣты разбирая;
„Счастья“ ты ищешь въ бездушномъ цвѣткѣ...
— Полно! О, полно, моя дорогая!

Сила и радость повержены въ прахъ...
Намъ ли съ тобою мечтамъ предаваться?
Косы твои, точно снѣгъ, серебрятся,
Снѣгъ и въ моихъ ужъ блеститъ волосахъ.

Только надъ сердцемъ, изнывшимъ въ тоскѣ,
Видно, безсильны гроза и ненастье:
Вѣтку сирени ты держишь въ рукѣ—
„Счастья“ въ ней ищешь, не вѣруя въ счастье!..

Тишина.

Вечеръ румяный притихъ, догорая,
Листъ не прошепчетъ въ лѣсной глубинѣ;
Тучекъ перистыхъ гряда золотая
Въ недосягаемой спитъ вышинѣ.

Тихо мелькнула звѣзда, и другая...
Ночь надѣваетъ свой царскій вѣнецъ...
— Мука, великая мука людская!
Стихла ли ты, наконецъ?

*
* *

Въ чужбину мнѣ пишутъ друзья: „Не мечтай,
Что родина нѣжно любимая—рай,
Что въ нашей лазури не бродитъ туманъ,
Что сердце у насъ не изныло отъ ранъ!..“

Такъ дружба мою утѣшаетъ печаль.
Но сердце все рвется въ завѣтную даль,
Все вѣритъ—тамъ воздухъ струится иной,
И люди добрѣе и лучше душой..

Тамъ юность, крылатая юность цвѣтетъ,
О правдѣ мечтаетъ, на жертву идетъ...
И если не видѣть ей краснаго дня,—
Пусть общая чаша отравитъ меня!

———

* * *

Радость, влюбленная въ солнце и смѣхъ,
Льнетъ къ золоченымъ палатамъ;
Горе людское, въ сторонкѣ отъ всѣхъ,
Съ видомъ стоитъ виноватымъ.

Радость криклива: ей нуженъ исходъ,
Ей въ одиночествѣ тѣсно.
Мышкой пугливою горе шмыгнетъ,
Скроется въ норкѣ безвѣстной.

Въ темныхъ подвалахъ, въ мансардахъ глухихъ,
Міру незримыя, льются
Слезы несчастныхъ, голодныхъ, больныхъ,—
Силы послѣднія рвутся...

Если же къ радости шумной съ мольбой,
Полною трепетной муки,
Горе людское протянетъ порой
Тощія, блѣдныя руки,—

Взглядъ ему злобный она подаритъ,
Оскорблена безгранично:
„Что за навязчивый голосъ и видъ!
Горе должно быть прилично.“

На праздникѣ Пушкина.

Вѣнки, огни, хвалебныхъ гимновъ пѣнье,
Душистый чадъ бряцающихъ кадилъ...
И, вѣчный сонъ прервавши на мгновенье,
Свой чуткій слухъ поэтъ насторожилъ.
Его зовутъ, ему поется слава...

„Но гдѣ же тотъ, чей горестный удѣлъ,
Достоинство и попранное право,
Въ жестокій вѣкъ, въ укоръ я сильнымъ пѣлъ?
Народъ! Народъ! Иль были тщетны годы—
Твой день далекъ, предѣла скорби нѣтъ?
И гдѣ же вы, печальники свободы,
Принявшіе мой факелъ и завѣтъ?
Не слышу васъ: чужіе сердцу звуки..
Враждебный пиръ... О томъ ли я мечталъ,
Когда въ часы душевной горькой муки
Въ туманъ временъ далекихъ прозиралъ?
Иль я забытъ? Иль я отвергнутъ вами?“

И вотъ, сквозь гулъ веселыхъ голосовъ,
Какъ стонъ пловца, задушенный волнами,
Доносится чуть внятный, грустный зовъ:
— Слагать хвалы, когда надъ головою

Губящій мечъ съ угрозою виситъ,
И новый день не радостью живою—
Обидами насъ новыми даритъ?
Сплетать вѣнки, когда нашъ слухъ терзаетъ
Голодный плачъ измученныхъ дѣтей,
И скорби тѣнь, какъ трауръ, покрываетъ
Нѣмой просторъ заброшенныхъ полей?..
Нѣтъ, нѣтъ, поэтъ! На оргіи лукавой
Къ лицу лишь тѣмъ побѣдно ликовать,
Кто надъ живой глумиться можетъ славой,
Чтобъ мертвую цвѣтами убирать!..

Курганъ.

1900.

Свиданіе *).

(Посвящается М. П. Орлову)

I.

Не къ матери родной и не къ сестрѣ любимой,
Въ волненьи радостномъ, я къ первымъ прибѣжалъ —
Туда, гдѣ на дыбы скакунъ неукротимый
Съ желѣзнымъ всадникомъ у края бездны всталъ.

Вдали, въ чужихъ снѣгахъ, въ разлукѣ сиротливой,
Средь мукъ забвенія и боли старыхъ ранъ, —

---

*) Внѣшняя обстановка памятника Петра В. въ Петербургѣ мѣнялась нѣсколько разъ. Въ годы моей юности, въ концѣ 70-хъ— въ началѣ 80-хъ годовъ, Александровскій садъ замыкалъ его внутри своей ограды, и только въ началѣ 90-хъ годовъ — говорятъ, по желанію и совѣту императора Вильгельма II — часть этого сада была уничтожена, и памятникъ принялъ современный казарменный видъ. Старожилы утверждаютъ, впрочемъ, что такой же видъ имѣлъ онъ и когда-то прежде. Теперь, кажется, снова проектируетса разбить вокругъ Мѣднаго Всадника садъ...

Какъ первыхъ лѣтъ любовь,—душѣ моей строптивой
Онъ грезился, земли родимой великанъ.

Не тамъ, гдѣ — наглый блескъ и гулъ людскихъ волненій,
По-одаль отъ дворцовъ и шумныхъ площадей,
Въ укромной зелени акацій и сиреней,
Гдѣ нѣжно смѣхъ звучалъ рѣзвящихся дѣтей,

Стоялъ Онъ въ вышинѣ, объятый вѣщей думой,
Со взоромъ, поднятымъ къ невидимой зарѣ;
Въ чертахъ властительныхъ горѣлъ огонь угрюмый,
Огонь презрѣнія къ довольной мишурѣ!

И между мной и имъ, — песчинкой и скалою,—
Таинственная связь мнѣ чудилась порой...
То былъ-ли сонъ?—Не разъ, задумчивой весною,
Когда скитался я надъ царственной рѣкой,

И пышный городъ спалъ въ сіяньи ночи кроткой,
И думы дерзкія рождались въ тишинѣ, —
Я помню, тамъ, въ саду, за темною рѣшеткой,
Ѣздокъ надъ пропастью кивалъ съ улыбкой мнѣ...

II.

Но цѣпь тяжелыхъ лѣтъ, увы, легла не даромъ—
Съ трудомъ я отыскалъ завѣтную скалу.
Какъ-будто смерчъ прошелъ, дыша губящимъ жаромъ:
Все опаливъ кругомъ, оставилъ смерть и мглу!

Ни травки бархатной, ни шепчущей березки,
Левкоевъ, хризантемъ исчезъ цвѣтистый лугъ...

Казарма мрачная: булыжникъ сѣрый, жесткій
Пустыней голою раскинулся вокругъ!

И Онъ... Все тутъ же Онъ, надъ роковымъ обрывомъ,
На топчущемъ змѣю взбѣсившемся конѣ,
Но—сколько холода въ полетѣ горделивомъ,
Какъ странно и знакомъ, и незнакомъ Онъ мнѣ!

Простерта въ воздухѣ могучая десница,
И, чудится, гремитъ угроза съ высоты:
„Проклятіе тебѣ, моихъ надеждъ гробница,
О городъ роковой, гдѣ гибнутъ всѣ мечты!

„И ты, потомокъ-червь, мой тихій сонъ могильный
Безумнымъ ропотомъ дерзнувшій возмутить,—
Тебя не знаю я... Ничтожный и безсильный!
Мой гордый замыселъ тебѣ ли завершить?“

III.

— Да... Пусть безсиленъ я! Пускай во мракѣ глухо
Замретъ мой вопль,—какъ рабъ, не сдамся я судьбѣ!
Пигмей я и червякъ, но въ свѣтломъ царствѣ духа,
Средь малыхъ и большихъ, родной я сынъ тебѣ.

— На встрѣчу пошлости безстыдной и безславной,
Во имя Истины, Добра и Красоты
Ты первый поднялъ бунтъ рукой самодержавной,
И первый ты зажегъ свободныя мечты!

— И живъ онъ, твой завѣтъ бойца и гражданина:
Лишь родину любить, какъ истинную мать,

Безтрепетной рукой себя, родного сына
Въ годину черную на жертву ей отдать!

— И если дѣлъ твоихъ и думъ кипучихъ пламя
На искры малыя распалось въ бурной мглѣ,
Твой духъ живетъ и въ нихъ! Твое несемъ мы знамя,
Разбитые, съ вѣнкомъ терновымъ на челѣ...

. . . .

И—чудо! Мѣдный ликъ внезапно прояснился...
На мигъ, вновь расцвѣла душистая весна—
И снова на яву мнѣ сонъ блаженный снился,
И поднимала грудь могучая волна!..

С.-Петербургъ.

Сестрѣ.

„Слезъ не нужно, моя дорогая,
Полно... полно... Я снова съ тобой!“ —
Говорю я, тебя обнимая,
А изъ глазъ льются слезы рѣкой.

„Это—правда, не сонъ лишь блаженный!
Вѣрь, любимая, страхъ твой смѣшонъ“...—
Въ тайнѣ-жъ сердца страшусь, что мгновенно
Оборвется мой радужный сонъ.

Ночью мучатъ кошмары больные:
Кони черные мчатъ меня прочь...
И, лучи увидавши дневные,
Я не вѣрю, что кончилась ночь.

Грѣясь возлѣ голубки родимой,
Все ловлю свою мысль на одномъ:
„Надо ей, моей доброй, любимой,
Написать поскорѣй обо всемъ!..“

На родинѣ.

Я что-то потерялъ—и не могу сыскать...
Чего еще, чего душѣ строптивой надо?
Смѣется глубь небесъ, какъ ласковая мать,
Вся въ блескѣ утонувъ весенняго наряда.
И вижу снова я любимый городъ мой,
Рокочущій, какъ громъ, сверкающій, какъ море,
Ступаю на яву по плитамъ мостовой,
Гдѣ юношей мечталъ о счастьи и просторѣ...

Чего-жъ такъ грустно мнѣ? Чего безумно жаль?
Иль этотъ смутный гулъ, немолчный гулъ потока,
Гдѣ слиты въ стонъ одинъ и радость, и печаль,
Спугнулъ тѣ сны мои, что̀ снились тамъ, далёко?
Подавленный, бреду... Ни сладкихъ, жгучихъ слезъ,
Ни смѣха радости знакомому, родному...
Какъ это вышло все блѣднѣе, по иному,
Чѣмъ въ сказкѣ золотой моихъ прекрасныхъ грёзъ!

И тѣхъ же все дворцовъ блестящихъ вереница,
И тѣхъ же синихъ водъ дразнящій зыбкій свѣтъ,
И сфинксовъ каменныхъ загадочныя лица,
Но сердцу чудится—чего-то больше нѣтъ!

Вотъ юношей толпа... Ихъ лица бо́дры, ясны,
Но — словно, чуждая межъ насъ черта легла:
Губительный ли вихрь развѣялъ сонъ прекрасный,
Иль молодость моя съ собою унесла?..

Болитъ душа, болитъ! Какъ пойманная птица,
Тревожно мечется и рвется на просторъ...
Туда-ль, туда-ль опять безумная стремится —
Въ пустыни дальнія, за цѣпи льдистыхъ горъ?
Туда, гдѣ что ни шагъ — отвѣсныхъ скалъ граниты,
Гдѣ рѣки—какъ моря, и души—точно ледъ,
Гдѣ лучшіе друзья въ чужихъ снѣгахъ зарыты,
А пѣсни лучшія сгубилъ угрюмый сводъ?..

Туда!.. И мрачно тамъ, и холодно и дико,
О дальней родинѣ томитъ до слезъ мечта,
Но грѣютъ сердце тамъ отрадою великой
И гордый гнѣвъ, и боль обиды и креста.
Страна полночныхъ вьюгъ, моей весны могила, —
Угрюмыхъ сыновей неласковая мать, —
Языкъ клянетъ тебя, а сердце полюбило...
Я что-то потерялъ—и не могу сыскать!

---

* * *

Все выше волны,
Грознѣе шумъ...
Часъ, страха полный
И гордыхъ думъ!

Какъ жадно сердце
Стремится жить,
Все, все увидѣть,
Обнять, вмѣстить!

Какъ сладко думать:
Подобный мигъ
Среди столѣтій
Лишь разъ возникъ!

Но... челнъ твой въ бездну
Летитъ съ горы:
Ты не узнаешь
Конца игры.

Первый дождь.

Грустятъ поля подъ бурыми снѣгами,
Раздѣтый лѣсъ окованъ мрачнымъ сномъ...
Нѣтъ силъ страдать! Какъ узникъ за стѣнами,
Томится міръ въ затишьи ледяномъ!
И ночь сошла, какъ крыша гробовая...
Вдругъ, странный шумъ раздался въ тишинѣ,
Какъ-будто птицъ неслась большая стая,
Огромныхъ птицъ въ незримой вышинѣ.
Сильнѣй, слышнѣй... Съ тревогою тяжелой
Блуждаетъ взоръ по темнымъ небесамъ...
И первый дождь, какъ молодость веселый,
Могучій дождь ударилъ по полямъ!
Какъ онъ хлесталъ! Какъ налеталъ онъ шумно,
За строемъ строй кидая звонкихъ стрѣлъ!
Съ какимъ огнемъ и радостью безумной
Онъ пѣснь борьбы, не уставая, пѣлъ!

. . . .

Всю ночь, гремя, стихіи бушевали...
Подъ утро смолкъ нестройныхъ голосовъ
Сердитый споръ; лишь капли лепетали,
Какъ вздохи умирающихъ бойцовъ.

Блеснулъ разсвѣтъ... Гдѣ-жъ бурый снѣгъ? Стыдливо,
Какъ юная невѣста подъ фатой,
Глядитъ земля съ улыбкою счастливой,
И льется трепетъ жизни молодой...

* * *

Мнѣ кажется порой—живу я сотни лѣтъ!
И міръ печальнѣй сталъ, и молодость старѣе:
Ни смѣха дѣтскаго, ни пѣсенъ звучныхъ нѣтъ,
Природа мертвеннѣй и красками бѣднѣе...

Вчера я дѣвушку случайно повстрѣчалъ,
Напомнившую мнѣ прошедшее страданье,
Но... смерти холодомъ прелестный взоръ дышалъ,
Покоемъ пошлости и скукой прозябанья!

Въ плѣну.

Душа моя въ плѣну,—въ плѣну у тяжкихъ думъ,
У дней безъ радости, у ночи безъ разсвѣта!..
Ни мирный сонъ полей, ни улицъ пестрый шумъ
Не будятъ больше въ ней созвучнаго отвѣта.

Рвануться бы, стряхнуть докучный гнетъ цѣпей,
Взмахнуть бы широко орлиными крылами!
Но цѣпи—гдѣ онѣ? Вдоль стѣнъ тюрьмы моей
Не ходитъ часовой съ безсонными глазами.

Куда, куда бѣжать? Пустыненъ кругозоръ,
Зной опалилъ его дыханьемъ черной скуки...
И солнце, какъ сквозь дымъ, бросаетъ мертвый взоръ,
И призрачны, какъ сонъ, и радости, и муки!

Душа моя въ плѣну!.. И грезится вдали
Ей край плѣнительный, волшебный край свободы,
Гдѣ шумный жизни пиръ, цвѣтущій пиръ земли,
Кипитъ, какъ вешнія сверкающія воды...

— Далекой юности блаженные края!
Какъ все тамъ солнечнымъ залито свѣтомъ было,
Какъ сердце вѣрило и пламенно любило
Весну, людей и жизнь...
Въ плѣну душа моя!

* * *

Помнишь ли, другъ мой, дорогу глухую, пустынную
Въ чуждомъ краю, подъ покровомъ сыпучихъ снѣговъ?
Сани съ больными ползли вереницею длинною,
Пѣшіе—слухъ раздирали бряцаньемъ оковъ.

Въ рыхломъ снѣгу увязая ногами усталыми,
Вся раскраснѣвшись подъ свѣжимъ дыханьемъ полей,
Шла молчаливо и ты,—и живыми опалами
Слезы, застывъ, на рѣсницѣ блистали твоей.

Выбились косы, чернѣя, какъ змѣи огромныя...
Цѣпи влача, я едва поспѣвалъ за тобой...
Въ даль мы безвѣстную шли, и отчаянье темное,
Злое, холодное, грудь обвивало змѣей.

Врагъ безпощаденъ!.. Мгновеніемъ сна лучезарнаго,
Сказкой волшебной свиданья часы пролетятъ:
Въ дальнемъ, безлюдномъ краю, тамъ, у моря полярнаго,
Гробъ тебѣ ранній готовъ, не вернусь я назадъ!

Но—воротились мы... Жизни суроваго молота
Вынесли тяжесть: на диво силёнъ человѣкъ!
Только... душа моя, словно, на части расколота,
Только... твоя голова побѣлѣла, какъ снѣгъ!

Замѣтки.

I.

Въ искусствѣ рифмъ—уловокъ тьма,
Но тайна тайнъ, повѣрь, не въ этомъ:
Отъ сердца пой—не отъ ума,
Безумцемъ будь, но будь поэтомъ!

II.

Нѣтъ, легче жить въ тюрьмѣ, рабомъ,
Чѣмъ быть свободнымъ человѣкомъ—
И упираться въ стѣну лбомъ,
Не смѣя спорить съ рабскимъ вѣкомъ!

III.

„Свѣтъ побѣдитъ! Молчите вы, сомнѣнья!“
— Но вотъ, опять затоптанъ факелъ въ грязь...—
„Весь міръ придетъ на праздникъ примиренья—
Торжествовать любви и братства связь.“
— Но вотъ, гремятъ орудья разрушенья,
И снова кровь рѣкою полилась!..—

„На славномъ посту“.

(Н. К. Михайловскому.)

Не въ эти сумрачные годы
Ты близокъ мнѣ и дорогъ сталъ:
Какъ свѣточъ правды и свободы,
Ты въ дни весны моей сіялъ.

Я помню съ мига пробужденья
Твой голосъ честный и живой...
Красѣ и цвѣту поколѣнья
Ты лозунгъ выбралъ боевой!

Когда заслышу сквозь туманы
Я и теперь твой бодрый зовъ,—
Смѣлѣй гляжу, забывши раны,
Во муракъ нависшихъ облаковъ.

1901.

* * *

(Посвящ. М. П. Шебалину).

Страданія чашу испивши до дна,
Ты къ жизни вернулся изъ страшнаго гроба:
Развѣяны чары проклятаго сна,
Смирилась бездушная злоба!
Не сразу нашелъ я привѣта слова—
Перо отъ волненья изъ рукъ выпадало...
...„Все глухо, товарищъ; мерцаетъ едва
Далекій маякъ идеала.
Что братья, друзья? — Ахъ, блаженны стократъ
Погибшіе въ цвѣтѣ надеждъ и стремленій!
Не счесть мнѣ обидныхъ и горькихъ утратъ,
Ошибокъ трусливыхъ, паденій...“
И все описать я спѣшилъ безъ прикрасъ,
Что̀ было за черные дни пережито, —
И чувство обиды и гнѣва не разъ
Въ груди клокотало сердито...

Дрожащей рукою печать я срывалъ
Съ письма дорогого изъ дальняго края.

Меня утѣшая, товарищъ писалъ,
Съ печалью шутливость мѣшая:
„Спасибо за вѣсти про старыхъ друзей!
Укрывшихся въ гавань отъ злого ненастья
Оставимъ... Пусть радость вкушаютъ! Сильнѣй
Печалятъ меня ихъ несчастья.“
И образъ знакомый мелькнулъ изъ-за строкъ...
Я долго сидѣлъ, молчаливый, смущенный:
Какъ нѣжности столько ты въ сердцѣ сберегъ,
Боецъ, подъ грозой непреклонный?

Майская пѣсня.

Липы качались вчера обнаженныя,—
Сколько сегодня зеленыхъ кудрей!
Въ воздухѣ крики стоятъ отдаленные
Первыхъ крылатыхъ гостей.

Что это? Грома раскаты веселые...
Радостно дрогнулъ проснувшійся садъ!
Словно упали затворы тяжелые
Съ двери въ глухой казематъ.

Чудо,—во-очію чудо свершается:
Ожило мертвое сердце въ груди,
Снова куда-то летѣть порывается...
Крылья растутъ позади!

День весь, съ утра, я охваченъ тревогою:
Дверь широко растворю на балконъ—
Жадно слѣжу за пустынной дорогою,
Слышу таинственный звонъ.

Кто тамъ? Не ты-ль это, юность блаженная,
Съ гордой улыбкой летишь въ вышинѣ?
— О, воротись хоть на мигъ, незабвенная,
Съ вѣстью надежды ко мнѣ!

---

*
* *

Не знаете, когда придетъ хозяинъ дома—вечеромъ, или въ полночь, или въ пѣніе пѣтуховъ.

Маркъ, XIII, 35.

Бываютъ годы мрачнаго безсилья:
Лишь рѣдкій стонъ разбудитъ тишину,
И молодость влачитъ уныло крылья,
Какъ соколъ раненый—въ плѣну.
И кажется—конца не будетъ ночи,
Въ пустынной мглѣ затерянъ къ солнцу слѣдъ...
Сѣдой мудрецъ потупилъ скорбно очи,
И ты безмолвствуешь, поэтъ!

Но жизни свѣтъ, живая мысль—свободна!
Когда грознѣй сомкнется злая тѣнь,
И будетъ скорбь людская безысходна,—
Онъ возсіяетъ, красный день.
Придетъ онъ вдругъ, негаданный, нежданный:
Раздвинется угрюмый, тѣсный сводъ,
Пѣснь зазвучитъ—и гостьею желанной
На праздникъ жизни молодость войдетъ!

Октябрь.

* * *

Средь мукъ и стенаній на свѣтъ
Живая душа прилетаетъ;
Въ грозѣ испытаній поэтъ
Даръ пѣсенъ живыхъ обрѣтаетъ,—
Тѣхъ пѣсенъ, что ледъ разбиваютъ
[сердецъ...
Страданье—искусный, умѣлый
[кузнецъ!

Подъ небомъ холоднымъ, чужимъ,
Во мракѣ бездомныхъ скитаній,
Въ разлукѣ со всѣмъ дорогимъ,
Въ крушеніи всѣхъ упованій,—
Въ дни черные бѣдъ познается
[боецъ:
Изгнанье—искусный, умѣлый
[кузнецъ!

Но славы достоинъ лишь тотъ,
Кто, гордый своей правотою,

На вѣрную гибель идетъ
Съ спокойной и ясной душою.
Прекрасенъ и проченъ героя
[вѣнецъ:
Ты, Смерть,—для безсмертья кующій
[кузнецъ!

1902.

Новая весна.

Съ цвѣтущихъ береговъ залитыхъ солнцемъ странъ,—
Соскучась по землѣ родимой,—
Несется вновь гостей веселыхъ караванъ
На сѣверъ грустный, но любимый.
Вблизи лѣсныхъ озеръ опять и звонъ, и гамъ!
И, прерывая сонъ глубокій,
Дивится мертвый лѣсъ: по старческимъ корнямъ
Текутъ живительные соки...
Обласканы тепломъ полуденныхъ лучей,
Глядятъ былинки изъ-подъ снѣга...
Все новой жизни ждетъ,—приволья ясныхъ дней,
Веселыхъ, шумныхъ бурь набѣга!

Тяжелъ и дологъ былъ природы мрачный сонъ:
Казалось, сномъ онъ смерти будетъ,
Казалось, дряхлый міръ ни новой жертвы стонъ,
Ни громъ побѣды не разбудитъ.
Надъ степью голою лишь воронъ каркалъ злой,
Да мерзлый листъ шуршалъ уныло:

„И я когда-то жилъ... давно-давно, весной...
Всесильна смерть! Крѣпка могила!“

И первый вольный звукъ стряхнулъ унынья гнетъ!
Мелькнулъ цвѣтокъ на таломъ снѣгѣ...
Кричатъ ватаги птицъ, гремятъ потоки водъ,
Поютъ зеленые побѣги...
И мой усталый духъ поетъ веснѣ привѣтъ,—
Забыты дни тоски мертвящей:
—О, молодость, цвѣти! И пусть не меркнетъ свѣтъ
Твоей звѣзды путеводящей!

---

* * *

Дитя! ты вѣришь въ близкій рай?
Еще порывъ свирѣпой бури—
И въ блескѣ солнца и лазури,
Въ цвѣтахъ, сойдетъ къ намъ вѣчный май?
Конецъ угрозамъ темнымъ ада,
Забвенье мукамъ и слезамъ,—
И велика бойцовъ награда,
И сладокъ ранамъ ихъ бальзамъ?..

Дитя, дитя! Въ дали безбрежной—
Эдема свѣтлаго маякъ...
Еще не разъ подъ вьюгой снѣжной
Пловцовъ зальетъ холодный мракъ!
Не разъ промчится грозный шквалъ
Вражды, насилья, скорби, страха,
Какихъ, быть можетъ, міръ не зналъ,
И обагрятся мечъ и плаха!
Я вижу рядъ великихъ бѣдъ,
Позоръ и ужасъ пораженій...

Но вновь и вновь вернется Геній
Любви и правды: „Дѣти! Свѣтъ!..“

И, возвышаясь надъ костями
Борцовъ погибшихъ, каждый разъ
Бѣднѣй все будетъ міръ цѣпями
И къ раю счастья ближе насъ.

На старомъ пепелищѣ.

I.

Дулъ вѣтеръ съ утра́... Какъ свинцомъ налита́,
Сердито вздувалась рѣка за кормою;
Еще разъ провѣдать хотѣлъ я мѣста,
Любимыя нѣкогда мною.

Вдоль стройныхъ, одѣтыхъ въ гранитъ, береговъ
Я плылъ съ затуманеннымъ сердцемъ и взоромъ;
И тускло свѣтилась фаланга дворцовъ
За воднымъ широкимъ просторомъ.

Застыли гиганты въ таинственномъ снѣ
Среди величавой, угрюмой пустыни...
Вонъ, сѣрой змѣею въ другой сторонѣ
Стѣна притаилась твердыни.

И долго туда я, и жадно глядѣлъ...
. . . .
— О, стѣны проклятыя, мимо!

Лѣниво тянулся зловѣщій гранитъ,
И слезы въ груди закипали невольно:

Отъ старыхъ страданій и старыхъ обидъ
Такъ было и сладко, и больно!

Чу, свистъ... Пароходъ меня дальше понесъ.
Угрюмые своды изъ камня и стали,
Съ рокочущимъ гуломъ копытъ и колесъ,
Не разъ надо мной пролетали,

И грозно въ пролетахъ шипѣла волна.
Исакія шлемъ замелькалъ золоченый...
Вотъ, узкая красная лента видна
Средь липовой рощи зеленой.

И дрогнуло сердце опять!—Я узналъ:
Здѣсь, въ этихъ стѣнахъ незабвенныхъ, когда-то
Я воздухъ познанья такъ жадно вдыхалъ,
Такъ въ Истину вѣровалъ свято.

Но съ гордыхъ, заоблачно-льдистыхъ высотъ
Она, какъ царица, на землю глядѣла;
До боли вседневныхъ скорбей и заботъ
Владычицѣ не было дѣла.

А мы... Мы отчизну любили, какъ мать,
Всѣмъ пыломъ сердецъ беззавѣтно-влюбленныхъ,
За братьевъ всю душу хотѣли отдать,
За братьевъ, судьбой обойденныхъ!

И душенъ намъ сталъ величавый чертогъ...
. . . .

Но вотъ ужъ и сфинксы... Пришельцы изъ Ѳивъ
Загадочнымъ взоромъ глядятъ другъ на друга:

Все снится имъ желтаго Нила разливъ
Подъ солнцемъ сверкающимъ юга.

Въ чужбинѣ холодной ужъ семьдесятъ зимъ
Вкругъ нихъ отшумѣло—все длится изгнанье...
Печальные сфинксы! Я боленъ другимъ,
Но ваше цѣню я страданье.

Мы старые съ вами знакомцы... Не разъ
Ввѣрялъ я вамъ тайну святого обѣта,—
И долго бродилъ здѣсь, и спрашивалъ васъ
О часѣ, минутѣ разсвѣта.

Теперь, послѣ многихъ мучительныхъ лѣтъ,
Я знаю—конца не дождусь ужъ ненастья:
Лишь въ бурѣ кровавыхъ страданій и бѣдъ
Дается народамъ ихъ счастье...

. . . .

Свинцовое небо грозило дождемъ.
Мнѣ горькое въ душу сомнѣнье закралось:
Здѣсь камни повсюду твердятъ о быломъ,
Но люди... Что̀ въ людяхъ осталось?

II.

Въ огромной столицѣ одинъ уголокъ
Я вспомнилъ,—душѣ дорогой и завѣтный.
Безшумно катился тамъ жизни потокъ;
Тѣснился въ нуждѣ безпросвѣтной

Рабочій народъ... Тамъ и мы, молодежь,
Ютились по скромнымъ мансардамъ и кельямъ,

Враждою встрѣчая лишь трусость и ложь,
А муки лишеній—весельемъ.

Въ средину бесѣды тамъ блѣдный разсвѣтъ
Врывался нерѣдко холодной волною;
Тамъ зрѣли герои, дивившіе свѣтъ
Душевной своей красотою...

Все сразу узналъ я,—ту улицу, домъ,
Гдѣ, помню, до свѣта окошко мелькало,
Какъ звѣздочкой ясной, маня огонькомъ
Въ укромный пріютъ идеала.

Но каменный выросъ гигантъ впереди,—
Исчезло окно за стѣною огромной...
Съ безумно забившимся сердцемъ въ груди
Бѣгу я по лѣстницѣ темной...

Минута—и юность вернется назадъ:
Войду я—привѣтливо солнце засвѣтитъ,
Съ серебрянымъ смѣхомъ, съ косою до пятъ,
Меня моя милая встрѣтитъ!..

. . . .

Я долго звонилъ; въ нетерпѣньи рванулъ
Завѣтную дверь—и во тьмѣ коридора
Одинъ очутился... Несдержанный гулъ
Послышался жаркаго спора.

Звенѣла толпа молодыхъ голосовъ,
Обрывки рѣчей до меня долетали...
Спадала завѣса—изъ мрака годовъ
Знакомыя тѣни вставали!

Дверь скрипнула—выглянулъ стройный брюнетъ:
Глаза удивленно и строго глядѣли...
Мелькнула головка кудрявая вслѣдъ,
Съ глазами пугливой газели.

Еще и еще, точно въ полѣ цвѣты...
Въ смущеньи стоялъ я, слова подбирая,
А въ сердцѣ побѣдныя пѣли мечты:
Да здравствуетъ жизнь молодая!..

Памяти Глѣба Ивановича Успенскаго.

Съ горькой думой въ очахъ
И тоской на челѣ,
Тѣнью свѣтлою онъ
Промелькнулъ на землѣ.

Будто горечь и боль
Всѣхъ мученій людскихъ
Въ чуткомъ сердцѣ собравъ,
Онъ твердилъ намъ о нихъ.

Отъ улыбки его,
Полной скорбной вины,
Улетали, какъ дымъ,
Счастья мирные сны.

Звалъ онъ къ жертвѣ, къ любви,
Весь любовью дыша...
Онъ горѣлъ, какъ маякъ,
И... сгорѣла душа!

Не забудешь его
Ты, родная страна!

Задрожавшая разъ,
　　Все рыдаетъ струна,—

О великой винѣ
　　Съ гнѣвомъ, скорбью поетъ
И на подвигъ святой
　　Неустанно зоветъ.

1903.

* * *

Ни о чемъ не жалѣю я въ прошломъ, друзья,
Ни одной бы черты въ немъ не вычеркнулъ я...

Боль и слезы его—звучной пѣсни слова:
Слово выкинешь вонъ—и вся пѣсня мертва!

Тамъ, за каждой слезой, въ каждомъ сумрачномъ днѣ
Солнца яркаго лучъ вспоминается мнѣ:

Это солнце я въ сердцѣ горячемъ носилъ—
Я одними страданьями съ родиной жилъ!

Жизнь мелькнула волшебнымъ, сверкающимъ сномъ...
Ни о чемъ не жалѣю, друзья, ни о чемъ!

* * *

Я жду, упорно жду...
Мнѣ душу истерзала
До ранъ кровавыхъ жизнь,—живого мѣста нѣтъ...
Но все я жизнь люблю, все вѣрю, какъ бывало:
Онъ близокъ, онъ идетъ, спасительный разсвѣтъ!

И лишь порою страхъ волнуетъ малодушный:
Не станетъ силъ страдать, бороться и терпѣть,
Меня раздавитъ сводъ моей темницы душной—
Я не дождусь зари...
Взглянуть—и умереть!

Ледоходъ.

Берегъ пустынный опять пробужденъ—
Свистъ, гоготанье веселое, стонъ...
Ледъ на рѣкѣ посинѣлый лежитъ,
Вздулся сердито и гулко трещитъ.
Холодно, жутко...
Но радостно-дикъ
Въ небѣ высокомъ несущійся крикъ.
„Скоро, ужъ скоро!" — поютъ журавли,
— Скоро!—холмы отвѣчаютъ вдали.
Сердце безумной тревоги полно,
— Скоро!—восторженно вторитъ оно:
Порваны путы тяжелаго сна—
Это шумитъ молодая Весна!..

Сумерки. Вѣтеръ подулъ верховой.
Ледъ шевелится внизу, какъ живой...
Странныя думы родятся въ умѣ:
Грозное что-то свершится во тьмѣ!..

* * *

Дни скорби и стыда!.. Сжимаютъ горло слезы,—
Мнѣ стыдно за тебя, возлюбленный народъ!
Такъ скоро отцвѣли мечтаній яркихъ розы,
Такъ онъ далекъ опять, спасительный исходъ!
И съ болью вижу я, что надъ твоей душою
Еще простерта ночь, витаютъ злые сны,
И ты не видишь ихъ,—укрытыхъ темнотою,—
Всесильныхъ хищниковъ родимой стороны!
На нихъ поднялся-бъ ты могучей бурей мщенья,
Изъ жалкаго раба бойцомъ свободнымъ сталъ...
Но ты на слабаго напалъ безъ сожалѣнья,
Ты у несчастнаго младенцевъ растерзалъ!
Позора, скорби дни...

Послѣ Кишинева.

* * *

Ты говоришь, что жизнь пустынна и мертва,
Что молодость твоя, какъ нива въ зной, томится,—
И некого любить, и некуда стремиться,
И сила вянетъ, какъ трава?..

Братъ! Или высохъ слѣдъ людскихъ кровавыхъ слезъ?
Огромный міръ кругомъ не напоёнъ страданьемъ?
Лишь мертвый не кипитъ живымъ негодованьемъ,
Не шепчетъ пламенныхъ угрозъ!

И стоны, и мольбы летятъ со всѣхъ сторонъ:
„Пора! Намъ тяжко здѣсь... Дышать не стало силы...
Такъ тѣсенъ сводъ безжалостной могилы...
На помощь, братъ! Прерви свой сонъ!“

Ты слышишь? Ты спѣшишь? Унынья больше нѣтъ!
Вся грудь твоя дрожитъ отъ слезъ блаженно-ясныхъ,
Отъ счастья—жизнь отдать за слабыхъ и несчастныхъ,
За страстно, долго жданный свѣтъ!

Отецъ.

(Изъ Розенфельда).

Одинъ, какъ въ небѣ солнышко,
Сыночекъ у меня.
Со мной онъ—въ бѣдной комнаткѣ
Властитель міра я!

Но рѣдко, рѣдко вижу я
Малютку моего:
Ночь стережетъ ужъ темная
Глубокій сонъ его,

Когда вернусь усталый я
Въ свой бѣдный уголокъ;
А чуть заря забрежжила—
Опять завылъ гудокъ!

Откроетъ дверь мнѣ вечеромъ
Печальная жена—
Тотчасъ о нашемъ мальчикѣ
Начнетъ разсказъ она.

Какъ онъ рѣзвится весело,
Лепечетъ день-деньской:

„Когда же добрый папочка
Придетъ играть со мной?“

Я, съ дрожью въ сердцѣ, слушаю...
— Да, да! Ты правъ, сынокъ!
Отца увидѣть долженъ ты...
Иду, иду, дружокъ!—

Въ постелькѣ разметался онъ...
Тревожныхъ сновъ толпа
Плыветъ надъ нимъ, и шепчетъ онъ:
„Гдѣ па̀, гдѣ милый па̀?“

Его цѣлую въ глазки я...
И вотъ, глядятъ они,—
Двѣ ясныхъ незабудочки...
— Дитя, я тутъ... Взгляни!—

Но снова поплыла надъ нимъ
Туманныхъ сновъ толпа...
Лишь губки смѣхомъ дрогнули:
„О, гдѣ же, гдѣ же па̀?“

Стою больной, разбитый я,
Безсильный рабъ труда...
— Мой мальчикъ, скоро, скоро мы
Простимся навсегда!..

Мать.

Надъ больнымъ ребенкомъ,
Крошкой беззащитнымъ,
Ты всѣ дни и ночи
Зорко караулишь.

Огненная птица
Съ чернымъ хищнымъ клювомъ
Надъ малюткой рѣетъ
Все быстрѣй, все ближе.

И горитъ, и сохнетъ
Маленькое тѣльце,
Вянутъ розы щечекъ,
Отлетаютъ силы..

— Отойди, исчезни,
Грозное видѣнье!
Тамъ, въ огромномъ мірѣ,
Мало-ль злыхъ, отжившихъ?

Мой сыночекъ—птенчикъ,
Не видавшій свѣта,
Мой сыночекъ—зорьки
Утренней яснѣе.

Можетъ быть, съ годами,
Возмужавшей мыслью,
Какъ орелъ могучій,
Онъ взовьется къ солнцу!

Можетъ быть, надежда
Въ немъ отчизны бѣдной:
Ей въ борьбѣ великой
Онъ добудетъ долю!

Огненная птица
Рѣетъ ниже, ниже...
Богу силъ и правды
Шепчешь ты молитвы...

В. Г. Короленку.

Въ пустыню, гдѣ шепчется вьюга съ тайгою,
Гдѣ блѣдное солнце не радуетъ глазъ,
Былъ брошенъ когда-то жестокой рукою
        Безцѣнный, прекрасный алмазъ;
Рожденный для счастья, свободы и свѣта
Цвѣтокъ, не успѣвшій въ отчизнѣ расцвѣсть,—
Живое, горячее сердца поэта,
        Влюбленнаго въ правду и честь...

Все въ мірѣ проходитъ... И дни испытанья
Промчались—отчизну поэтъ увидалъ.
Ему не грозитъ уже холодъ изгнанья—
        Онъ славою родины сталъ!
Изъ мрачнаго края суровыхъ мятелей,
Изъ юртъ неприглядныхъ, изъ тундры скупой
Принесъ онъ гирлянды живыхъ иммортелей—
        Чарующихъ образовъ рой.
Какъ сердце онъ намъ охлажденное грѣетъ,
Въ тьму жизни льетъ ласковый свѣтъ!

А тамъ... злая пурга по прежнему вѣетъ,—
        И сколькимъ возврата ужъ нѣтъ!..

Читано на юбилейномъ
банкетѣ 14 ноября.

«Тукъ-тукъ!..»

Онъ вернулся, мой старый, проклятый кошмаръ:
Загремѣла тяжелая дверь —
И опять я одинъ въ ненавистныхъ стѣнахъ,
Какъ въ ловушку захлопнутый звѣрь!
Все, какъ прежде: съ тройною рѣшеткой окно
И со сводомъ глухимъ потолокъ...
Тускло свѣтитъ ночникъ; въ тишинѣ гробовой
Громко кровь ударяетъ въ високъ.
Словно кто-то настойчивый злобно твердитъ:
„Нѣтъ возврата! Надеждамъ конецъ!
Молчаливою бездной навѣкъ отдѣленъ
Ты отъ міра живыхъ, ты — мертвецъ.“

Вдругъ я вздрогнулъ... Прислушаться жадно спѣшу:
Чу! невнятный, таинственный звукъ...
Будто кто-то въ стѣнѣ молоточкомъ стучитъ:
„Кто ты? Кто ты, товарищъ? Тукъ-тукъ!“
И къ холодному камню, дрожа, я приникъ.
„...Братъ! ужъ близокъ послѣдній мой часъ.
Врагъ жестокій, не зная пощады, терзалъ —
Я разбитъ, но я честь мою спасъ.
Если родину ты повидаешь опять—
Ей снеси мой прощальный привѣтъ,
Братьямъ милымъ скажи“...

Молоточекъ замолкъ...
Что съ тобой, мой печальный сосѣдъ?
Какъ угроза, въ дверяхъ злобно щелкнулъ „глазокъ" —
И вскочилъ я, какъ раненый звѣрь...

. . . .

— Нѣтъ, не сдамся, не сдамся я вамъ, палачи!
Вы могли мое тѣло сковать,
Но свободную душу безсильны убить,
Не хочу я, не буду молчать!..—

Что-то грудь мнѣ сдавило желѣзнымъ кольцомъ...
— Ахъ!..—и сбросилъ я тягостный гнетъ.
То былъ сонъ!..
Но отъ боли я вновь застоналъ:
На яву тотъ же ужасъ гнететъ!
Безъ рѣшетокъ тюрьма и безъ каменныхъ стѣнъ,
А безмолвіе то же вокругъ...
Лишь порой, заглушенный призывъ долетитъ:
„Братъ, ты слышишь? Откликнись! Тукъ-тукъ!"

У сфинксовъ.

Вотъ они... Дремлютъ, какъ встарь, надъ Невою...
Городъ вечерней окутался мглою,
Цѣпью бѣгутъ золотой огоньки,
Слышатся мощные всплески рѣки.

Въ маленькой шапочкѣ, въ кофточкѣ тонкой,
Дѣвушка, съ обликомъ нѣжнымъ ребенка,
Въ полосу свѣта безшумно вошла;
Юноша рядомъ—со взоромъ орла.

Въ тѣнь я укрылся за темнымъ гранитомъ.
Влажнаго вѣтра порывомъ сердитымъ
Нѣсколько словъ до меня донесло.
Онъ говорилъ, улыбаясь свѣтло:

„Нѣтъ, безкорыстныя жертвы не тщетны!
Это сгущается мракъ предразсвѣтный,
Грозный девятый вздымается валъ,—
Часъ избавленья желанный насталъ!..“

Дальше прошли—и въ туманѣ пропали.
Смѣлые-жъ звуки все, будто, дрожали,
Сфинксовъ будя очарованный сонъ,
Въ сердцѣ моемъ отзываясь, какъ стонъ.

Вспыхнуло что-то во мракѣ душевномъ,
Бурно прошло дуновеніемъ гнѣвнымъ...
Словно впередъ я сумѣлъ заглянуть—
Въ темную ночь, на грядущій ихъ путь.

Въ чуждыхъ, пустынныхъ снѣгахъ утопая,
Стелется онъ безъ конца и безъ края...
Что тамъ, вдали, такъ уныло звенитъ?
Что такъ душа безутѣшно болитъ?

Въ мертвомъ краю, въ безотрадной разлукѣ,
Годы потянутся, полные муки,
Полные злобы, безсильныхъ угрозъ,
Гибели всѣхъ упованій и грёзъ ..

Холодно. Вѣтеръ сильнѣе... Сердито
Плещутся волны о глыбы гранита. .
Газъ въ фонаряхъ задрожалъ, зашипѣлъ...
— Сфинксы, откройте: гдѣ скорби предѣлъ?

1904.

У гроба Н. К. Михайловскаго.

Съ спокойно-мраморнымъ челомъ,
Какъ-будто задремавъ случайно,
Лежитъ онъ, полонъ думы тайной
О чемъ-то важномъ и большомъ.
И вотъ, возноситъ хоръ безстрастный
О немъ послѣднюю мольбу...
Не сонъ ли снится, сонъ ужасный,
Что, мертвый, онъ лежитъ въ гробу?
Онъ—мертвъ?! Всю жизнь будившій къ жизни!
Сквозь грохотъ бури, ночи мракъ
Свѣтившій горестной отчизнѣ,
Какъ призывающій маякъ!
Не можетъ быть! Мы здѣсь—ошибкой...
Вотъ онъ услышитъ нашъ призывъ
И встанетъ съ ясною улыбкой:
— О чемъ вы плачете?.. Я—живъ!—

* * *

Нѣтъ! не дойдетъ къ тебѣ стозвучный жизни шумъ,
Ужъ не увидишь ты луча зари желанной!

Ты взоромъ лишь орла, съ вершины гордыхъ думъ,
Провидѣлъ край обѣтованный...

Но подвигъ твой живетъ. Учитель дорогой,
Спи безмятежнымъ сномъ, людскихъ угрозъ не зная!
Въ далекой памяти страны твоей родной
Ты будешь жить, не умирая!

Спб., 29 января

*
* *

День безъ яснаго солнца, безъ мѣсяца ночь, —
Будто тѣни, уносятся прочь!
И въ толпѣ, и одинъ, я всегда одинокъ:
Я—какъ вырванный съ корнемъ цвѣтокъ.

Опаленный грозой, тихъ и сумраченъ садъ —
Только пни сиротливо торчатъ.
Не ласкаетъ его мягкій солнечный лучъ,
Не поитъ сладко шепчущій ключъ...

И въ зеленомъ шатрѣ ужъ пѣвецъ не гоститъ:
Пѣсни спѣла душа—и молчитъ!
Дальше, дальше бѣжитъ шумный жизни потокъ...
Я—какъ вырванный съ корнемъ цвѣтокъ!

* * *

Богъ благости щедрой, Богъ правды великой!
Мечъ силы въ десницѣ-ль Твоей?
Считалъ ли Ты слезы, кровавыя слезы
Смиренной отчизны моей?

Что-жъ медлишь сойти Ты съ грозою и гнѣвомъ
Изъ вѣчныхъ чертоговъ своихъ?
Даровъ ли свободной и радостной доли
Она недостойнѣй другихъ?

Иль мало она безотвѣтно страдала,
Томилась, какъ въ кельѣ глухой?
О цѣпи все тѣло свое истерзала,
Ослѣпла отъ тьмы вѣковой!

Не хватитъ ужъ скоро отваги орлиной,
Могучія крылья въ крови...
Пощады!.. Пощады!.. Дай лучъ хоть единый,
Дай каплю живую любви!

---

* *
*

Мнѣ чудится кругомъ какой-то шорохъ странный,
Тревожно-радостный, какъ вѣянье весны:
Такъ узникъ сторожитъ свиданья часъ желанный,
Проснувшись до зари, средь чуткой тишины...
Я жду, кого-то жду со страхомъ и любовью,
Кого-то, чья рука чудесное свершитъ,
Кто образумитъ насъ, залитыхъ братской кровью,
Залѣчитъ раны всѣ и скорби облегчитъ.
„Пора!—я слышу стонъ въ безмолвьи тяжкомъ ночи:—
Довольно злыхъ угрозъ! Раскройся, міръ—тюрьма!"
Во мракъ вперяю я расширенныя очи:
Вотъ дрогнетъ, наконецъ, испуганная тьма!
Мигъ—и разсвѣтъ блеснетъ, и защебечутъ птицы,
И развернется даль, заманчиво-пестра...

И крылья распахнетъ проснувшейся орлицы,
Быть можетъ, пѣснь моя...

— Скорѣй! Пора, пора!

Августъ.

1905.

Сонъ.

Въ небѣ странно-высокомъ, зловѣще-нѣмомъ
Гасъ кровавый вечерній закатъ.
Умиралъ я отъ ранъ,—въ гаолянѣ густомъ
Позабытый своими солдатъ.
Какъ ребенокъ, затерянный въ чащѣ лѣсной,
Я кричалъ, я отчаянно звалъ—
И на помощь ни свой не пришелъ, ни чужой,
Гаолянъ только глухо шуршалъ!
Да орелъ цѣлый день надъ горою парилъ,—
Хищный клёкотъ носился кругомъ...
Все на сѣверъ, въ безвѣстную даль уходилъ
Затихающихъ выстрѣловъ громъ.
И скользилъ угасающій взоръ мой, въ тоскѣ,
По мѣнявшимъ нарядъ облакамъ:
Что̀ тамъ парусомъ бѣлымъ стоитъ вдалекѣ—
Не села ли родимаго храмъ?
Вонъ старуха съ клюкой... Не моя-ль это мать
„По кусочки“ съ сумой побрела?
Горегорькая! Сына тебѣ не дождать—
Ты на муку его родила!

Злобно лязгаютъ цѣпи... Въ дыму и въ огнѣ,
Будто стая встревоженныхъ птицъ,
Вьется лента вагоновъ,—и въ каждомъ окнѣ
Сколько блѣдныхъ, измученныхъ лицъ!
Безконеченъ вашъ путь, и тяжелъ, и суровъ:
Мертвой степи пустынная гладь,
Выси грозныя горъ, темень дикихъ лѣсовъ...
Васъ въ чужбину везутъ умирать!

. . . .

Умиралъ я отъ ранъ на чужой сторонѣ...
Такъ хотѣлось мучительно жить,—
О преступной, безумно-кровавой войнѣ,
Какъ о грёзѣ проклятой, забыть!

Ночь сошла... Или смерть?.. Сѣть тумановъ сырыхъ
Поползла надъ ущельями горъ;
Въ черномъ небѣ невиданно-яркихъ, большихъ,
Странныхъ звѣздъ засвѣтился узоръ.
И въ зловѣщей тиши, мнѣ казалось, не я—
Кто-то чуждый безсильно стоналъ...
И отъ жалости въ сердцѣ больномъ у меня
Слезъ кипучихъ родникъ клокоталъ!

Красный снѣгъ.

Какъ приливъ могучій,
Шелъ и шелъ народъ,
Съ дѣтски-ясной вѣрой,
Все впередъ, впередъ.

Чтобъ врага свободы
Поразить въ бою,
Несъ одно оружье—
Правоту свою...

Бѣлый, непорочный
Снѣгъ кругомъ лежалъ;
Воздухъ, чуть морозный,
Еле трепеталъ...

Вдругъ... рядъ залповъ грянулъ!
Мѣтокъ былъ прицѣлъ:
Какъ подъ бурей листья,
Пали груды тѣлъ!

Тупо взоръ уставя
Въ обагренный снѣгъ,
Мы стояли, молча...
Мигъ одинъ, иль вѣкъ?

— Каинъ, что ты сдѣлалъ?!
Прячась, словно тать,
Божьяго проклятья
Скроешь ли печать?

Знай: покамѣсть въ жилахъ
Капля крови есть,
Мысль одну мы держимъ—
Про святую месть!

У престола Бога,
Въ утро райскихъ нѣгъ,
Все мы видѣть станемъ
Красный, красный снѣгъ!

СПБ., январь.

* * *

I.

Какъ солнце, мнѣ твоя улыбка дорога!
Ты взглянешь весело—я пытку забываю...
Но тверже и острѣй я лезвея не знаю,
Чѣмъ блескъ очей твоихъ передъ лицомъ врага.

То—оскорбленная души твоей святыня
Глядитъ, безмолвная, какъ гордая звѣзда...
Я, втайнѣ умиленъ, тебѣ молюсь тогда:
И ненавидишь ты, и любишь, какъ богиня!

II.

Снова въ путь-дорогу, старый вѣрный другъ!—
Золотыя грёзы, видно, лгали намъ,
Что за нашей дверью смолкли стоны вьюгъ,
Отдохнуть пора измученнымъ костямъ.

Налетѣла буря, сжала страхомъ грудь,
Грозный мракъ кругомъ... Но ты сильна душой,
Смѣло ты стоять умѣешь подъ грозой,—
Счастливъ, кто съ тобой свершаетъ жизни путь!

Январь.

Послѣдняя Жертва.

Вкругъ Африки знойной, по бурной равнинѣ
Безбрежныхъ тропическихъ водъ,
Къ далекой странѣ Восходящаго Солнца
Семья броненосцевъ плыветъ.
Прекрасны и грозны стальные гиганты —
Окрашены въ цвѣтъ боевой
И жéрлами сотенъ орудій зіяютъ,
Готовые ринуться въ бой.
Но странно-безмолвны они, какъ гробницы:
Ни кликовъ, ни пѣсенъ живыхъ;
Недвижнѣе статуй, угрюмые люди
Стоятъ у лафетовъ стальныхъ.
Такъ узникъ стоитъ передъ плахой кровавой...

— „Погибель вѣрна впереди,
И тотъ, кто послалъ насъ на подвигъ ужасный,—
Безъ сердца въ желѣзной груди!
Мы—жертвы... Мы гнѣвнымъ отмѣчены рокомъ...
Но бьетъ искупленія часъ—
И рушатся своды отжившаго міра,
Опорой избравшаго насъ.
О, день лучезарный свободы родимой,
Не мы твой увидимъ восходъ,

Но если такъ нужно,—возьми наши жизни...
Впередъ, на погибель! Впередъ!“

И вотъ, зашумѣли восточныя воды,
Сѣдой буревѣстникъ кричитъ...
Привѣтъ тебѣ, грозное Желтое море!
Чу! выстрѣлъ далекій гремитъ...
„Не флотъ ли Артура?.. Взгляни: Петропавловскъ,
Полтава, Побѣда, Баянъ...
То старый Макаровъ къ намъ ѣдетъ навстрѣчу,
Салютъ отдаетъ Ретвизанъ...“

Безумная грёза!.. Ужъ гордо не грянетъ
Огонь изъ его амбразуръ:
Въ развалинахъ дымныхъ, кровавою раной
Зіяетъ погибшій Артуръ!
И путь туда русскому флагу заказанъ...
— Смѣлѣе-жъ направо! Впередъ—
Къ безвѣстнымъ утесамъ враждебной Цусимы,
Въ зловѣщій Корейскій проходъ!

— „Ты сжалишься, сжалишься, праведный Боже,
И волю измѣнишь свою:
Пусть чудо, великое чудо свершится—
Врага поразимъ мы въ бою!“—
. . . .
Свершилось!.. На днѣ ледяномъ океана
Стальные красавцы лежатъ,
И чуда морскія, акулы и спруты,
На нихъ въ изумленьи глядятъ.
Разбиты, истерзаны, кровью залиты
Гротъ-мачты, лафеты, рули...

Ни стона, ни звука... Въ могильномъ покоѣ,
Недвижимы, спятъ корабли...

Но бурею вѣсть по отчизнѣ далекой
Промчится, темна и грозна,—
И кличемъ могучимъ: „Довольно!" отвѣтитъ
Одѣтая въ трауръ страна.
Довольно! Довольно! Герои Цусимы,
Вы жертвой послѣдней легли:
Разсвѣтъ уже близокъ... Она у порога—
Свобода родимой земли!

---

* * *

Отчизна хризантемъ, любимый солнцемъ край!
Волна морей гремитъ твоей расцвѣтшей славой,
Твой лучезарный флагъ, при возгласахъ „банзай“,
Побѣдно осѣнилъ Артура рейдъ кровавый.
Но слава хищная—коварный даръ боговъ, —
Нипо̀нъ, инымъ гордись!..
Актеры грозной драмы,
Бойцы усталые,—подъ мирный отчій кровъ
Вернутся воины счастливые Ойямы.
Свобода и любовь въ объятья примутъ ихъ!
На кличъ земли родной они, какъ барсы, встали,
За право ра̀венства въ семьѣ племенъ людскихъ
Безтрепетно въ поляхъ чужбины умирали.
И яркій вспыхнулъ день,—награда всѣхъ трудовъ,—
Ликуйте, мертвецы Мукдена и Телина:
Отнынѣ желтый цвѣтъ не подлый цвѣтъ рабовъ,
Отнынѣ Азія не знаетъ господина!

А мы?.. Ущелья горъ, долины рѣкъ чужихъ
Дождемъ кровавымъ мы безплодно оросили;
Съ покорностью воловъ безгласныхъ и тупыхъ,
Какъ снѣгомъ, нашими костями убѣлили!
Надъ мирнымъ краемъ манзъ прошли мы бурей злой,—

Потомокъ дальній ихъ проклятьемъ насъ помянетъ...
И рабскою ордой вернемся въ край родной,
И рабство прежнее намъ тупо въ очи глянетъ?!

Проснулась родина... увы, для новыхъ бѣдъ!
Изранена, въ крови, отягчена цѣпями,
Все ждетъ зари она—зари желанной нѣтъ ..
— На помощь къ ней, впередъ! И Богъ свободы съ нами!

20 августа.

Изъ прежнихъ лѣтъ *).

Смерть Орла.

Въ клѣткѣ желѣзной, въ неволѣ глухой,
Годы томился орелъ молодой;
Пищу убогую тихо клевалъ,
Тихо и гордо въ плѣну угасалъ.
Рѣзвыя дѣти толпились кругомъ,
Шумно глумились надъ бѣднымъ рабомъ,
Но отвѣчалъ онъ презрѣньемъ однимъ
Грубымъ нападкамъ, обидамъ слѣпымъ.

Вотъ, растворилась однажды тюрьма —
Съ глазъ, будто, спала гнетущая тьма:
Дико онъ крикнулъ, крылами взмахнулъ —
Въ вольной лазури тотчасъ потонулъ!
Грудь молодая вздымалась легко,
Взоръ проникалъ далеко, далеко...

Тамъ, гдѣ въ туманѣ кончалась земля,
Вдругъ золотая метнулась змѣя;

*) Стихотворенія, написанныя до 1898 года, но не вошедшія до сихъ поръ въ I томъ.

Слѣдомъ, далекій таинственный гулъ
Волны эѳира слегка всколыхнулъ...
Дивное что-то свершилось въ орлѣ —
Гордая мощь пробудилась въ крылѣ!
Прямо и смѣло онъ къ тучѣ летѣлъ—
Встрѣтиться съ нею, могучей, хотѣлъ.
Тише, о тише, безумный!..
Впередъ,
Выше, все выше надменный полетъ!
Выше, все выше... и въ сонмище тучъ
Врѣзался онъ, будто солнечный лучъ!
Громъ оглушительный встрѣтилъ его—
Онъ опьянѣлъ, не слыхалъ ничего.
Грозною тучи сомкнулись толпой—
Пуще взыгралъ онъ мятежной душой!
Близко, ужъ близко... Вдругъ—божья стрѣла
Гнѣвно ударила въ сердце орла!
Возгласъ отваги застылъ на устахъ—
Камнемъ онъ съ неба низринулся въ прахъ...

Около клѣтки своей онъ упалъ,
Тамъ, гдѣ томился и гордо страдалъ.
Дѣти толпою бѣжали къ нему—
Бросить его поскорѣе въ тюрьму:
Поздно!.. Взмахнувши еще разъ крыломъ,
Онъ успокоился вѣчности сномъ.

И о раскаяньи очи его
Не говорили въ тотъ мигъ ничего.

* * *

Друзья! Въ тяжелый мигъ сомнѣнья
Взгляните пристальнѣй назадъ:
Какія блѣдныя видѣнья
Оттуда съ ужасомъ глядятъ!
И молятъ, и, какъ-будто, плачутъ,
Грозятъ кистями рукъ худыхъ...
Что́ ихъ мольбы нѣмыя значатъ?
Кому, за что упреки ихъ?

То—наши братья... Жизнь, свободу,
Всѣ блага лучшія земли
Они родимому народу
Съ любовью въ жертву принесли.
Они погибли, вѣря страстно,
Что мы пойдемъ по ихъ стопамъ
И не дадимъ пропасть напрасно
Ихъ жертвамъ, ранамъ и скорбямъ!

Когда въ постыдный часъ забвенья
Страдальца-брата тѣнь мелькнетъ,—
Какая буря возмущенья

Внезапно сердце потрясетъ!
Святыя слезы покаянья
Подступятъ къ горлу,—и опять
Кипитъ душа огнемъ желанья—
Идти на крестныя страданья,
Всю душу родинѣ отдать!

Материнская Любовь.

(Изъ С. Прюдома.)

Готовая къ жертвѣ, приходитъ она
На первый же голосъ невзгоды,
Кротка, милосердна, добра и нѣжна,—
И все въ ней—загадка природы.
Награды не ждетъ и печально паритъ
Надъ фатомъ, достойнымъ проклятья.
Суровый родитель наслѣдства лишитъ,
А мать... Мать раскроетъ объятья!
Ея легковѣрна любовь и скромна,
Не видитъ себя и не цѣнитъ,
Но даже тогда не измѣнитъ она,
Какъ все намъ на свѣтѣ измѣнитъ!
За нами и къ небу она полетитъ,
И въ бездну низринется съ нами;
Отъ гибели грудью своей заслонитъ,
А раны омоетъ слезами...
И есть ли убѣжище въ мірѣ вѣрнѣй?
Какой это кровъ благодатный
Усталому сердцу—и ласку скорѣй,
И отдыхъ предложитъ отрадный?

Какой еще другъ для другихъ пренебречь
Безъ гнѣва позволитъ собою,—
Забытый, все будетъ нашъ образъ беречь,
Тоскуя незлобной душою?
И кинется въ пропасть отверстую къ намъ,
Себя, не колеблясь, погубитъ
И жертвы слѣда не почувствуетъ тамъ,
Гдѣ мать только вѣритъ и любитъ?..

—О, мать! Ты одна лишь изъ всѣхъ Данаидъ,
Чья вѣра незыблемо-вѣчна,
Кто бездну наполнить съ любовью спѣшитъ
Любовью своей безконечной!..

Пораженіе Сеннахерима.

(Изъ Байрона.)

Враги, точно стая волковъ, налетѣли!
Одежды ихъ пурпуромъ яркимъ горѣли,
А копья блистали въ полдневныхъ лучахъ,
Какъ звѣзды небесъ въ галилейскихъ волнахъ.

Какъ листья дубравы весною зеленой,
Подъ вечеръ у нихъ развѣвались знамена;
Какъ листья дубравы осенней порой,
Разсыпаны были ихъ трупы съ зарей...

Духъ смерти надъ ними прошелъ въ полуночи—
И мертвенны стали ихъ сонныя очи
И больше смеженныхъ не подняли вѣкъ:
Сердца всколыхнулись—и стихли навѣкъ.

Вотъ, ноздри раздувши, валяется конь,
Но гордый изъ нихъ ужъ не пышетъ огонь,
И съ губъ его пѣна стекаетъ, мутна,
Какъ брызги разбитой волны, холодна.

Тамъ всадникъ лежитъ, безобразенъ и блѣденъ,
Съ копьемъ и щитомъ—и ребенку безвреденъ.
Могильный покой надъ шатрами царитъ—
Хоругви не вѣютъ, труба не звучитъ.

И трауромъ вдовы Ашура покрыты,
И идолы въ храмѣ Ваала разбиты;
Но сила врага не отъ нашихъ мечей—
Отъ блеска растаяла Божьихъ очей!

7*

Пѣсня труда.

(Изъ Бланчарда.)

— Братья, нѣтъ силы терпѣть! Мы устали
Биться за жизнь, эту жизнь нищеты и печали!
Краснаго солнца хотимъ мы, душистыхъ цвѣтовъ,—
Да, это Богу угодно,—мы требуемъ: „Восемь часовъ!“

Всюду, на фабрикахъ, въ докахъ, въ собраньяхъ взы-
[вайте народныхъ:
„Восемь часовъ для труда! Восемь для сна! Восемь —
[свободныхъ!“
Наши волы, что пасутся, покончивши трудъ,
Птицы небесныя, звѣри—счастливѣй живутъ.

О, если такъ... для чего же душа въ насъ живая?
Сдвинемся, братья, сомкнемся! Всюду, отъ края до края!
Если молчать будетъ голосъ нужды и труда,
Камни нѣмые начнутъ вопіять отъ стыда!

Вѣрьте: не темная сила—духъ правды и свѣта
Насъ призываетъ стоять, не страшась передъ Богомъ
[отвѣта.

Тотъ, кому образъ свой вѣчный съ любовью Онъ могъ [даровать,—
Въ прахѣ, какъ червь безсловесный, не долженъ лежать!

Пусть же звучитъ и въ поляхъ, и въ собраньяхъ народ- [ныхъ:
„Восемь часовъ для труда! Восемь для сна! Восемь — [свободныхъ!..“

—

Изъ-за морей.

(Изъ «Ирландскихъ пѣсенъ» О'Коннора.)

Съ далекой родины приходятъ злыя вѣсти
О черныхъ дняхъ бѣды, нависшей надъ страной;
Во снѣ и на яву зоветъ къ борьбѣ и мести
Изнеможенный ликъ Ирландіи родной.
И въ сердцѣ крикъ встаетъ: „О, гдѣ-жъ друзья свободы?
Чего молчатъ они? Чего еще онъ ждетъ,
Правдивой казни мечъ?..“
Мелькаютъ дни и годы...
О, Боже! кто спасетъ измученный народъ?

Туманная весна. Одѣтый первымъ пухомъ,
Недвиженъ сонный лѣсъ; въ заброшенныхъ поляхъ
Не ходитъ острый плугъ... И пахарь, павшій духомъ,
Надъ мертвой клячею стоитъ съ слезой въ очахъ.
И видитъ онъ вдали погнувшуюся хату,
Больныя личики дѣтей полунагихъ
И знаетъ: каждый день сулитъ ему утрату,
Обиду новую, отраву слезъ нѣмыхъ...

—Не плачь, несчастный братъ! Не думай, что мольбою
Смягчишь ты гнѣвъ небесъ, пославшихъ чашу бѣдъ,
Не думай, что вампиръ, взлелѣянный тобою,

Захочетъ кинуть самъ изсохшій твой скелетъ!
Отъ чуда ли ты ждешь желаннаго спасенья?
Избавитъ Богъ тебя отъ гнета хищныхъ лапъ?
Защиты въ небѣ нѣтъ! Надежды нѣтъ въ терпѣньи —
Иль самъ себя спасай, иль погибай, какъ рабъ!
Но хуже-ль ты другихъ? Изъ полнаго бокала
Не можешь радость пить со смѣхомъ на устахъ?
Мой край, родимый край! воспрянь... Пора настала —
Оковы ржавыя разбить и бросить въ прахъ!
Вставай—ударилъ часъ... Живой огонь тревоги
Воспламени въ сердцахъ, народы всколыхни...
Всели холодный страхъ въ бездушные чертоги,
Зажги по городамъ зловѣщіе огни!
Темницы распахни!.. И изъ своей могилы
И мы, забытые, живые мертвецы,
Лишенные давно и мужества, и силы,
Воспрянувъ, явимся, среди бойцовъ бойцы.
И если лучшій сокъ пожралъ огонь страданья,
И если лучшихъ силъ назадъ не возвратимъ,
То кровь послѣднюю, послѣднее дыханье
Тебѣ, о родина, съ восторгомъ отдадимъ!

Судьба идеаловъ.

I.

Именемъ любви.

(30 іюня 1680 года.)

День голубой занялся надъ Мадридомъ,
Томительно-паляцій лѣтній день.
Но не садовъ живительная тѣнь
Влечетъ толпу: великолѣпнымъ видомъ
Порадовать готовится король
И пышный дворъ, и уличную голь.

Стукъ топора и визгъ пилы былъ слышенъ
На площади шестнадцать долгихъ дней.
Тамъ лабиринтъ воздвигнутъ галлерей
И яркихъ ложъ... Какъ дамъ уборъ тамъ пышенъ!
Какъ рыцарей галантны видъ и рѣчь!
Жидовъ и вѣдьмъ сегодня будутъ жечь.

Чу! близятся... Неясный гулъ движенья...
И замеръ духъ у зрителей въ груди.
Съ мечами трубочисты впереди...
А вотъ *и тѣ*... Бредутъ, какъ привидѣнья,

Босые всѣ, со свѣчками въ рукахъ,
Въ сорочкахъ бѣлыхъ, въ страшныхъ колпакахъ.

Съ хоругвями, съ эмблемами, крестами
Святая инквизиція грядетъ,—
Монахи, патеры, епископы... Народъ
Подался въ глубь бурливыми волнами,
И съ верхнихъ ложъ благочестивый дворъ
На сцену устремилъ горящій взоръ.

Пришли... Стоятъ съ покорностью печальной...
И зашумѣла буря голосовъ:
„Огня, огня! Долой еретиковъ!"
Но вдругъ... Что тамъ? Раздвинувъ кругъ опальный,
Фигура отдѣлилась... Вотъ, она
Предъ трономъ королевы склонена.

И кто-бъ рѣшилъ: которая прекраснѣй
Была изъ двухъ? Она-ль, къ порфирѣ чьей
Летѣлъ восторгъ безчисленныхъ очей,
Иль та, которой не было несчастнѣй
Подъ солнцемъ, озарявшимъ этотъ мигъ?
Въ слезахъ былъ весь марранки *) юной ликъ.

— „О, сжальтесь, королева надо мною!—
Она шептала, руки заломивъ:—
Пятнадцать лѣтъ всего мнѣ... Судъ правдивъ,
Но умереть такъ рано!.. Я-ль виною,
Что Богу силъ есть въ мірѣ тьма именъ,
Что мой законъ—моихъ отцовъ законъ?"

---

*) Марранами назывались въ Испаніи евреи-выкресты, вновь обратившіеся къ религіи предковъ.

Здѣсь—гнѣва крикъ, тамъ—шепотъ изумленья...
Надежды лучъ и леденящій страхъ...
У королевы слезы на глазахъ,
Дрожитъ рука,—и кроткій звукъ прощенья
Сорваться съ устъ трепещущихъ готовъ:
На короля глядитъ она безъ словъ.

Но вотъ, уста задвигались сухія
(Великій инквизиторъ встать спѣшитъ):
„Король Христовой церкви! Врагъ не спитъ...
Отринь скорѣй его навѣты злые,
Сверши свой долгъ!“ И, руку вверхъ поднявъ,
Король въ отвѣтъ: „Клянусь, отецъ,—ты правъ“.

И эта клятва мрачными попами
Повторена... Раздался слабый стонъ—
И грянуло аминь со всѣхъ сторонъ,
И вспыхнуло свирѣпой казни пламя!
Багровый дымъ поднялся къ небесамъ
Хвалой Тому, Кто былъ замученъ самъ.

II.

Слава.

1.

— Выше, выше, рабы! Громоздите
На утесы—утесы, гранитъ на гранитъ!
Изнуряйтесь, кричите отъ боли, умрите
У подножія гордыхъ моихъ пирамидъ:
Вы на то лишь и годны, презрѣнныя души!
Я—Хеопсъ богоравный, я—солнцемъ рожденъ;

Звуки славы моей на моряхъ и на сушѣ
Отдаленныхъ достигнутъ временъ.
Но гордитесь—вы подвигъ безсмертный творите:
Монументъ мой подъ бурей вѣковъ устоитъ...
Выше, выше еще! Громоздите
На утесы—утесы, гранитъ на гранитъ!

2.

— Въ путь, въ невѣдомый путь, удалая фаланга
Македонскихъ героевъ! Безстрашно впередъ
Черезъ пламя пустынь, черезъ холодъ высотъ
Къ изумруднымъ лѣсамъ тихоструйнаго Ганга!
Александру весь міръ покорить вы должны,
Чтобы не было имени въ мірѣ славнѣе...
Жгите села и нивы, рубите смѣлѣе,
Убѣляйте костями дорогу войны!
Не жалѣйте напитковъ на тризнѣ кровавой—
На поляхъ этихъ пышная жатва взойдетъ:
Александра безсмертною славой
Міръ наполниться долженъ... Впередъ!

3.

— Славься, славься, моя многозвучная лира,
Ты въ великомъ бою посрамила враговъ!
Много сильныхъ земли, много гордыхъ пѣвцовъ
Предъ глазами сошлось удивленнаго міра,
Чтобъ украсить чело заповѣднымъ вѣнкомъ;
Много пѣсенъ, угодныхъ богамъ, прозвучало,
Дивныхъ пѣсенъ, сердца зажигавшихъ огнемъ,—
И меня, лишь меня одного увѣнчала
Лучезарнаго Феба благая рука.

Пой же, пой, моя лира, греми, не смолкая:
Ты—Эллады краса и утѣха святая,
Будутъ помнить тебя племена и вѣка!

4.

И вѣка пронеслись... Мавзолей величавый
Еле виденъ въ наносахъ горючихъ песковъ,
И ободранъ его драгоцѣнный покровъ,
И затерты узорныя надписи славы.
И не помнятъ подъ солнцемъ ливійскихъ небесъ,
Кто изъ смертныхъ придавленъ громадою стройной—
Горделивый Хеопсъ, иль могучій Рамсѐсъ...
И не меньше забытъ Александръ безпокойный!
Смутно шепчетъ молва о великомъ бойцѣ,
Полномъ дикихъ страстей и порывовъ прекрасныхъ...
Да по свисту знакомому розогъ ужасныхъ
Школяры еще знаютъ о гордомъ пѣвцѣ,
Тщетно силясь гекзаметръ прочесть величавый...
        Вотъ удѣлъ, называемый славой!..

III.

Мечтатели.

Любовь... Блаженный сонъ!.. Кто въ юности прекрасной
Не окружалъ тебя сіяющимъ вѣнцомъ?

Была пора—была рабой безгласной
И вещью женщина, мужчина былъ царемъ.
Одинъ владѣлъ онъ всѣмъ; ничтожной крошки хлѣба,
Рабыня, не могла назвать она своей.
Въ тѣ дни союзъ любви явился даромъ неба,
        Очеловѣчившимъ людей.

Надъ темнымъ міромъ зла, надъ *я* себялюбивымъ
Любовь воздвигла міръ чарующей мечты,
Зажгла сердца возвышеннымъ порывомъ,
Изъ устъ исторгла пѣснь во славу красоты!

Но въ позолотѣ цѣпь, увы, не легче стала:
Все доля женская—подобіе тюрьмы...

И есть мечтатели, есть дерзкіе умы,
Провидящіе свѣтъ иного идеала.
„Гименъ! Ты—темное, ты злое божество
Съ улыбкой ангела... Обманъ, миражъ красивый,
Которымъ звѣрь прикрытъ сластолюбивый,
Въ которомъ нѣтъ святого ничего!
Все для себя—и ничего для міра...
Ничтожный, пошлый кругъ! Безвыходный капканъ,
Гдѣ заперты навѣкъ два мстительныхъ вампира
Подъ масками друзей... И это—ты, титанъ,
Свободы гордый сынъ? И къ этому такъ жадно
Вѣка стремишься ты, съ упорствомъ муравья?
Нѣтъ, нѣтъ! Исчезнетъ онъ, безумный, безотрадный
Кошмаръ, названіе которому...
За милый женскій взглядъ, за сладкій мигъ участья
Меча на брата братъ не вынетъ изъ ножонъ!
Всѣ будутъ позваны на свѣтлый праздникъ счастья,
Никто не будетъ обдѣленъ!“

———

Пѣсни побѣжденныхъ.

Изъ пѣсенъ борьбы за освобожденіе Италіи.

Чезаре Никколини.

I.

Не плачь, о мать моя, и сына не кори!
Не горе домъ твой посѣтило.
Съ тоской и горечью врагамъ не говори,
Что сына ты похоронила.
Но ты скажи, что духомъ онъ возсталъ
Изъ ненавистной ночи гроба,
Когда увѣровалъ и истину позналъ,
И что ему смѣшна ихъ злоба!
Что много насъ; что съ бою счастье взять
Идемъ мы, не страшась гоненья,
И что, любя, за братьевъ погибать—
Нѣтъ въ мірѣ выше наслажденья!..
Родимая!.. Ты можешь ли понять
Слова мои? Одна моя кручина,
Что, умирая, можешь ты сказать:
„Я раньше схоронила сына"...

II.

Рѣшетки, бойницы... И въ стѣны тюрьмы
Волна ударяетъ безсонная...

Здѣсь царство безмолвія, страха и тьмы,
    Здѣсь молодость спитъ побѣжденная!
Великая молодость, въ сердцѣ больномъ
    Святыя мечты затаившая,
Поникшая скорбно высокимъ челомъ,
    Но гордость и гнѣвъ сохранившая!
И гаснетъ безрадостно солнце весны,
    Проносятся зимы тоскливыя...
Все снятся мучительно-яркіе сны—
    Былого видѣнья счастливыя!

III.

Сегодня я всю ночь не могъ очей сомкнуть,—
Сомнѣнье черное мнѣ душу истерзало!
Желѣзною рукой сдавивши мозгъ и грудь,
Свободно чувствовать и мыслить не давало
И грознымъ шепотомъ дышало на меня:
„О, горе, горе вамъ! Вы родину сгубили!
Въ преддверьи свѣтлаго и радостнаго дня
Она была-бъ теперь, - вы только отдалили
Ея свободы часъ... Безумные! Себя
За цвѣтъ и соль земли сочли вы горделиво,
Вопросы сложные рѣшая торопливо,
Грѣхи вѣковъ съ плеча рубя!
И что отрады въ томъ, что сторонѣ родимой
Желали блага вы, что ваша кровь лилась?
Любя, вы нанесли ей вредъ непоправимый...
Да, вы преступники! Она осудитъ васъ!“

Такъ, въ тишинѣ ночной, угрюмое сомнѣнье
Нашептывало мнѣ, злорадствуя и мстя...

И, полный ужаса и слабый, какъ дитя,
Спасенья я искалъ – и не было спасенья!

IV.

— Пускай обвиняютъ, клевещутъ, бранятъ,
И жалятъ, и топчутъ, у спящихъ въ могилѣ
Вѣнцы отнимаютъ... Пускай говорятъ,
Что родину мы погубили!
Не вамъ насъ судить! Мы на судъ васъ зовемъ,
Кто глухъ былъ къ стенаньямъ народа родного!
Безъ страха суда мы правдиваго ждемъ—
Потомства свободнаго слова.
Вы неба не знали: влачась по землѣ,
На ощупь вы каждый успѣхъ измѣряли,
А мы... Мы витали въ таинственной мглѣ—
Мы думой въ вѣка прозирали!
Свободная мысль изнывала въ цѣпяхъ,
И мракъ былъ ужасенъ, и зло ликовало...
Мы подняли знамя, упавшее въ прахъ—
И полночь вокругъ задрожала!
Горсть храбрыхъ на тьмы ополчилась враговъ,
Шатались могучаго трона ступени...
Мгновенье... Но цѣлые сонмы вѣковъ
Подобныхъ не стоятъ мгновеній!
Все стихло, предсмертный лишь носится стонъ...
Но явится правды поруганной Мститель:
Не тотъ, кто на землю упалъ,—побѣжденъ,
Не тотъ, кто разитъ,—побѣдитель!

Пѣсня бурильщиковъ.

Тамъ, гдѣ, холодомъ облиты,
Сопки высятся кругомъ,—
Обезличены, обриты,
Въ кандалахъ и подъ штыкомъ,—
Въ полумракѣ шахты душной,
Не жалѣя силы рукъ,
Мы долбимъ гранитъ бездушный
Монотоннымъ „тукъ!“ да „тукъ!“

Гдѣ высокіе порывы,
Сны о правдѣ и добрѣ?
Ранній гробъ себѣ нашли вы
Въ темной каторжной норѣ!
Счастья кончены обманы,
Знамя вырвано изъ рукъ...
Заглушая сердца раны,
Мы стучимъ лишь: „тукъ!“ да „тукъ!“

Съ нелюдимаго востока,
Съ плачемъ снѣжныхъ непогодъ,
Этотъ стукъ пройдетъ далеко,
Въ грудь отчизны западетъ.

И на гибнущее дѣло
Вышлетъ сотни свѣжихъ рукъ...
Бейте-жъ, братья, бейте смѣло,
Неустанно: „Тукъ! тукъ! тукъ!“

1891 г., Акатуйскій
рудникъ.

II.

БОДЛÈРЪ.

ЦВѢТЫ ЗЛА.

(LES FLEURS DU MAL).

...La Voix me console et dit: „Garde tes songes!
Les sages n'en ont pas d'aussi beaux que les fous!“

Изъ предисловія.

На мягкомъ ложѣ зла рукой неутомимой
Нашъ духъ баюкаетъ, какъ нянька, Сатана,
И мудрымъ химикомъ въ насъ испаренъ до дна
Душевной твердости металлъ неоцѣнимый.
За нити тайныя насъ дергаетъ самъ адъ:
Мы въ омерзительномъ прекрасное находимъ,
Что день—на шагъ одинъ въ глубь преисподней сходимъ
И съ чувствомъ ужаса не поглядимъ назадъ!
Немолчно копошась, какъ милліонъ червей,
Толпа въ насъ демоновъ безстыдныхъ веселится,
И съ каждымъ вздохомъ Смерть намъ въ легкія струится
Съ глухою жалобой, незримо для очей.
И если ядъ, пожаръ и остріе кинжала
Еще не вышили узоровъ роковыхъ
На нашихъ скучныхъ дняхъ, и пошлыхъ, и пустыхъ,—
Увы! лишь потому, что въ насъ отваги мало...
Но межъ лисицъ, пантеръ, шакаловъ, ястребовъ,
Межъ гадовъ всѣхъ породъ, ползущихъ и летящихъ,
Чудовищъ воющихъ, ревущихъ и визжащихъ,
Въ звѣринцѣ нашихъ душъ, подъ грудою грѣховъ,
Одно есть чудище, исчадье адской злобы:
Въ своей недвижности загадочно-нѣмой
Охотно-бъ шаръ оно разрушило земной
И поглотить весь міръ однимъ зѣвкомъ могло бы!
То—Скука... Грезится ей плахъ кровавыхъ рядъ,
И, отъ зѣвоты, взоръ подернутъ слезъ туманомъ...
Читатель, ты знакомъ съ изнѣженнымъ тираномъ,—
Читатель-лицемѣръ,—подобный мнѣ,—мой братъ!

Альбатросъ.

Когда въ морскомъ пути тоска грызетъ матросовъ,
Они, досужій часъ желая скоротать,
Безпечныхъ ловятъ птицъ, огромныхъ альбатросовъ,
Которые суда такъ любятъ провожать.

И вотъ, когда царя любимаго лазури
На палубѣ кладутъ, онъ снѣжныхъ два крыла,
Умѣвшихъ такъ легко парить навстрѣчу бурѣ,
Застѣнчиво влачитъ, какъ два большихъ весла.

Быстрѣйшій изъ гонцовъ, какъ грузно онъ ступаетъ!
Краса воздушныхъ странъ, какъ сталъ онъ вдругъ смѣшонъ!
Дразня, тотъ въ клювъ ему табачный дымъ пускаетъ,
Тотъ веселитъ толпу, хромая, какъ и онъ.

Поэтъ, вотъ образъ твой! Ты также безъ усилья
Летаешь въ облакахъ средь молній и громовъ,
Но исполинскія тебѣ мѣшаютъ крылья
Внизу ходить, въ толпѣ, средь шиканья глупцовъ.

На высотѣ.

Надъ горами, лѣсами, долинами,
Надъ воздушной грядой облаковъ,
Надъ морскими сѣдыми пучинами,
За границами звѣздныхъ міровъ,—

Ты, мой духъ, въ безконечности носишься;
Какъ пловецъ, ты лазурь бороздишь—
То въ пучину бездонную бросишься,
То въ надзвѣздную высь улетишь.

Отъ міазмовъ земныхъ заражающихъ
Тамъ очистись, въ эфирныхъ моряхъ,
Окунись въ ихъ струяхъ освѣжающихъ,
Въ свѣтозарныхъ омойся лучахъ!

Забывая страданія жгучія,
Жизни пасмурной скуку и гнетъ,—
О, блаженъ тотъ, чьи крылья могучія
Въ высоту направляютъ полетъ!

Тотъ, чьи мысли, какъ птицы свободныя,
Горделиво надъ жизнью парятъ,
Для кого дышутъ камни холодные,
Съ кѣмъ ручьи и цвѣты говорятъ!

———

Благословеніе.

Когда Поэтъ, по волѣ провидѣнья,
Явился въ міръ,—испуганная мать,
Сжавъ кулаки, полна богохуленья,
Дитя и небо стала проклинать:
„Ахъ, лучше-бъ комъ до омерзѣнья гадкихъ
Живыхъ ехиднъ на свѣтъ я родила!
Тотъ проклятъ часъ, та ночь восторговъ краткихъ,
Когда позоръ я мужу зачала!
Но если Богъ посмѣшищемъ народа
Меня одну избралъ изъ матерей,
И не могу я гнуснаго урода
Швырнуть въ огонь украдкой отъ людей,—
О, я отмщу за муки униженья!
Я гнѣвъ небесъ на даръ ихъ перелью:
Я такъ скручу несчастное растенье,
Что почки всѣ въ зародышѣ убью!“
Такъ, день и ночь питаться желчью рада,
Не въ силахъ цѣль предвѣчную понять,
Уже впередъ готовитъ въ нѣдрахъ ада
Себѣ костеръ озлобленная мать.
Но сирота, подъ тайною охраной
Самихъ небесъ, несетъ свой тяжкій крестъ:
Во всемъ, что пьетъ, онъ нектаръ пьетъ румяный,
Во всемъ, что ѣстъ, амброзію онъ ѣстъ.

Съ пролетной тучкой весело болтаетъ,
Играетъ съ вѣтромъ, съ птичкой полевой
И съ ней поетъ... И съ грустью наблюдаетъ
Хранитель-ангелъ смѣхъ его живой!
Онъ весь—любовь... Но холодъ подозрѣнья
Идетъ за нимъ: за то, что кротокъ онъ,
Ему дарятъ обиды и гоненья,—
Такъ любо всѣмъ его подслушать стонъ!
Въ его вино и хлѣбъ его мѣшаютъ
Плевки съ золой; и все, чего рукой
Коснется онъ, брезгливо отвергаютъ,—
Его слѣды обходятъ стороной.

. . . .

Его жена на площадяхъ публичныхъ
Не устаетъ хвастливо говорить:
„Онъ дышетъ мной! Я идоловъ античныхъ
Хочу собой для міра воскресить!
Вся въ золото одѣнусь; благовонный
Заставлю нардъ мнѣ жечь и ѳиміамъ;
Въ его душѣ колѣнопреклоненной,
Какъ божеству, себѣ воздвигну храмъ.
А, утомясь кощунственной забавой,
Я коготь свой безумцу покажу
И, въ грудь вонзивъ, со смѣхомъ путь кровавый,
Какъ гарпія, до сердца проложу.
И это сердце розовое выну,
Какъ изъ гнѣзда дрожащаго птенца,
И на обѣдъ любимой кошкѣ кину
И трепетомъ упьюсь его конца“.

Въ ночной тиши Поэтъ благочестивый
Лучистый взоръ возводитъ къ небесамъ,

И свѣтъ горитъ въ его душѣ правдивой,
Прощенья свѣтъ неистовымъ врагамъ:
—„Благословенъ Дающій намъ страданья,
Въ пустынѣ зла источникъ водъ живыхъ!
Какъ сталь въ огнѣ, въ горнилѣ испытанья
Нашъ крѣпнетъ духъ для радостей святыхъ.
Я знаю: тамъ, гдѣ Ты царишь, блистая,
Есть уголокъ и для моихъ скорбей,
И позовешь меня Ты въ кущи рая
На праздникъ Силъ, Престоловъ и Властей.
Онъ правъ, Твой судъ! Даетъ вѣнецъ нетлѣнный
Лишь путь креста, мученій и тревогъ,
И дань нужна со всѣхъ міровъ вселенной,
Чтобъ мой сплести мистическій вѣнокъ!
Забытый блескъ прославленной Пальмиры,
Богатства горъ и глубины морей,
Всѣ перлы ихъ, алмазы и сапфиры—
Потонутъ вмигъ въ огнѣ его лучей!
Онъ будетъ свитъ не смертными руками
Изъ чистыхъ струй не здѣшняго огня,
Того огня, передъ которымъ пламя
Людскихъ очей—лампада въ блескѣ дня!“

Маленькія старушки.

(Посвящено Виктору Гюго.)

I.

Въ изгибахъ сумрачныхъ старинныхъ городовъ,
Гдѣ самый ужасъ, все полно очарованья,
Часами цѣлыми подстерегать готовъ
Я эти странныя, но милыя созданья!

Уродцы слабые со сгорбленной спиной
И сморщеннымъ лицомъ, когда-то Эпонинамъ,
Лаисамъ и онѣ равнялись красотой...
Полюбимъ ихъ теперь! Подъ ветхимъ кринолиномъ

И рваной юбкою отъ холода дрожа,
На каждый экипажъ косясь пугливымъ взоромъ,
Ползутъ онѣ, въ рукахъ заботливо держа
Завѣтный ридикюль съ поблекнувшимъ узоромъ.

Неровною рысцей безпомощно трусятъ,
Подобно раненымъ волочатся животнымъ;
Какъ куклы съ фокусомъ, прохожаго смѣшатъ,
Выдѣлывая па движеньемъ безотчетнымъ...

Межъ тѣмъ, глаза у нихъ буравчиковъ острѣй—
Какъ въ ночи лунныя съ водою ямы, свѣтятъ:
Прелестные глаза неопытныхъ дѣтей,
Смѣющихся всему, что яркаго замѣтятъ!

Васъ поражалъ размѣръ и схожій видъ гробовъ
Старушекъ и дѣтей? Какъ много благородства,
Какую тонкую къ изящному любовь
Художникъ мрачный—Смерть вложила въ это сходство!

Наткнувшись иногда на немощный фантòмъ,
Плетущійся въ толпѣ по набережной Сены,
Невольно каждый разъ я думаю о томъ—
Какъ эти хрупкіе, разстроенные члены

Сумѣетъ гробовщикъ въ свой ящикъ уложить...
И часто мнится мнѣ, что это еле-еле
Живое существо, наскучившее жить,
Бредетъ, не торопясь, къ вторичной колыбели...

Рѣкой горючихъ слезъ, потокомъ безъ конца
Прорыты вашихъ глазъ бездонные колодцы,
И прелесть тайную, о милые уродцы,
Находятъ въ нихъ бѣдой вскормлённыя сердца!

II.

Но я... Я въ нихъ влюбленъ!—Мнѣ васъ до боли жалко,
Садовъ ли Тиволи вы легкій мотылекъ,
Фраскати-ль стараго влюбленная весталка,
Иль жрица Таліи, чье имя зналъ раекъ.

Ахъ! многія изъ васъ, на днѣ самой печали
Умѣя находить благоуханный медъ,
На крыльяхъ подвига, какъ боги, достигали
Смиренною душой заоблачныхъ высотъ!

Однѣхъ родимый край повергъ въ пучину горя,
Другихъ свирѣпый мужъ скорбями удручилъ,
А третьимъ сердце сынъ-чудовище разбилъ,—
И слезы всѣхъ, увы, составили бы море!

III.

Какъ наблюдать любилъ я за одной изъ васъ!
Въ часы, когда заря вечерняя алѣла
На небѣ, точно кровь изъ ранъ живыхъ сочась,—
Въ укромномъ уголку она одна сидѣла

И чутко слушала богатый мѣдью громъ
Военной музыки, который наполняетъ
По вечерамъ сады и боевымъ огнемъ
Уснувшія сердца согражданъ зажигаетъ.

Она еще пряма, бодра на видъ была
И жадно пѣснь войны суровую вдыхала:
Глазъ расширялся вдругъ порой, какъ у орла,
Чело изъ мрамора, казалось, лавровъ ждало...

IV.

Такъ вы проходите черезъ хао́съ столицъ
Безъ слова жалобы на гнетъ судьбы неправой,

Толпой забытою святыхъ или блудницъ,
Которыхъ имена когда-то были славой!

Теперь въ людской толпѣ никто не узнаетъ
Въ васъ грацій старины, терявшихъ счетъ побѣдамъ;
Прохожій пьяница къ вамъ съ лаской пристаетъ
Насмѣшливой, гамэнъ за вами скачетъ слѣдомъ.

Стыдясь самихъ себя, вы бродите вдоль стѣнъ,
Пугливы, скорчены, блѣдны, какъ привидѣнья,
Еще при жизни—прахъ, полуостывшій тлѣнъ,
Давно созрѣвшій ужъ для вѣчнаго нетлѣнья!

Но я, мечтатель,—я, привыкшій каждый вашъ
Невѣрный шагъ слѣдить тревожными очами,
Невѣдомый вамъ другъ и добровольный стражъ,—
Я, какъ отецъ дѣтьми, тайкомъ любуюсь вами...

Я вижу вновь разсвѣтъ погибшихъ вашихъ дней,
Неопытныхъ страстей неясныя волненья;
Чрезъ вашу чистоту самъ становлюсь свѣтлѣй,
Прощаю и люблю всѣ ваши заблужденья!

Развалины! Мой міръ! Свое прости вамъ вслѣдъ
Торжественно я шлю при каждомъ разставаньи·
О, Евы бѣдныя восьмидесяти лѣтъ,
Увидите-ль зари вы завтрашней сіянье?..

Дурной монахъ.

На сумрачныхъ стѣнахъ обителей святыхъ,
Бывало, Истина въ картинахъ представала
Очамъ отшельниковъ, и ледъ сердецъ людскихъ,
Убитыхъ подвигомъ, искусство умѣряло.

Цвѣли тогда, цвѣли Христовы сѣмена!
Немало иноковъ, прославленныхъ молвою,
Смиренно возложивъ свой крестъ на рамена,
Умѣли славить Смерть съ великой простотою.

Мой духъ—могильный склепъ, гдѣ, пòслушникъ дурной,
Я долженъ вѣчно жить, не видя ни одной
Картины на стѣнахъ обители постылой...

— О, нерадивый рабъ! Когда сберусь я съ силой
Изъ зрѣлища моихъ несчастій и скорбей
Трудъ сдѣлать рукъ моихъ, любовь моихъ очей?

Няня.

Служанка скромная съ великою душой,
Безмолвно спящая подъ зеленью простой,
Давно цвѣтовъ тебѣ мы принести мечтали!
У бѣдныхъ мертвецовъ, увы, свои печали,—
И въ дни, когда октябрь уныло шелеститъ
Опавшею листвой надъ мраморомъ ихъ плитъ,
О, какъ завидуютъ они намъ безконечно,
Намъ, дремлющимъ въ теплѣ, въ уютности безпечной,
Въ то время какъ они, подъ гнетомъ черныхъ сновъ,
Безъ доброй болтовни, въ стѣнахъ сырыхъ гробовъ,
Скелеты мерзлые, изрытые червями,
Лежатъ... И сыплются беззвучными клоками
На нихъ снѣга зимы... И такъ года текутъ,
И свѣжихъ имъ вѣнковъ друзья не принесутъ!

Холоднымъ декабремъ, во мракѣ ночи синей,
Когда поютъ дрова, шипя, въ моемъ каминѣ,—
Увидѣвши ее на креслахъ въ уголку,
Тайкомъ поднявшую могильную доску
И вновь пришедшую, чтобъ материнскимъ окомъ
Взглянуть на взрослое дитя свое съ упрекомъ,—
Что́ я отвѣчу ей, при видѣ слезъ нѣмыхъ,
Тихонько каплющихъ изъ глазъ ея пустыхъ?..

Сумерки.

Вотъ другъ преступника, вотъ вечеръ, полный чаръ!
Онъ крадется, какъ волкъ, готовящій ударъ...
День прячетъ медленно свой обликъ помертвѣлый,
И хищникъ ждетъ съ душой остервенѣлой.

О, вечеръ! Тотъ тебѣ благословенья шлетъ,
Кто въ этотъ часъ съ лица отеръ горячій потъ,
Чьи очи скорбныя давно отяжелѣли,—
Рабочій, чуть живымъ добредшій до постели.

Но вредныхъ демоновъ уже нарушенъ сонъ:
Съ зѣвотой дѣловой спѣшатъ со всѣхъ сторонъ
Крылатыя толпы,—тревожно суетятся,
Шныряютъ, нюхаютъ, подъ окнами стучатся...

Чуть глянули огни на омраченный міръ,
На улицахъ Развратъ свой зажигаетъ пиръ:
Всѣ норы, выходы внезапно открываетъ,
Повсюду западни и сѣти разставляетъ.

Какъ червь прожорливый, онъ точитъ весь народъ.
Чу! слышно здѣсь и тамъ шипѣнье сковородъ,
Театровъ плескъ и визгъ, томящій вой органа,
И смѣхъ, и голоса и пьяный звонъ стакана.

Вокругъ столовъ съ игрой столпились шулера
И падшихъ женщинъ рой... Ихъ часъ пришелъ! Пора,
Пора достать обѣдъ! И вотъ наступитъ скоро
Чередъ идти на ловъ и для простого вора.

Карманы очищать онъ долженъ мастерски,
Неслышно взламывать замки и сундуки,
Чтобъ день, другой пожить въ безпечности отрадной,
Да для любовницы уборъ купить нарядный...

О, тяжкіе часы! О, безъ конца позоръ!
Душа моя, закрой свой огорченный взоръ,
Замкни твой слухъ, уйди въ себя скорѣе!
Страданія больныхъ теперь всего острѣе.

Ночь темная, какъ врагъ, хватаетъ ихъ за грудь
И въ общей пропасти торопитъ потонуть.
Больница вздохами наполнилась... Едва ли
Изъ этихъ бѣдняковъ, рожденныхъ для печали,

Найдетъ ужъ кто-нибудь вечернею порой
Опять душистый супъ въ кругу семьи родной;
Еще же больше тѣхъ, кто въ жизни нелюдимой
И не знавалъ во-вѣкъ тепла семьи родимой!

Разсвѣтъ.

Въ казармахъ, за рѣкой, пробили часъ зари,
И свѣжій утренникъ ужъ гаситъ фонари.
Толпа злотворныхъ сновъ приникла къ изголовью
Кипучихъ юношей... Какъ глазъ, налитый кровью,
Свѣтъ лампы замигалъ въ предутреннихъ лучахъ...
И въ этотъ смутный часъ, какъ лампы свѣтъ, въ цѣпяхъ
Тѣлесной немощи душа безсильно бьется,
Тоскуетъ и болитъ и на свободу рвется!
Весь воздухъ — какъ лицо, залитое въ слезахъ:
Предметы зыблются въ причудливыхъ чертахъ...
Уже послышались кой-гдѣ людскія рѣчи
Съ охриплымъ отзвукомъ, и задымились печи.

Писатель задремалъ, не выпустивъ пера.
И падшимъ женщинамъ уснуть пришла пора—
Тупымъ, тяжелымъ сномъ безъ радости и муки,
Со ртомъ разинутымъ, какъ плети свѣсивъ руки.
Голь изнуренная, съ отрепьемъ на плечахъ,
Разводитъ очаги на жалкихъ чердакахъ;
Средь холода и мглы, въ лишеньяхъ нищей доли,
Несчастныхъ рожёницъ теперь ужаснѣй боли!
Какъ заглушенный плачъ сквозь хлынувшую кровь,
Крикъ сиплый пѣтуха, замолкнувъ, слышенъ вновь.
Сѣдой плыветъ туманъ, какъ море, колыхаясь...

И въ глубинѣ больницъ, хрипя и задыхаясь,
Не мало горемыкъ отходитъ въ этотъ часъ!
Межъ тѣмъ, толпа гулякъ, трудами утомясь,
Торопится домой,—нога съ ногой въ разладѣ...

Въ зелено-розовомъ трепещущемъ нарядѣ
Студеная заря надъ Сеною пустой
Неспѣшно движется огнистой полосой,
И сумрачный Парижъ, старикъ трудолюбивый,
Протеръ уже глаза рукой нетерпѣливой.

———

Душа вина.

Однажды вечеромъ въ тюрьмѣ своей стеклянной
Душа вина, я слышалъ, пѣла такъ:
„Къ тебѣ взываю я, о дорогой, желанный,
Судьбою и людьми обиженный бѣднякъ!

„Чтобъ жизнь мою создать, я знаю—сколько пота
Ты пролилъ на поляхъ, въ томящемъ зноѣ дня;
Безъ благодарности была твоя работа,
Но благодарное есть сердце у меня!

„Повѣрь: въ тотъ свѣтлый мигъ восторгъ мой безпре-
дѣленъ,
Когда касаюсь я горячихъ губъ людскихъ,
Чтобъ сладко умереть! А здѣсь мой вѣкъ безцѣленъ —
Томиться въ погребахъ холодныхъ и сырыхъ.

„Ты слышишь ли, какъ полные отрады
Въ моей груди трепещущей звучатъ
Воскресные припѣвы и рулады,
И радости, и счастіе сулятъ?

„Зимой, по вечерамъ, въ кругу семьи болтая,
Ты будешь пить меня, о прошломъ не скорбя,

И, за глоткомъ глотокъ неспѣшно пропуская,
Съ локтями на столѣ, похваливать, любя.

„Въ глаза твоей жены я брошу искру свѣта,
Отъ будничныхъ заботъ я духъ твой отрѣшу
И сына твоего, зачахшаго атлета,
Для юности отцвѣтшей воскрешу.

„Я въ грудь къ вамъ упаду амброзіей священной,
Зерномъ, посѣяннымъ предвѣчною рукой,—
И брызнетъ изъ сердецъ, какъ солнца лучъ живой,
Цвѣтокъ поэзіи нетлѣнный!“

Пирушка тряпичниковъ.

Ненастье. Фонарей дрожащихъ слышенъ стукъ.
Чуть льется красный свѣтъ на лабиринтъ лачугъ
Предмѣстья стараго, гдѣ бурными дрожжами
Рабочій бродитъ людъ, и грязь стоитъ морями.
Въ душѣ тряпичника, межъ тѣмъ, тепло и свѣтъ!
Качаясь, стукаясь о стѣны, какъ поэтъ,
Забывъ и помышлять о сыщикахъ коварныхъ,
Онъ весь излиться радъ въ проектахъ лучезарныхъ:
Законы издаетъ для всѣхъ племенъ земныхъ,
Вѣнчаетъ лавромъ жертвъ, ниспровергаетъ злыхъ
И подъ шатромъ небесъ, нависшихъ балдахиномъ,
Отважнымъ мнитъ себя и мощнымъ паладиномъ!
Старикъ, до времени согну́тый и сѣдой,
Измолотый трудомъ, заботой и нуждой,
Уставшій подбирать вонючія тряпицы,
Отрыжку грязную прожорливой столицы,
Такъ онъ идетъ домой, въ свой уголъ бѣдняка,
Пропитанъ запахомъ пріятнымъ погребка,
Съ толпой товарищей, и ихъ усы сѣдые
Висятъ, какъ предъ полкомъ знамена боевыя!
Предъ ними солнца блескъ, и флаги, и цвѣты...
И въ шумной оргіи—о, свѣтлыя мечты!—

Побѣдныхъ кликовъ, трубъ несутъ они свободу
И воскресенья вѣсть усталому народу!

Такъ бодрое вино, отрада всѣхъ живыхъ,
Пактоломъ *) золотымъ течетъ по жиламъ ихъ,
Надъ міромъ царствуя любовью и дарами
Вѣрнѣй, чѣмъ короли желѣзомъ и бичами...
Надъ скорбною землей немолчный слыша стонъ,
Богъ, мучимъ совѣстью виновной, создалъ сонъ,
А хитрый человѣкъ прибавилъ сокъ янтарный,
Дитя любимое денницы лучезарной...

---

*) Золотоносная рѣка въ Лидіи.

Хмѣль убійцы.

Жена въ землѣ... Ура! Свобода!
Бывало, вся дрожитъ душа,
Когда приходишь безъ гроша,
Отъ криковъ этого урода.
Теперь мнѣ царское житье.
Какъ воздухъ чистъ! Какъ небо ясно!
Вотъ такъ весна была прекрасна,
Когда влюбился я въ нее.
Чтобъ эта жажда перестала
Мнѣ грудь изсохшую палить,
Ея могилу затопить
Вина хватило бы... Не мало!
На дно колодца, гдѣ вода,
Ее швырнулъ я вверхъ ногами
И забросалъ потомъ камнями...
Ее забуду я—о, да!
Во имя нѣжныхъ клятвъ былого,
Всего, чему забвенья нѣтъ,
Чтобъ нашей страсти сладкій бредъ
И счастья дни вернулись снова,
Молилъ свиданья я у ней
Подъ вечеръ, на дорогѣ темной.
Она пришла овечкой скромной...
Вѣдь глупость—общій грѣхъ людей!

Она была еще прелестна,
Какъ трудъ ее ни изнурилъ,
А я... я такъ ее любилъ!
Вотъ отчего намъ стало тѣсно.
Душа мнѣ странная дана:
Изъ этихъ пьяницъ отупѣлыхъ
Свивалъ ли кто рукою смѣлыхъ
Могильный саванъ изъ вина?
Нѣтъ! толстой шкурѣ ихъ едва ли
Доступна сильная вражда,
Какъ, вѣроятно, никогда
Прямой любви они не знали,
Съ ея безсонницей ночей,
Съ толпой больныхъ очарованій,
Съ убійствомъ, звуками рыданій,
Костей бряцаньемъ и цѣпей!
И вотъ я одинокъ, я воленъ!
Мертвецки къ вечеру напьюсь
И на дорогѣ растянусь,
Собою и судьбой доволенъ.
Что мнѣ опасность, иль законъ?
Промчится, можетъ быть, съ разбѣга
Съ навозомъ грузная телѣга,
Иль перекатится вагонъ
Надъ головой моей преступной,
Но я смѣюсь надъ Сатаной,
Надъ папой съ мессою святой
И жизнью будущею купно!

Лебедь *).

(Посвящено Виктору Гюго.)

I.

Андромаха, я мысленно вижу тебя!—
Обманувшій мечты Симоентъ **) захудалый,
Надъ которымъ когда-то, безъ мѣры любя,
Ты скорбями вдовы величаво блистала,

Породивши слезами обиліе водъ,—
Мнѣ на память привелъ Карусель обновленный.
Измѣнился Парижъ: онъ быстрѣе живетъ,
Чѣмъ людскія сердца,—въ перемѣны влюбленный!

Только смутно мнѣ грезится прежній просторъ:
Поле грязныхъ бараковъ, недвижная плѣсень
Зеленѣющихъ лужъ, въ кучи сваленный соръ,
У дверей кабачковъ звуки пляски и пѣсенъ...

---

*) Во времена обширныхъ перестроекъ Парижа, предпринятыхъ Наполеономъ III, поэтъ переносится мысленно къ Парижу своей молодости, грязному, неприглядному—и всетаки мучительно дорогому. На фонѣ этихъ грустныхъ воспоминаній рисуется ему „великій родной лебедь“—Викторъ Гюго въ изгнаніи.

**) Рѣчка, протекавшая близъ древняго Иліона.

Тамъ старинный звѣринецъ рисуется мнѣ.
Въ часъ, когда подъ лазурью холодной и ясной
Просыпается трудъ, и въ нѣмой тишинѣ
Живодерня заводитъ концертъ свой ужасный,

Разъ мнѣ лебедь попался, изъ клѣтки своей
Убѣжавшій. Онъ тщетныя дѣлалъ усилья,
Въ мелкой лужѣ, досужей игрушкѣ дѣтей,
Возбужденно купая раскрытыя крылья...

Клювъ разинувъ, къ жестокому небу глаза
Поднималъ онъ, казалось, съ безмолвнымъ упрекомъ:
„О, когда, наконецъ, зашумишь ты, гроза,
Ты, вода, потечешь благодатнымъ потокомъ?"

Я теперь еще вижу, какъ, полный тоской
По прозрачнымъ озерамъ отчизны прекрасной,
Онъ болѣзненно часто моталъ головой
На изогнутой шеѣ,—смѣшной и несчастный...

II.

Да, Парижъ измѣнился... Но въ грусти моей
Никакой перемѣны съ тѣхъ поръ не случилось!
Видъ старинныхъ предмѣстій, лѣсовъ, пустырей—
Въ аллегорію все для меня превратилось,

И мои дорогія мечты о быломъ
Никакой ураганъ новизны не повалитъ!
Передъ Лувромъ стою ли въ раздумьи нѣмомъ—
Все одинъ меня образъ знакомый печалитъ.

Я о лебедѣ нашемъ великомъ скорблю,
Изступленномъ и гнѣвномъ, въ пустынѣ изгнанья
Тщетно рвущемся жажду насытить свою,
Возбуждая улыбку и боль состраданья!..

И опять, Андромаха, я вижу тебя,—
Какъ, безсильная жертва свирѣпаго вѣка,
О супругѣ великомъ и славномъ скорбя,
Раздѣляешь ты ложе постылое грека.

И мерещится мнѣ, какъ по грязи бредетъ
Негритянка больная, какъ роща платановъ
И кокосовыхъ пальмъ горделиво встаетъ
Передъ ней, за стѣною парижскихъ тумановъ...

И грущу я о всѣхъ, кто, увы, никогда,
Никогда не обниметъ семью дорогую,
Чья утрата и скорбь—навсегда, навсегда!
Я о сиротахъ тощихъ и блѣдныхъ тоскую...

Такъ на тихомъ кладбищѣ печалей былыхъ
Все мнѣ чудятся звуки волторны пѣвучей!
Я о путникахъ грежу въ пустынѣ горючей,
О плѣненныхъ, о павшихъ... И многихъ другихъ!

Голосъ.

Здѣсь колыбель моя, а тутъ библіотека—
Угрюмый Вавилонъ... Безхитростная быль,
Сокровища ума исчезнувшаго вѣка,
Латинская и эллинская пыль—
Тамъ смѣшивалось все; а я съ иного грека
In folio едва ли ростомъ былъ.
Два голоса я слышалъ тамъ украдкой...
„Дитя!—одинъ изъ нихъ настойчиво твердилъ:—
Земля—пирогъ заманчивый и сладкій,
Я въ мѣру аппетитъ тебѣ бы подарилъ.“
За нимъ другой: „Пойдемъ витать со мною
За грань возможнаго, въ предѣлы тайнъ и сновъ!“
Такъ ласково онъ пѣлъ, какъ вѣтеръ береговъ,
Тихонько плачущій вечернею порою,
Слухъ нѣжа и страша,—блуждающій фантомъ.
— Да, нѣжный голосъ,—я сказалъ,—пойдемъ!..

И этотъ день, обѣта день священный,
Сталъ казнію моею... Съ той поры
Мнѣ странные мерещатся міры
За пышными кулисами вселенной,
Въ бездонной пропасти, полночной мглы чернѣй,—

И, рабъ мечты безумно-вдохновенной,
Влачу я за собой кусающихся змѣй!..

Люблю я тишь пустынь, волну морскую,
Какъ древніе пророки; сладкій вкусъ
Въ напиткахъ горькихъ нахожу; тоскую
И плачу въ радости, а въ горести смѣюсь.
Не вѣрю фактамъ я, и часто въ полдень ясный
Я въ ямы падаю, ища небесъ родныхъ...
Но тайно говоритъ тогда мнѣ голосъ властный:
„Безумецъ! не кляни завѣтныхъ сновъ твоихъ—
У мудрецовъ не такъ они прекрасны!“

Дары луны.

Капризная Луна въ тотъ тихій часъ,
Когда въ своей ты колыбелькѣ спала,
Въ твое окно взглянула и сказала:
„Мнѣ эта дѣвочка по мысли“...
И, спустясь
По облачкамъ, дремавшимъ безмятежно,
Проникла внутрь безъ шума. Кротко, нѣжно,
Какъ-будто мать, простерлась надъ тобой
И на тебѣ свои сгустила краски:
Позеленѣвъ, раскрылись странно глазки,
Покрылись щеки смертной бѣлизной...
И оттого-то, что въ порывѣ ласки
Ночная гостья сладко такъ взяла
Тебя за горло, навсегда осталось
Желанье плакать у тебя...
А мгла,
Межъ тѣмъ, вокругъ чудесно озарялась.
По спальнѣ свѣтъ струился голубой,
Какой-то ядъ лучистый и живой,—
И мыслилъ онъ, и говорилъ, казалось:

— „Отнынѣ ты—моя!.. Мой поцѣлуй хранить

Должна ты вѣчно. Будешь ты прекрасна,
Но такъ, какъ я хочу. Ты станешь тó любить,
Что мнѣ покорно и подвластно:

„Ночь, облака... безлюдье, тишину...
Блескъ изумрудный водъ, съ краями неба слитыхъ,
Однообразную въ богатствѣ формъ волну,
Нѣмой просторъ степей открытыхъ.

„Мѣста, гдѣ нѣтъ тебя; мужчинъ, которыхъ ты
Лишь смутно будешь знать, какъ грёзу сновидѣнья;
Нездѣшнихъ климатовъ огромные цвѣты,
Ихъ запахъ, полный раздраженья.

„Во мракѣ спящій домъ, рядъ комнатъ въ глубинѣ
И кошекъ, лазящихъ по клавишамъ пьянина,
Подобно женщинамъ стеная въ тишинѣ
Въ припадкѣ сумрачнаго сплина...

„И братьевъ ты найдешь въ собратьяхъ по судьбѣ,
Любима будешь ты моими лишь друзьями:
Ты покоришь мужчинъ съ зелеными глазами,
Которымъ горло я сдавила, какъ тебѣ.

„Тѣхъ, для кого въ ночи лепечетъ и блистаетъ
Прибрежная волна и дальняя звѣзда,
Кто любитъ женщину, которой никогда,
До двери гроба не познаетъ.

„Кому такъ по-сердцу игра ночныхъ тѣней,
Блужданье огоньковъ по кладбищамъ унылымъ,
Цвѣты, подобные невѣдомымъ кадиламъ,
И звѣри дикіе, эмблема ихъ страстей.“

— И вотъ зачѣмъ, дитя, погибшее дитя,
Моя голубка дорогая,
Я здѣсь, у ногъ твоихъ, лежу теперь, грустя,
Ища въ глазахъ твоихъ, во всей тебѣ, родная,
Слѣдовъ, оставленныхъ ужаснымъ божествомъ,
Колдуньей-мамкою, во тьмѣ ночей безшумныхъ
Отравленнымъ кормящей молокомъ
Всѣхъ, всѣхъ лунатиковъ безумныхъ!..

Чужестранецъ.

— Что́ ты любишь на свѣтѣ, чудакъ съ опечаленнымъ взоромъ?
Мать, сестру или брата?—„Ихъ нѣтъ у меня“.
— Ну, такъ, можетъ быть, друга?—„Вотъ слово, въ которомъ
Смысла я не найду вплоть до суднаго дня!“

— Или родину?—„Гдѣ, подъ какой широтою
Процвѣтаетъ она?“—Красота ли твой богъ?..
— „Передъ нею, безсмертной, я палъ бы съ мольбою,
Еслибъ разъ хоть увидѣть нетлѣнное могъ!“

— Что о славѣ ты думаешь?—„Въ славѣ я вижу,
Какъ въ винѣ, лишь забвеніе жизненныхъ бѣдъ“.
— Ну, а золото?..—„Золото я ненавижу
Точно такъ же, какъ вы ненавидите свѣтъ!“

— О, безумье! О, мудрость! Гдѣ ваши границы?
Что-жъ ты любишь, мечтатель, въ предѣлахъ земли и небесъ?—
„Я люблю облака,—облаковъ вереницы
Мимолетныя, полныя тайнъ и чудесъ!“

Беатриче.

Въ пустынѣ я блуждалъ безжизненной и знойной,
Природѣ жалобы на рокъ мой изливалъ...
И въ часъ, когда въ тоскѣ и злобѣ безпокойной
Я мысленно точилъ на грудь свою кинжалъ,
Вдругъ облако грозы, окутанное мглою,
Спустилось на меня зловѣщей пеленою
Изъ бездны голубой сіяющаго дня...

Невзрачныхъ демоновъ на немъ сидѣла стая.
И начали они разсматривать меня,
Шушукаясь, смѣясь и головой качая...
Такъ праздная толпа глядитъ на дурака.
Я слышалъ шепотъ ихъ... Хватаясь за бока,
Острили надо мной они, не умолкая:

— „Какой убитый видъ, и какъ смѣшна на взглядъ
Тѣнь эта жалкая, каррикатура эта!
Взоръ нерѣшительный, въ движеніяхъ разладъ,
Прическа всклочена, —ну, все, какъ у Гамлета.
О, праздный скоморохъ! И вѣдь каковъ хитрецъ:
На славу вытвердивъ двѣ-три чужія роли,
Подъ-стать и публику нашелъ онъ, наконецъ,—
Сурковъ, сверчковъ и все растрогалъ поле!..

Вотъ, стойте, слушайте—сейчасъ, натуживъ грудь,
Онъ изъ тирадъ своихъ прочтетъ намъ что-нибудь“.

Я,—въ гордости моей, лишь наравнѣ съ орлами
Парящей, выше горъ, увѣнчанныхъ снѣгами,
И выше всѣхъ угрозъ, небесныхъ и земныхъ,—
Я отвернулся бы съ презрѣніемъ отъ нихъ!
Но вдругъ... Создатель мой! И это поруганье
Святыни лучшей сердца моего
Не привело вселенной въ содроганье?—
Въ толпѣ я увидалъ, чуть удержавъ рыданье,
Ее, царицу фей, мой свѣтъ и божество!..

Надъ горестью моей, какъ всѣ, она шутила
И ласки грязныя врагамъ моимъ дарила.

Поѣздка на островъ Цитеру.

Сердце пѣло, какъ птица, въ груди у меня,
По волнамъ и снастямъ беззаботно порхая;
Нашъ корабль, точно ангелъ, летѣлъ, утопая
Въ лучезарномъ сіяніи дня.

Но какой это островъ печальный?—„Цитера“,
Отвѣчаютъ намъ: „славная въ пѣсняхъ страна“.
Посмотрите, межъ тѣмъ, какъ убога она,
Какъ глядитъ непривѣтно и сѣро!

Островъ сладостныхъ тайнъ и сердечныхъ пировъ!
Гордый призракъ Венеры, какъ прежде когда-то,
Полный нѣги, витаетъ въ струяхъ аромата
Надъ святыней твоихъ береговъ.

Садъ божественный розъ, полный миртъ благовонныхъ,
Эльдорадо мечтаній, гдѣ вздохи сердецъ,
Воркованію горлицъ подобно влюбленныхъ,
Изъ конца раздавались въ конецъ,—

Ахъ! теперь ты пустынею сдѣлалось мрака,
Каменистымъ утесомъ, гдѣ слышны порой

Только крики голодные чайки морской...
Въ сторонѣ я увидѣлъ, однако,

Нѣчто странное... Не былъ то въ рощицѣ храмъ,
Гдѣ, томительнымъ зноемъ желаній сгорая,
Вѣтерку мимолетному грудь открывая,
Жрица нѣги молилась богамъ;

Но, когда, подплывая подъ берегъ нагорный,
Бѣлымъ парусомъ птицъ мы спугнули кругомъ,—
Вдругъ мелькнули на фонѣ небесъ голубомъ
Два столба съ перекладиной черной...

Кровожадные вороны съ яростью псовъ
Трупъ, загнившій уже, на куски разносили,
Запуская въ углы окровавленной гнили
Острія оскверненныхъ носовъ.

Вмѣсто глазъ были ямы; раскрытое брюхо
Выпускало на ляшки тенета кишокъ...
Палачи наслаждались въ тиши, безъ тревогъ,
Превратя свою жертву въ евнуха.

Гнусный праздникъ и стадо животныхъ собралъ:
Рыло кверху поднявъ съ ворчотнею сердитой,
Точно главный палачъ, окружаемый свитой,
Волновался огромный шакалъ.

— Бѣдный жатель Цитеры! сносилъ ты покорно
Всѣ обиды, всѣ злыя насмѣшки враговъ,
Въ искупленье своихъ богомерзкихъ грѣховъ
И служенья святынѣ позорной.

О, поруганный братъ! Наши боли—однѣ:
Всѣ забытыя муки и раны безъ счета,
Вся старинная скорбь, точно желчная рвота,
Закипѣвъ, поднялися во мнѣ!

Предъ твоею, бѣдняга, жестокой расплатой
Я почувствовалъ снова всѣ зубы волчицъ,
Безсердечные когти пантеръ и орлицъ,
Грудь мою разрывавшихъ когда-то...

Небо было прелестно, недвижна волна,
А во мнѣ... все, увы, неутѣшно рыдало!
Аллегорія душу мою обнимала,
Какъ безчувственный трупъ—пелена.

Тамъ, гдѣ нѣкогда тронъ свой Венера имѣла,
Мой лишь образъ позорный висѣлъ въ вышинѣ...
— Ахъ, Создатель! Дай силу и мужество мнѣ
Созерцать мое сердце и тѣло!..

Амуръ и Черепъ.

(Старинная виньетка.)

Не то шутомъ, не то царемъ,
Въ забавно-важной роли,
Амуръ на черепѣ людскомъ
Сидитъ, какъ на престолѣ.
Со смѣхомъ, мыльныхъ пузырей
За роемъ рой вздуваетъ
И свѣта призрачныхъ дѣтей
Въ надзвѣздный міръ пускаетъ.
Непрочный шаръ въ страну небесъ
Летитъ, блестя, играя...
Вдругъ—лопнулъ, брызнулъ и... исчезъ,
Какъ сновидѣнье рая!
И черепъ, слышу я, съ тоской
Не устаетъ молиться:
„Забавѣ дикой и смѣшной
Ужели вѣчно длиться?
Вѣдь то, что твой жестокій ротъ
Такъ расточаетъ смѣло,
Есть мозгъ мой, мозгъ, о злой уродъ,
Живая кровь и тѣло!“

Смерть бѣдняковъ.

Какъ теплый лучъ надежды сладкой,
Она съ лишеньями миритъ;
Душа страдаетъ и болитъ—
Она ей сонъ сулитъ украдкой.

Блеститъ сквозь волны темноты,
Сквозь иней, снѣгъ и холодъ зимній
И шепчетъ дѣтямъ нищеты,
Что близокъ кровъ гостепріимный.

Тамъ Ангелъ щедрою рукой
Всего имъ дастъ: очагъ, покой
И груды яствъ,—вина и хлѣба...

Постелетъ ложе изъ цвѣтовъ,
Откроетъ даръ волшебныхъ сновъ
И всѣ ключи вручитъ отъ неба!

Пляска смерти.

Съ большимъ букетомъ розъ, горда, надушена,
Въ перчаткахъ лайковыхъ, съ осанкой благородной,
Кокеткой выглядитъ засохшею она,
Немного странною и черезчуръ свободной.

Кто тоньше таліей похвастаться бы могъ?
Съ обильемъ царственнымъ одежда ниспадаетъ
До щиколки сухой, и ножку башмачекъ,
Нарядный какъ тюльпанъ, любовно ущемляетъ.

Какъ рѣзвый ручеекъ, стучащій въ грудь скалы,
На край ключицы рюшъ склонился прихотливо,
Отъ глазъ насмѣшниковъ и колкой похвалы
Плачевныя красы пріосѣнивъ стыдливо...

Нѣмой зіяетъ мракъ въ пустыхъ ея глазахъ,
И черепъ, убранный изысканно цвѣтами,
Тихонько зыблется на хрупкихъ позвонкахъ...
— Краса небытія предъ смертными очами!

Банальные умы, что, плоть одну любя,
Не въ силахъ оцѣнить изящество скелета,
Каррикатурою смѣшной зовутъ тебя;
Но воплощаешь ты завѣтный вкусъ поэта!

Приходишь ли смутить ты этотъ пестрый шумъ
Гримасою своей, исполненной презрѣнья?
Толкаютъ ли опять твой легковѣрный умъ
Несбыточные сны на шабашъ наслажденья?

Не думаешь ли ты былую скорбь забыть
Среди сіянья люстръ и пѣнья скрипокъ страстныхъ?
Въ потокѣ оргіи кипучей освѣжить
Удушливый кошмаръ своихъ ночей ужасныхъ?

О, перегонный кубъ ошибокъ вѣковыхъ!
О, глупости людской родникъ неистощимый!
Сквозь панцырь костяной, въ дыры боковъ твоихъ,
Мнѣ аспидъ видится, ничѣмъ неутолимый...

Но, правду говоря, боюсь я, что твое
Кокетство здѣсь себѣ награды не встрѣчаетъ:
Ироніи твоей кто видитъ лезвіе?
Лишь храбрый въ ужасѣ восторги почерпаетъ!

Пучина глазъ твоихъ у лучшихъ плясуновъ
Вдругъ ноги отняла, кровь заморозивъ въ жилахъ;
Улыбку вѣчную оскаленныхъ зубовъ
Никто переносить безъ тошноты не въ силахъ!

А кто не обнималъ скелета сотни разъ,
Не ѣлъ плодовъ могилъ? Не кости-ль украшаетъ
Тончайшій ароматъ, пышнѣйшій въ мірѣ газъ?
Кто брезгуетъ, себя прекраснымъ тотъ считаетъ.

Обиды, гнѣва тѣнь лежитъ на всѣхъ чертахъ...
Скажи же имъ скорѣй, безносая вакханка:

„Танцоры гордые въ блестящихъ парикахъ,
Вы смертью пахнете, какъ тухлая поганка!

„Ты, дряхлый Антиной съ оскобленнымъ лицомъ,
Ты, лысый ловеласъ, ты, трупъ, покрытый лакомъ!
Мой вѣчный хороводъ, въ движеньи круговомъ,
Васъ всѣхъ влечетъ въ страну, окутанную мракомъ".

Какъ стадо, прыгаетъ безпечный родъ людской
Подъ всякой широтой и всякимъ небосклономъ,
Трубы Архангела не видя надъ собой,
Чернѣющей уже зловѣщимъ мушкетономъ.

Вездѣ,—надъ Сеною, надъ Гангомъ голубымъ,—
Смерть удивляется тебѣ, кривляка странный,
И часто, миррою дыша благоуханной,
Сливаетъ свой сарказмъ съ безуміемъ твоимъ!

Игроки.

Кокетки старыя на креслахъ полинялыхъ.
Румяна на щекахъ, ужимкамъ нѣтъ числа;
Въ ушахъ завядшихъ стукъ металла и стекла,
Печать фатальности во взорѣ глазъ усталыхъ.
О, сколько лицъ безъ губъ и десенъ безъ зубовъ
Надъ зеленью стола склонилось съ болью сладкой,
И сколько тощихъ рукъ сведенныхъ лихорадкой,
Карманъ, давно пустой, обшариваютъ вновь!
Подъ темнымъ потолкомъ—засаленныхъ кинкетовъ
И канделябровъ рядъ бросаетъ тусклый свѣтъ
На лица мрачныя прославленныхъ поэтовъ,
Успѣвшихъ промотать работу лучшихъ лѣтъ.

Вотъ грёза черная, приснившаяся живо
Больной душѣ моей въ безсонный часъ ночной:
Я самъ сижу въ углу берлоги молчаливой,
На столъ облокотясь,—холодный и нѣмой...
Сижу, завидуя застывшею душою
Веселью мрачному, упорству ихъ страстей,
Имъ всѣмъ, торгующимъ такъ нагло предо мною—
Тотъ честью старою, та красотой своей!
И ужаснулся я, почувствовавъ желанье
Стоять, подобно имъ, на роковомъ краю
Отверстой пропасти—и всетаки страданье
Предпочитать концу и адъ небытію!

Скелетъ-Земледѣлецъ.

(Старинная виньетка.)

Среди ученыхъ книжныхъ грудъ,
Что́ въ видѣ мумій позабытыхъ,
Слоями пыли перевитыхъ,
Въ лавчонкахъ уличныхъ гніютъ,
Въ глаза бросаются порою,
Будя толпу печальныхъ думъ
И поражая вмѣстѣ умъ
Какой-то важной красотою,
Рисунки странные: скелетъ
Иль остовъ, мускуловъ лишенный,
Съ лопатой, въ землю погруженной,
Стоитъ, какъ пахарь древнихъ лѣтъ.

— Колодникъ, взятый у могилы,
Всегда зловѣщій и нѣмой,
Скажи: чьей волей роковой
Ты напрягаешь снова силы
Давно разбитыхъ позвонковъ?
Въ чьей это фермѣ захудалой
Плодами жатвы небывалой
Ты закрома набить готовъ?
Иль хочешь ты, эмблемой странной
Пророча всѣмъ одну судьбу,

Намъ показать, что и въ гробу
Невѣренъ сонъ обѣтованный?
Что все намъ можетъ измѣнить,
Что даже смерть съ могилой лживы,
И тамъ, гдѣ смолкнетъ гулъ наживы,
Увы! придется, можетъ быть,
Въ поляхъ невѣдомаго края
Взрывать намъ дѣвственную новь,
Ногой, истерзанною въ кровь,
На край лопаты налегая?..

---

*
* *

Съ ужасной еврейкой, прекрасной, какъ мертвый
Изваянный мраморъ, провелъ я всю ночь,
Какъ трупъ, возлѣ трупа простертый...
Порока продажную дочь
Тогда я представилъ въ величьи природномъ—
Съ печатью ума на челѣ благородномъ
Подъ шлемомъ душистымъ тяжелыхъ волосъ,
Со взоромъ, сіяющимъ граціей нѣжной
И зорями дремлющихъ грозъ...

О, какъ бы тогда я со страстью мятежной
Любить тебя, сердце отзывное, могъ!
Отъ свѣжихъ твоихъ, нѣжно-розовыхъ ногъ
До пышно раскинутыхъ косъ твоихъ черныхъ
Какой бы огонь поцѣлуевъ разлилъ!
Какія-бъ сокровища ласкъ расточилъ,
Живыхъ, непритворныхъ,
Лишь только-бъ въ вечерній молитвенный часъ
Затмился твой образъ безпечный
Слезой, безъ усилья добытой изъ глазъ!

Но ты, о царица толпы безсердечной,
Такъ плакала-ль въ жизни хоть разъ?.. *)

---

*) Это вольный по частностямъ, но точный по смыслу переводъ слѣдующаго стихотворенія:

Une nuit que j'étais près d'une affreuse Juive,
Comme au long d'un cadavre un cadavre étendu,
Je me pris à songer près de ce corps vendu
A la triste beauté dont mon désir se prive.
Je me représentai sa majesté *native*,
Son regard de viguer et de grâces armé,
Ses cheveux qui lui font un casque parfumé,
Et dont le souvenir **) pour l'amour me ravive.
Car j'eusse avec ferveur baisé ton noble corps,
Et depuis tes pieds frois jusqu'à tes noirs tresses
Déroulé le trésor des profondes caresses,
Si quelque soir, d'un pleur obtenue *sans effort*
Tu pouvais seulement, ô reine des cruelles!
Obscurcir la splendeur de tes *froides* prunelles.

Любопытно, что стихотвореніе это вызываетъ различное толкованіе. Многимъ думается, что стихи: «A la triste beauté» и т. д. относятся уже не къ еврейкѣ,—что, находясь возлѣ нея, поэтъ мечтаетъ о какой-то другой «печальной красавицѣ», которую онъ любитъ, но которая ему недоступна. Однако, при такомъ пониманіи, стихотвореніе было бы въ высшей степени банально... Да граматика и не допускаетъ, думается мнѣ, подобнаго толкованія: во второй половинѣ пьесы Бодлеръ имѣетъ въ виду, конечно, ту же еврейку, но только въ преображенномъ видѣ,—какою она *могла бы* быть по своей природѣ.

**) Le souvenir—не непремѣнно *воспоминаніе*, но и просто *мысль*.

Къ прохожей.

Людная улица глухо шумѣла...
Въ траурѣ полномъ, изящной рукой
Шлейфа качая фестонъ кружевной,
Прямо держа величавое тѣло,—
Съ очеркомъ смѣлымъ и строгимъ чела,—
Царственной поступью, тѣнью безшумной
Стройная женщина мимо прошла...
Скорчась, за ней я глядѣлъ какъ безумный
Въ небѣ очей ея, въ знойный туманъ
Страсти одѣтомъ, дремалъ ураганъ,
Зори эдема и ада горѣли,
Полная тайны, мерцала любовь...

Молніи проблескъ—и ночь!.. Неужели
Въ вѣчности только мы встрѣтимся вновь?!
Гдѣ-то далёко отсюда, не скоро...
Поздно... быть можетъ, увы, никогда!
Я вѣдь не знаю, зачѣмъ и куда
Держишь ты путь съ быстротой метеора,
Кто ты, кого я любить бы хотѣлъ,
Взоръ чей меня озарилъ и согрѣлъ!..

*
* *

Ангелъ радости, знакома-ль вамъ тоска,
Страхъ самой себя во тьмѣ безсонной ночи,
Угрызеній боль, когда не плачутъ очи,
Сердце-жъ, будто, жметъ холодная рука?
Ангелъ радости, знакома-ль вамъ тоска?
Ангелъ доброты, знакома-ль злоба вамъ?
Стиснувъ кулаки, вы проливали-ль слезы
Горькія, какъ желчь, шептали ли угрозы,
Адскія угрозы и хулы врагамъ?
Ангелъ доброты, знакома-ль злоба вамъ?
Ангелъ свѣжести, знакомы-ль вамъ больницы,
Сумракъ стѣнъ сырыхъ, гдѣ въ поискахъ тепла
Волоча худыя, блѣдныя тѣла,
Зябкихъ лихорадокъ бродятъ вереницы?
Ангелъ свѣжести, знакомы-ль вамъ больницы?
Ангелъ красоты, знакомы-ль вамъ морщины?
Въ дорогихъ когда-то, любящихъ глазахъ
Вы читали тайный отвращенья страхъ?
Знали вы обманъ, видали вы личины?
Ангелъ красоты, знакомы-ль вамъ морщины?
Ангелъ доброты, веселости и свѣта!
Дряхлый царь Давидъ изъ вашихъ устъ и глазъ
Жизнь бы черпать могъ для своего скелета;
Я-жъ однѣхъ молитвъ, молитвъ прошу у васъ,
Ангелъ доброты, веселости и свѣта!

Признанiе.

Разъ, одинъ только разъ, дорогая волшебница,
Ваша нѣжная ручка довѣрилась мнѣ
(Этотъ день еще ярко горитъ въ моей памяти,
Въ сокровенной ея глубинѣ).

Было поздно... Сверкнувъ, какъ монета огромная,
Изъ-за кровель домовъ показалась луна,
И дремотная полночь струилась торжественно
Надъ Парижемъ, тепла и душна.

Осторожныя кошки скользили таинственно
Вдоль домовъ, въ подворотняхъ скрываясь отъ глазъ,
Словно тѣни родныя, походкой безшумною
Провожая сочувственно насъ.

Вдругъ среди разговора, интимно расцвѣтшаго,
Задушевнаго, чуждаго мрачныхъ заботъ,
Изъ груди вашей звучной, изъ этого чуднаго
Инструмента, гдѣ радость живетъ,

Изъ груди лучезарной, какъ въ утро весеннее
Предразсвѣтной трубы ободряющій звукъ,

Нота вырвалась странная, жалкая, грустная,
Все собой пошатнувшая вдругъ!

Какъ ребенокъ больной, безобразный, уродливый,
Вызывающій въ собственной матери страхъ,
Отъ чужого же глаза ревниво скрываемый
Въ потаенныхъ, далекихъ углахъ,—

Бѣдный ангелъ! она, ваша нота крикливая,
Горько пѣла: „Все—ложь на землѣ и обманъ,
Все -минутный миражъ! Эгоизмъ человѣческій
Всюду виденъ подъ маской румянъ.

„Что за пошлая роль--быть красивою женщиной!
Что за тягостный трудъ—танцовщицею быть,
То безумьемъ объятой, то кстати умѣющей
Въ машинальной улыбкѣ застыть!

„Какъ нелѣпо на сердце людское разсчитывать,
Какъ измѣнчиво все—красота и любовь...
Все смѣшается въ общей корзинѣ забвенія,
Возвратится въ ничтожество вновь!“

Я не разъ вызывалъ эту полночь волшебную,
Эту даль, озаренную мягкой луной,
И довѣрчивый шепотъ признанья ужаснаго,
Какъ святыня, хранимаго мной!..

Одухотворенный Разсвѣтъ.

Когда въ окнѣ разсвѣтъ румяный забѣлѣетъ,
И строгій Идеалъ, грустя, войдетъ за нимъ,—
Толпа развратниковъ внезапно онѣмѣетъ:
Въ животномъ пробужденъ стыдливый серафимъ!

Въ душѣ униженной, но все еще томимой
Печалью жгучею и жаждой райскихъ сновъ,
Вдругъ вспыхнула лазурь межъ хмурыхъ облаковъ
И въ бездну свѣтлую влечетъ неодолимо...

Такъ на дымящихся развалинахъ страстей
Порхаетъ близъ моихъ расширенныхъ очей
Твой образъ розовый, о чистая богиня!

Свѣтъ призрачный свѣчей померкъ въ сіяньи дня
И, точно солнце, ты восходишь для меня,
Тобой озарена души моей пустыня!

Глаза - факелы.

Два брата-близнеца, два чудныхъ гостя рая
Идутъ передо мной,—и день, и ночь идутъ,
Алмазными огнями потрясая...
Живые факелы, куда они ведутъ?

Изъ холода и тьмы порочнаго вертепа
Они ведутъ меня дорогой красоты,
Храня отъ западней грѣха и суеты,—
И я, какъ вѣрный рабъ, имъ повинуюсь слѣпо.

Прелестные глаза! Свѣтъ восковыхъ свѣчей,
Не меркнущій, какъ вы, среди дневныхъ лучей,
Напоминаетъ мнѣ вашъ блескъ спокойный, странный:

Онъ прославляетъ смерть, вы—жизни даръ желанный!
О воскресеніи поете вы моемъ,
Двѣ гордыя звѣзды, сіяющія днемъ!

Неожиданное.

Отецъ еще дышалъ, кончины ожидая,
А Гарпагонъ въ мечтахъ уже сказалъ себѣ:
„Валялись, помнится, средь нашего сарая
Три старыя доски— гробъ сколотить тебѣ.“

„Я—кладезь доброты, воркуетъ Целимена:
Природа создала прекрасною меня“...
Прекрасною?! Душа, исполненная тлѣна,
Трещитъ, какъ окорокъ, средь адскаго огня.

Мня свѣточемъ себя, кричитъ газетчикъ пыльный
Тому, кого онъ самъ во мракѣ утопилъ:
„Гдѣ этотъ Всеблагой, Всезрящій и Всесильный,
Который бѣдняка хоть разъ бы защитилъ?“

И всѣхъ ихъ превзойдутъ развинченные фаты,
Которые, входя въ молитвенный экстазъ,
И плачутъ, и твердятъ, раскаяньемъ объяты:
„Мы станемъ добрыми, о небо... черезъ часъ!“

Часы же счетъ ведутъ: „У ада житель лишній!
Грозили мы ему, шептали: близокъ врагъ.
Но онъ былъ слѣпъ и глухъ, онъ былъ подобенъ вишнѣ,
Которую грызетъ невидимый червякъ.“

И вотъ приходитъ Тотъ, надъ кѣмъ вы всѣ смѣялись,
И гордо говоритъ: „Уже немало дней
Изъ дароносицы моей вы причащались,
За черной радостной обѣднею моей.

„Вы храмъ воздвигли мнѣ въ душѣ богопротивной,
Тайкомъ лобзали вы меня въ нечистый задъ...
Признайте-жъ Сатану, услышавъ кличъ призывный
И хохота его торжественный раскатъ!
„Иль вы надѣялись, трусливыя лисицы,
Хозяина грѣховъ лукаво провести,—
Не бросивъ журавля, не выпустить синицы,
Сокровища сберечь и съ ними въ рай войти?
„Чтобъ дичь мою добыть, я натружалъ мозоли,
Я ночи проводилъ, не закрывая глазъ...
Ко мнѣ, товарищи моей печальной доли,
Я отвести пришелъ въ свои владѣнья васъ!
„Подъ грудой вашего наваленнаго праха,
Подъ толщею земли чертогъ сіяетъ мой,
Чудовищный, какъ я, облитый моремъ страха,
Изъ цѣльныхъ черныхъ глыбъ, надъ бездною нѣмой...
„Онъ созданъ изъ грѣховъ всего земного міра,
Въ немъ скорбь моя живетъ, любовь моя и честь!“

А гдѣ-то высоко,—тамъ, въ глубинѣ эфира,—
Архангелъ, между тѣмъ, трубитъ побѣды вѣсть,
Побѣды вѣчной тѣхъ, чье сердце повторяло:
„Благословенъ твой бичъ, карающій Отецъ!
Благословенна скорбь! Твоя рука сплетала
Не для пустой игры колючій нашъ вѣнецъ.“
И въ эти вечера уборки винограда
Такъ упоительно, такъ сладостно звучитъ
Неустрашимый рогъ... Онъ свѣтелъ, какъ награда
За дни страданій и обидъ!

Испытаніе полночи.

Чу! захрипѣвъ, часы сердито
Бьютъ полночи угрюмой часъ,
Насмѣшливо и ядовито
Отчета требуя у насъ:
— Кому, какой служа святынѣ,
Свой день употребили мы?—
Увы! мы шли путемъ гордыни,
Мамона, ереси и тьмы!

Отъ Бога правды—Іисуса
Мы отрекались со стыдомъ;
Рабы притупленнаго вкуса,
За Валтасаровымъ столомъ
Лизали руки грубой силѣ,
Слугѣ презрѣнному земли;
Надъ тѣмъ ругались, что любили,
Тому молились, что клялй!

Мы беззащитныхъ огорчали,
Всѣхъ, презираемыхъ толпой,
Лобзанья Глупости давали,
Быку съ огромной головой;
Хвалили сонъ и отупѣнье,

Своимъ цѣпямъ несли привѣтъ
И омерзительнаго тлѣнья
Благословляли тусклый свѣтъ.

И все, чѣмъ молодость богата,
Чѣмъ свѣтелъ гордый даръ пѣвца,
Въ самозабвеніи разврата
Мы унижали безъ конца:
И объѣдались до упаду,
И опивались мы виномъ...
Задуемъ же скорѣй лампаду,
Потонемъ въ сумракѣ ночномъ!

---

* * *

Что вамъ небо съ грядущими вѣчными муками?
Что вамъ строгихъ законовъ земли приговоръ?
Совѣсть, правду зовете вы праздными звуками,
И не нуженъ вамъ славы ласкающій взоръ.

О, ступайте-жъ, ступайте дорогой паденія,
Ниже, ниже спускайтесь въ зіяющій адъ,
Гдѣ подъ огненной бурею всѣ преступленія,
Точно змѣи шипя, въ безпорядкѣ кипятъ!

Торопитесь, бѣгите, о жертвы несчастныя,
Расточайте здоровье, разсудокъ и честь!
Ненасытимы ваши мечты сладострастныя,
И на днѣ наслажденья найдете вы месть!

Предупредитель.

Въ груди у всѣхъ, кто помнитъ стыдъ
И человѣкомъ зваться можетъ,
Живетъ змѣя,—и сердце гложетъ,
И „нѣтъ“ на всѣ „хочу“ шипитъ.

Какимъ ни кланяйся кумирамъ,—
Предайся никсамъ иль сатирамъ,—
Услышишь: „Долга не забудь!“

Рождай дѣтей, малюй картины,
Лощи стихи, копай руины—
Услышишь: „Дологъ-ли твой путь?“

Подъ игомъ радости и скуки
Ни одного мгновенья нѣтъ,
Когда-бъ не слышался совѣтъ
Жизнь отравляющей гадюки.

Часы.

Часы!.. Зловѣщій богъ, суровый, непреклонный,
Чей перстъ всегда грозитъ: „Опомнись!.. Близокъ день —
И въ сердце робкое вопьются, какъ въ мишень,
Отчаянье и скорбь о жизни расточенной.

„Какъ радужный туманъ, какъ легкій рой сильфидъ,
Со сцены праздничной умчатся наслажденья...
Повѣрь: и самое короткое мгновенье
Твой кубокъ счастія на каплю уменьшитъ!

„Три тысячи шестьсотъ секундъ, не уставая,
Какъ суетливый рой докучливыхъ цикадъ,
„Опомнись!" каждый часъ безъ умолку твердятъ...
„*Я — Нѣкогда!*" — *Теперь* бормочетъ, улетая.

„Remember! Пробудись, безпечный! Memor esto!
(Гортанью мѣдною я говорю на всѣхъ
Нарѣчіяхъ земли). — Очнись! Великій грѣхъ —
Безъ пользы занимать на божьей нивѣ мѣсто.

Знай: время — жалости не знающій игрокъ,
Ударъ его руки не попадаетъ мимо...
Опомнись! Бездна ждетъ, она неумолима,
И изъ часовъ течетъ безъ отдыха песокъ.

„Ужъ близокъ, близокъ часъ, когда, возставши грозно,
Природа, Разумъ, Честь, забытый Долгъ и Стыдъ,
Все, все надъ головой безумца прогремитъ:
„Умри, о старый трусъ!.. Исчезни! Слишкомъ поздно."

Идеалъ.

Вы ненавистны мнѣ, красавицы виньетокъ,
Растенья чахлыя, созданья дней больныхъ,
Въ ботинкахъ узенькихъ, въ гремушкахъ дорогихъ,
Вашъ рой щебечущій, назначенный для клѣтокъ!

Дарю васъ Гаварни, пѣвцу хлорозныхъ дѣвъ.
Средь этихъ блѣдныхъ розъ оранжереи модной
Нѣтъ яркаго цвѣтка моей мечты свободной!
Нѣтъ! Сердцу гордому, въ которомъ тлѣетъ гнѣвъ,

Могла-бъ внушить любовь и подарить забвенье
Ты, леди Мàкбетъ, духъ, могучій въ преступленьи,
Свободныхъ горъ властительная дочь;

Иль ты, великая, таинственная Ночь,
Смиренно легшая у мощныхъ ногъ Джульяно *)—
Краса, рожденная для гордыхъ устъ титана!

*) Знаменитая аллегорическая фигура Микель-Анджело на саркофагѣ Джульяно Медичи.

Оскорбленная луна.

Луна, моихъ отцовъ безхитростныхъ отрада,
Наперсница мечты, гирляндою цвѣтной
Собравшая вокругъ звѣздъ раболѣпный рой,
О Цинтія моя, ночей моихъ лампада!

Что видишь ты, плывя въ воздушной синевѣ?
Восторги-ль тайные на ложѣ новобрачномъ,
Поэта-ль надъ трудомъ, въ его раздумьи мрачномъ,
Иль змѣй, рѣзвящихся на мягкой муравѣ?

Подъ желтымъ домино, царица небосклона,
Спѣшишь ли ты, какъ встарь, ревнуя и любя,
Лобзать увядшія красы Эндиміона?

—„Нѣтъ! я гляжу, какъ грудь, вскормившую тебя,
Сынъ оскудѣлыхъ дней, бѣля и притирая,
Надъ зеркаломъ твоя склонилась мать сѣдая.“

Продажная Муза.

О, Муза милая, влюбленная въ чертоги!
Когда сѣдой Январь придетъ клюкой стучать,
Во мракѣ снѣжныхъ вьюгъ чѣмъ будешь согрѣвать
Ты фіолетовыя ноги?

Какъ къ жизни возвратишь холодный мраморъ плечъ?
И, чувствуя сухимъ и кошелекъ и нёбо,
Гдѣ силу ты найдешь и бодрый духъ—до гроба
Честь неподкупную сберечь?

Какъ бѣдное дитя на клиросѣ унылом,
И ты начнешь играть дымящимся кадиломъ,
Te Deum тупо распѣвать;

Иль, какъ голодный шутъ, покрытый мишурою,
Улыбкой, смоченной невидимой слезою,
Чернь отупѣлую прельщать!

Позднія угрызенія

Когда во рву, наполненномъ водою,
Ты ляжешь спать, красавица моя,
И будетъ черной мраморной плитою
Прижата грудь пугливая твоя,

И страшный камень, чуждый сожалѣній,
Не дастъ ни сердцу биться и желать,
Ни легкимъ ножкамъ весело бѣжать
Дорогой скользкой приключеній,—

Тогда въ ночи безъ утра и безъ сна
Могильный мракъ тебѣ шепнетъ съ укоромъ
(Съ могилой скорбь моя дружна):

— „Узнай, узнай, дитя съ безпечнымъ взоромъ,
Какъ могутъ горько мертвые рыдать!“—
И сонмъ червей тебя придетъ глодать.

Цыгане въ пути.

Провидящій народъ съ огнемъ во взорахъ смѣлыхъ
Въ путь тронулся вчера, въ нѣмую глубь степей,
Закинувъ за спины малютокъ загорѣлыхъ,
Прижавши ихъ къ сосцамъ цвѣтущихъ матерей.

Мужья идутъ пѣшкомъ вблизи телѣгъ скрипучихъ,
Гдѣ семьи скучены,—съ кинжаломъ при бедрѣ,—
Задумчиво слѣдя цѣпь облаковъ летучихъ,
Умѣя тайный смыслъ постигнуть въ ихъ игрѣ *).

Сверчокъ, завидѣвъ ихъ изъ глубины зеленой
Одѣтыхъ пылью травъ, заводитъ гимнъ влюбленный.
Къ бездомнымъ странникамъ Природа-мать нѣжнѣй:

Струится свѣтлый ключъ изъ почвы каменистой,
Въ пустынѣ стелется коверъ цвѣтовъ душистый—
Для нихъ, читающихъ во мглѣ грядущихъ дней!

---

*) Въ подлинникѣ другой образъ:
Promenant sur le ciel des yeux appesantis
Par le morne regret des chiméres absentes.

Экзотическій ароматъ.

Если вечеромъ теплымъ осеннимъ закрою глаза я,
Изъ груди твоей жаркой вдыхая живой ароматъ,—
Мнѣ приснятся тотчасъ берега благодатнаго края,
Гдѣ лучи монотонные солнца такъ ярко горятъ.

Этотъ островъ лѣнивый, обломокъ цвѣтущаго рая,
Гдѣ на странныхъ деревьяхъ плоды наливные висятъ,
Гдѣ лучистыя женскія очи по-дѣтски глядятъ,
А мужчина—и крѣпокъ, и строенъ, какъ пальма
родная.

Предо мной воскресаютъ картины счастливыхъ годовъ:
Гавань, полная мачтъ и надутыхъ слегка парусовъ,
Не успѣвшихъ забыть о летавшихъ надъ ними ци-
клонахъ...

И напѣвы матросовъ въ сіяньи лазурнаго дня,
И томительный запахъ изъ рощъ тамариндовъ зеленыхъ,
Въ гармоничный сливаясь аккордъ, опьяняютъ меня!

Шевелюра.

Душистый шелкъ кудрей, разсыпанныхъ до плечъ
Волнами мягкими, каскадами живыми...
Восторгъ! Чтобъ въ эту ночь видѣньями былыми
Альковъ мой населить и въ немъ зарю зажечь,—
Какъ носовымъ платкомъ, махать я стану ими.

Вся пылкость Африки, весь блескъ ея лучей,
Вся томность Азіи, ея дворцовъ богатыхъ—
Въ тебѣ, пахучій лѣсъ, пучина волнъ косматыхъ..
Какъ въ звукахъ музыки сердца другихъ людей,
Такъ я, моя любовь, купаюсь въ ароматахъ!

Я поплыву туда, гдѣ люди и цвѣты
Подъ зноемъ климатовъ лѣнивыхъ замираютъ.
Ужъ пряди черныя, какъ волны, поднимаютъ
Мой опьяненный духъ... Чудесный пиръ мечты,
Гдѣ весла движутся и паруса сверкаютъ!

Звонкоголосый портъ, гдѣ духъ мой жадно пьетъ
Цвѣта и запахи... Какъ воды ярко блещутъ!
Въ волнистомъ золотѣ суда-гиганты плещутъ...
Огромной чашею синѣетъ небосводъ,
И вѣчныя подъ нимъ струи тепла трепещутъ.

Я въ черный океанъ, въ которомъ скрытъ другой,
Какъ барка окунусь, влюбленная въ купанье...
Ласкаемъ качкою, ушедши въ созерцанье
Прелестныхъ образовъ, навѣянныхъ мечтой,
Я буду лѣнь вкушать и пить благоуханья.

О, космы синія! О, темный міръ силковъ,
Опутавшихъ меня! —Я тщетно вырываюсь...
На прядяхъ скрученныхъ, какъ на вѣтвяхъ, качаюсь
И терпкимъ запахомъ тропическихъ лѣсовъ,
Смолы и мускуса безумно упиваюсь.

— Въ сапфиры съ перлами я уберу тебя,—
О, будь, всегда лишь будь рабой моихъ желаній!
Ты не оазисъ ли, рожденный для мечтаній?
Не фляга-ль вѣчности, со дна которой я
Глотаю медленно вино воспоминаній?

Къ малабаркѣ.

Пластичностію формъ и граціею смѣлой
Внушила-бъ зависть ты и самой гордой бѣлой!
Отъ бархатныхъ очей, горящихъ какъ алмазъ,
Задумчивый артистъ не оторвалъ бы глазъ.
Цвѣтку лазурныхъ странъ, тебѣ одно знакомо—
Раскуривать чубукъ для господина дома,
Изъ шалаша бродягъ-москитовъ прогонять,
Кувшины звучною водою наполнять
И по-утру, едва зашелестятъ платаны,
На рынкѣ покупать фисташки и бананы.
Босая, ты идешь—куда зоветъ мечта,
И пѣньемъ цѣлый день, какъ птичка, занята.
Когда же въ мантіи багряной вечеръ сходитъ,
Цыновку въ уголку постелешь,—и уводитъ
Незримый духъ тебя въ міръ граціозныхъ сновъ,
Колибри золотыхъ и рѣзвыхъ мотыльковъ.

— Счастливое дитя! зачѣмъ же край прекрасный
Покинуть хочешь ты для Франціи несчастной
И, съ тамариндами родными распростясь,
Пуститься въ океанъ, волненій не страшась?
Подъ хрупкой кисеей, открыта снѣжной вьюгѣ,
Какъ будешь плакать ты о лучезарномъ югѣ,

Когда, одѣвши грудь въ безжалостный корсетъ,
Ты будешь подбирать свой ужинъ и обѣдъ
На нашихъ мостовыхъ—и тщетно взоромъ жаднымъ
Искать родимыхъ пальмъ въ туманѣ непроглядномъ...

Гармонія Вечера.

Вотъ и часъ, когда, свѣжей омывшись росой,
Всѣ цвѣты, какъ кадильницы, льютъ испаренья;
Ароматовъ повсюду и звуковъ теченья,—
Вальсъ, истомою полный и нѣжной тоской!

Всѣ цвѣты, какъ кадильницы, льютъ испаренья;
Гдѣ-то скрипка рыдаетъ подъ чуткой рукой:
Вальсъ, истомою полный и нѣжной тоской!
Небо пышной гробницей лежитъ безъ движенья...

Гдѣ-то скрипка рыдаетъ подъ чуткой рукой,—
Сердце нѣжное, полное слезъ оскорбленья...
Небо пышной гробницей лежитъ безъ движенья;
Тонетъ солнце въ крови, уходя на покой.

Сердце нѣжное, полное слезъ оскорбленья,
Каждый слѣдъ собираетъ отрады былой!
Тонетъ солнце въ крови, уходя на покой...
Милый образъ мнѣ свѣтитъ ковчегомъ спасенья!

Романтическій закатъ.

Прекрасенъ утра часъ, когда, какъ яркій взрывъ,
Во мракѣ солнцѣ загорится,
Намъ бросивъ: „добрый день!“ изъ-за холмовъ и нивъ...
Но тотъ блаженъ, кто, трудный путь свершивъ,
Закатомъ пышнымъ насладится!

Мнѣ вспомнился одинъ торжественный закатъ:
Подобно сердцу въ часъ прощальный,
Весь западъ трепеталъ, мѣняя свой нарядъ...
— Бѣжимъ туда скорѣй! Мгновенія летятъ—
Бѣжимъ, бѣжимъ на западъ дальній!

Но тщетно я спѣшилъ за гордымъ божествомъ:
Всесильной ночи мракъ раскинулся кругомъ
Какимъ-то влажнымъ, чернымъ свиткомъ,

И пахло въ воздухѣ могилою сырой...
Въ болотѣ я блуждалъ и робкою ногой
Скользилъ по жабамъ и улиткамъ...

Уединеніе.

Будь мудрой, Скорбь моя! Не унывай безъ мѣры!
Ты вечеръ все звала – и вотъ онъ настаетъ.
Весь городъ полумракъ окутываетъ сѣрый,
Однимъ неся покой, другимъ – ярмо заботъ.
Но пусть толпа невѣждъ, подъ плетью наслажденья,
На рабскомъ праздникѣ, въ забвеніи тупомъ
Проводитъ эту ночь и копитъ угрызенья
На совѣсти своей... Уйдемъ отъ нихъ, уйдемъ!..
Дай руку мнѣ свою! Взгляни на сводъ небесный:
Не прошлые-ль Года стоятъ тамъ кучкой тѣсной
Въ одеждахъ старины, съ поникшей головой?
Не Сожалѣніе-ль тамъ, надъ рѣкой, всплываетъ
Съ улыбкой кроткою?. Ужъ солнце умираетъ:
Взгляни—закатъ горитъ, какъ тяжело-больной...
И слушай, Скорбь моя,—о, слушай, дорогая,
Какъ нѣжно сходитъ ночь, парчею гробовой
Съ востока дальняго таинственно сползая!

———— — —

Печаль луны.

Въ этотъ вечеръ луна такъ лѣниво мечтаетъ!
Какъ красавица, полная грезъ золотыхъ,
Средь подушекъ небрежной рукою ласкаетъ,
Засыпая, контуры грудей молодыхъ,—

Такъ на ложѣ атласномъ лавинъ этихъ снѣжныхъ,
Умирая, она погрузилась въ мечты;
И глаза ея бродятъ межъ призраковъ нѣжныхъ,
Что въ лазури, бѣлѣя, растутъ, какъ цвѣты.

И порой, когда въ грусти мечтательно-сладкой
Со щеки она сронитъ слезинку украдкой,
Сну враждебный поэтъ богомольно беретъ

Эту чистую каплю, обломокъ опала,
И, въ груди схоронивъ глубоко, бережетъ,
Чтобъ ревнивое солнце ея не украло!

Кошки.

Отъ книжной мудрости иль нѣгъ любви уставъ,
Мы всѣ влюбляемся, поры достигнувъ зрѣлой,
Въ изнѣженность и мощь ихъ бархатнаго тѣла,
Въ ихъ чуткость къ холоду и домосѣдный нравъ.

Покоемъ дорожа и тайными мечтами,
Ждутъ тишины онѣ и сумерекъ ночныхъ.
Эребъ въ свой экипажъ охотно впрёгъ бы ихъ,
Когда бы сдѣлаться могли онѣ рабами!

Святошамъ и толпѣ онѣ внушаютъ страхъ.
Мечтая, видъ онѣ серьезный принимаютъ
Тѣхъ сфинксовъ каменныхъ, которые въ пескахъ

Невѣдомыхъ пустынь красиво такъ мечтаютъ!
Ихъ чресла искръ полны, и въ трепетныхъ зрачкахъ
Песчинки золота таинственно блистаютъ.

Совы.

Подъ черными тисами выстроясь въ рядъ
И красныя очи впередъ устремляя,
Недвижно, какъ нѣкіе боги, сидятъ
Мохнатыя совы, въ тиши размышляя.

И такъ проведутъ онѣ солнечный день,
Пока, поднимая съ болота туманы,
На свѣтлыя рощи, холмы и поляны
Не ляжетъ унылая тѣнь.

И видъ ихъ даетъ мудрецу указанье,
Что въ жизни нѣтъ слаще покоя минутъ,
А шумъ и движенье къ добру не ведутъ!

Суровое ждетъ смѣльчака наказанье,
Лишь только, покинувъ спасительный мракъ,
За тѣнью блестящей онъ сдѣлаетъ шагъ!

Разбитый колоколъ.

Зимой, у камелька, въ часы ночей печальныхъ,
Съ отрадой горькою въ сердечной глубинѣ,
Ловлю я голоса воспоминаній дальнихъ
Сквозь гулъ колоколовъ, поющихъ въ тишинѣ.

Завидую тебѣ я, колоколъ счастливый
Съ могучей глоткою! Въ ночную темноту
Увѣренно ты шлешь свой крикъ благочестивый,
Какъ бодрый часовой, стоящій на посту.

А я... Моя душа давно разбита, смята!
И, еслибъ пѣснею я вздумалъ, какъ когда-то,
Спугнуть холодный мракъ, я только-бъ прохрипѣлъ,

Какъ раненый, врагомъ забытый безсердечнымъ
Въ кровавомъ озерѣ, подъ грудой мертвыхъ тѣлъ,
Безсильный двинуться въ усильи безконечномъ!

Moesta et errabunda.

Ты во снѣ, хоть порой, улетала-ль, Агата,
Изъ нечистаго моря столицы больной
Далеко, далеко, въ океанъ голубой,
Гдѣ, какъ юность твоя, все и чисто, и свято?
Ты во снѣ хоть туда улетала-ль, Агата?

Тамъ,—о, тамъ только можно забвенье сыскать!..
Кто снабдилъ тебя, море, широкое море,
Этой нѣжностью няни, умѣющей горе,
Какъ дитя, воркотнею своей укачать?
Тамъ,—о, тамъ только можно забвенье сыскать!

Я въ вагонѣ умчусь, улечу на фрегатѣ!
Здѣсь отъ слезъ нашихъ грязь подъ ногами течетъ...
Ахъ, не снится-ль порой и несчастной Агатѣ,
Что отъ мрачныхъ злодѣйствъ, отъ скорбей и заботъ
Улетаетъ она на проворномъ фрегатѣ?..

Какъ далекъ онъ, увы, благовонный эдемъ,
Гдѣ подъ ясной лазурью все—радость и счастье,
Все, что любишь, достойно любви и участья,
Все, чѣмъ дышешь, дано для дыханія всѣмъ!
Какъ далекъ онъ, увы, благовонный эдемъ!

Но зеленый эдемъ нашей дѣтской любви—
Бѣготня, поцѣлуи, букеты, улыбки,
За холмами дрожащія скрипки
На закатѣ, вдали потонувшемъ въ крови,—
Но зеленый эдемъ нашей дѣтской любви,

Безгрѣховный эдемъ наслажденій украдкой—
Неужели онъ дальше отъ насъ, чѣмъ Китай?
Крикомъ гнѣва и скорби вернемъ ли тотъ рай,
Оживимъ ли мелодіей сладкой?
Рай невинной любви и свиданій украдкой!..

—

Приглашеніе къ путешествію.

Мой ребенокъ, ангелъ мой'
Улетимъ въ тотъ край съ тобой,
Свѣтлый и незлобный,
Гдѣ такъ сладко жить вдвоемъ,
Жить и лечь въ гробу одномъ,—
Край, тебѣ подобный!

Тамъ въ неясной дымкѣ даль;
Тучекъ легкая вуаль
Полдня зной смягчаетъ,
И, какъ твой невѣрный взоръ
Сквозь туманный грусти флеръ,
Солнце въ нихъ сверкаетъ.

Все тамъ—роскошь, блескъ и красота,
Праздникъ нѣги, счастья полнота!

* * *

Мебель пышныхъ старыхъ дней
Станетъ въ комнатѣ твоей,
Въ позолотѣ яркой;
Запахъ амбры и цвѣтовъ
Будетъ вѣять въ нашъ альковъ
Атмосферой жаркой.

Странъ изнѣженныхъ дары,
Зеркала, хрусталь, ковры,
Пышные наряды,
Потолковъ узорный сводъ—
Все тамъ съ сердцемъ рѣчь ведетъ,
Полную отрады.

Все тамъ—роскошь, блескъ и красота,
Праздникъ нѣги, счастья полнота!

* *
*

Видишь—въ гавани лѣса
Сонныхъ мачтъ и паруса
Кораблей лѣнивыхъ?
Пожелай чего, шепни—
И помчатся вдаль они
Легче птицъ игривыхъ!

Гіацинтами горя,
Золотитъ уже заря
Гавань, поле, зданья;
Не шелохнется эфиръ;
Засыпая, грезитъ міръ
Въ розовомъ сіяньи..

Все тамъ—роскошь, блескъ и красота,
Праздникъ нѣги, счастья полнота!

Солнце.

Въ то время, какъ солнце стрѣляетъ жестоко
И въ городъ, и въ нивы,—въ предмѣстьи глухомъ,
Вдоль жалкихъ и сонныхъ пріютовъ порока,
Спустившихъ расшитыя шторы кругомъ,

Бреду я, съ толпою созвучій сражаясь,
За рифмой шпіоня во всѣхъ уголкахъ,—
То, будто о камень, о слогъ спотыкаясь,
То путаясь въ хлынувшихъ моремъ стихахъ.

— О, Солнце, отецъ нашъ! Смиряя заботы,—
Какъ розы, ты пѣсни рождаешь въ поляхъ
И полныя меда, душистыя соты,
Какъ въ ульяхъ, заводишь въ людскихъ головахъ.

Ты—еле живыхъ, чуть бредущихъ съ клюкою,
Какъ дѣвушекъ рѣзвыхъ, подчасъ молодишь;
На лонѣ, цвѣтущемъ безсмертной весною,
Зеленыя жатвы цвѣтишь-колосишь.

Ты—тотъ же поэтъ-чародѣй. Благороднымъ
И низкое можешь ты сдѣлать вокругъ.
По-царски ты шагомъ вступаешь свободнымъ
Въ дворцы и больницы, безъ шума и слугъ.

Пейзажъ.

Чтобъ цѣломудренно слагать мои эклоги,
Спать подлѣ неба я хочу, какъ астрологи, —
Изъ оконъ чердака, подъ мирный лепетъ сновъ,
Гудѣнью важному внимать колоколовъ.
Тамъ, подперевъ щеку задумчиво рукою,
Увижу улицу я съ пестрой суетою,
И мачтъ Парижа—трубъ необозримый лѣсъ,
И ширь зовущихъ насъ къ безсмертію небесъ.
Отрадно сквозь туманъ слѣдить звѣзды рожденье,
Въ завѣшенномъ окнѣ лампады появленье,
И дыма сизаго густыя пелены,
И чары блѣдныя колдующей луны.
Тамъ будутъ дни мои неслышно течь за днями...
Когда-жъ придетъ зима съ докучными снѣгами,
Всѣ двери, входы всѣ закрою я гостямъ
И чудные дворцы въ ночи моей создамъ!
И буду грезить я о горизонтахъ синихъ,
О сказочныхъ садахъ, оазисахъ въ пустыняхъ,
О поцѣлуяхъ дѣвъ небесной красоты,
О всемъ, что дѣтскаго бываетъ у мечты.

Пусть подъ окномъ моимъ мятежъ тогда бушуетъ,—
Меня онъ за трудомъ любимымъ не взволнуетъ:
Въ искусство дивное всецѣло погруженъ —
По волѣ вызывать весны волшебный сонъ,
Изъ сердца извлекать я буду волны свѣта,
Изъ мыслей пламенныхъ—тепло и роскошь лѣта.

Туманы и дожди.

Осени конецъ и дни зимы съ весною,
Смоченною грязью, я за то люблю,
Что они могилы смутной пеленою
Обнимаютъ душу мертвую мою.

Въ дни, когда въ равнинѣ ходитъ вѣтеръ шумный,
Флюгеръ по ночамъ хрипѣть не устаетъ,—
И моя душа съ отвагою безумной
Крылья ворона широко распахнетъ!

Сердцу, гдѣ звучатъ напѣвы погребенья,
Спрятанному въ иней, ждущему забвенья,
Любо созерцать, какъ плачущій февраль

Льетъ холодный свѣтъ, на сумерки похожій;
Иль въ безлунный вечеръ, на случайномъ ложѣ
Усыплять вдвоемъ привычную печаль.

Парижская греза.

I.

Еще сейчасъ въ дали неясной,
Въ безбрежный вылившись просторъ,
Пейзажъ невиданно-ужасный
Дивилъ и радовалъ мой взоръ.

Сонъ, полный чудныхъ привидѣній!
По странной прихоти мечты,
Міръ хаотическій растеній
Не нарушалъ ихъ красоты.

Художникъ, самъ въ себя влюбленный,
Я краски мертвыя лишь бралъ:
Мерцанье влаги монотонной,
Холодный мраморъ и металлъ.

То былъ гигантъ-дворецъ, вмѣщавшій
Аркадъ и лѣстницъ Вавилонъ,
Тяжелымъ золотомъ взметавшій
Фонтановъ цѣлый легіонъ.

Парчею занавѣсовъ плотныхъ
Театра дивнаго кулисъ,

Рядъ водопадовъ искрометныхъ
Со стѣнъ базальтовыхъ повисъ.

Какъ лѣсъ, стояли колоннады
Вкругъ мирно дремлющихъ прудовъ,
Гдѣ исполинскія наяды
Плескались въ пѣнѣ береговъ.

Одѣты въ яркіе граниты,
Озера синія текли,
На милліоны верстъ разлиты,
Къ краямъ невѣдомымъ земли.

Цвѣтовъ неслыханныхъ утесы
И волны, полныя чудесъ!—
Зеленогривые колоссы,
Блескъ отражавшіе небесъ,

Гдѣ, беззаботны и безмолвны,
Катились Гангесы огня,
Алмазовъ трепетныя волны
Въ моря лазурныя гоня.

Создатель замковъ вдохновенныхъ,
Шутя, бросалъ я, какъ титанъ,
Мосты изъ камней драгоцѣнныхъ
Чрезъ укрощенный океанъ.

Все, даже черный цвѣтъ, сверкало
Какимъ-то радужнымъ огнемъ;
Волна дышала и играла
Кристально-свѣтлымъ серебромъ.

Ничей бы глазъ подъ небесами
Свѣтила дня не усмотрѣлъ,
Но на волшебной панорамѣ
День ослѣпительный горѣлъ!

И надо всѣмъ, какъ надъ могилой
(Страшнѣй, неслыханнѣй всего:
Все—глазу, слуху—ничего!),
Молчанье вѣчности парило...

II.

Воспламененный взоръ открывъ,
Очнулся я въ своей берлогѣ,
Разбитъ, безпомощенъ, чуть живъ,
Въ тискахъ заботы и тревоги.

Нахально полдень прозвучалъ,
Докучно улица шумѣла,
И съ неба сумракъ упадалъ
На этотъ міръ закоченѣлый!..

Человѣкъ и море.

Свободный человѣкъ! Не даромъ ты влюбленъ
Въ могучій океанъ: души твоей безбрежной
Онъ—зеркало; какъ ты, въ движеньи вѣчномъ онъ,
Не меньше горечи въ твоей груди мятежной.

Какъ по сердцу тебѣ въ его волнахъ нырять,
На немъ покоить взглядъ! Въ его рыданьяхъ гнѣвныхъ
И дикихъ жалобахъ какъ любо узнавать
Родные отзвуки своихъ невзгодъ душевныхъ!

Равно загадочны вы оба и темны,
Равно обвѣяны молчаньемъ ледовитымъ.
Кто, море, знаетъ ключъ къ твоимъ богатствамъ
скрытымъ?
Твои, о человѣкъ, кто смѣритъ глубины?..

И что же? Безъ конца, не зная утомленья,
Войну вы межъ собой ведете искони!
Такъ любите вы смерть и ужасы рѣзни,
О, братья-близнецы, враги безъ примиренья!

———

Великанша.

Въ тѣ дни, когда цвѣла Природа красотой,
Чудовищныхъ дѣтей въ восторгахъ зачиная,
Я-бъ жить хотѣлъ у ногъ гигантши молодой,
Въ объятьяхъ лѣности, ярма заботъ не зная;

Слѣдить, какъ, ужасы въ забаву превративъ,
Растетъ она душой и созрѣваетъ тѣломъ,
Угадывать страстей бунтующихъ порывъ
Во взглядѣ женственно-стыдливомъ и несмѣломъ.

Величьемъ формъ ея я услаждалъ бы взоръ,
По склонамъ ползалъ бы ея колѣнъ огромныхъ,
И въ часъ, когда бы зной, пора желаній томныхъ,

Ее, усталую, по полю распростеръ,
Въ тѣни ея грудей дремалъ бы я небрежно,
Какъ у подошвы горъ поселокъ безмятежный.

Прежняя жизнь.

Подъ сѣнью портиковъ обширныхъ, безъ заботы,
Я жилъ, какъ полубогъ... Я помню дивный сонъ:
Тамъ превращалъ закатъ въ базальтовые гроты
Величественный рядъ возвышенныхъ колоннъ.

Прибрежная волна, вся полная движенья,
И лѣни царственной, и сказочныхъ чудесъ,
Сливала съ звуками торжественнаго пѣнья
Роскошные цвѣта пылающихъ небесъ.

Тамъ жилъ я, въ царствѣ грезъ, среди аллей тѣнистыхъ,
Среди лазури, волнъ, рабовъ полунагихъ,
Въ лицо мнѣ вѣявшихъ вѣтвями пальмъ душистыхъ,

Ловившихъ каждый взглядъ лѣнивыхъ глазъ моихъ
И слившихъ въ цѣль одну всѣ думы, всѣ желанья—
Загадку мукъ моихъ постичь и увяданья...

Симпатическій ужасъ.

„Съ этого страннаго неба багроваго,
Бурнаго, сходнаго съ нашей судьбой,
Въ грудь твою, грудь несчастливца суроваго,
Сходятъ какія мечтанья? Открой“.

— Тайны и тьмы ненасытно алкающій,
Я, какъ Овидій, не стану рыдать,
Въ рай свой латинскій душой унывающей,
Рабской душой улетать.

Небо, грозою, какъ берегъ, размытое!
Въ ранахъ твоихъ я любуюсь собой;
Тучи твои, какъ кортежъ гробовой,

Грёзы мои провожаютъ убитыя...
Блескъ твой, готовый сейчасъ умереть —
Адъ, гдѣ душѣ моей любо горѣть!

Алхимія скорби.

Одинъ рядитъ тебя въ свой пылъ,
Другой въ свою печаль, Природа.
Что́ одному гласитъ: „Свобода!“ —
Другому: „Тьма! Покой могилъ!“

Меркурій! ты страшишь меня
Своею помощью опасной:
Мидасъ алхимикъ былъ несчастный —
Его еще несчастнѣй я!

Мѣняю рай на адъ; алмазы
Искусно превращаю въ стразы;
Подъ катафалкомъ облаковъ

Любимый трупъ я открываю
И близъ небесныхъ береговъ
Рядъ саркофаговъ воздвигаю...

— —

Осенняя пѣсня.

I.

Короткая пора мелодій и цвѣтовъ,
Прости! Мы къ будничнымъ должны вернуться звукамъ.
Ужъ слышно, падаютъ на мостовой дворовъ
Тяжелыя дрова съ печально-рѣзкимъ стукомъ.

И вотъ, опять зима встаетъ передо мной—
Со злобой, дрожью, тьмой, заботой, жизнью мглистой...
И сердце станетъ вновь въ груди моей больной,
Какъ солнце полюса, лишь глыбой крови льдистой!

Полѣнья падаютъ, топоръ стучитъ, спѣша..
Такъ строятъ эшафотъ зловѣщій утромъ рано.
Какъ башня старая, дрожитъ моя душа
Подъ неустанными ударами тарана!

И все мнѣ чудится, что тò гробовщики
Кому-то гробъ поспѣшно забиваютъ...
Не лѣта-ль яснаго такъ грустно замираютъ
        Вдали послѣдніе шаги?..

II.

Люблю я вашихъ глазъ зеленоватый блескъ,
Но въ этотъ горькій день мой умъ любви не цѣнитъ:
Ни ласка милыхъ рукъ, ни дровъ горящихъ трескъ
Мнѣ солнца яркаго надъ моремъ не замѣнятъ!

И все же, нѣжный другъ, любите!.. Съ добротой
Сестры-ль, любовницы-ль,—о, все равно,—любите!
Заката пышнаго послѣдней теплотой
Неблагодарнаго и злого подарите.

Недологъ будетъ трудъ: смерть не заставитъ ждать,
Могила вырыта. . Напомните-жъ мнѣ мать,
Позвольте—голову колѣнямъ ввѣрить милымъ
И желтой осени остывшій лучъ вкушать,
Грустя о лѣтѣ свѣтокрыломъ!..

———

Маяки.

О, Рубенсъ,—лѣни садъ, водоворотъ забвенья,
Для дикой оргіи разубранный альковъ,
Гдѣ мѣста нѣтъ любви, но все полно движенья,
Какъ бурныя стада весеннихъ облаковъ!

Да-Винчи... Зеркало съ смѣющейся толпою
Прелестныхъ ангеловъ въ бездонной глубинѣ—
На фонѣ глетчеровъ, окрашенныхъ зарею,
И сосенъ, дремлющихъ въ пустынной вышинѣ.

Рембрандтъ... Огромная, печальная больница
Со вздохами молитвъ надъ смрадомъ нечистотъ,
Гдѣ на убогій крестъ, символъ любви, денница
Холодные лучи изъ хмурыхъ оконъ льетъ.

Анджѐло... Смутный міръ, гдѣ съ Геркулесомъ рядомъ—
Мадонны и Христы; гдѣ привидѣній рой,
Въ обрывкахъ savановъ, съ оцѣпенѣлымъ взглядомъ,
Изъ бездны тянется съ угрозою нѣмой.

Могучій гнѣвъ борца и фавна смѣхъ циничный,—
Пюжѐ,—надменный духъ, рядящій и неряхъ
Въ сіянье красоты, король меланхоличный
Питомцевъ каторги, въ лохмотьяхъ и цѣпяхъ.

Ваттò... Кипучій вальсъ, въ которомъ безъ раздумья
Кружатся сотни паръ, наряднѣй мотыльковъ,
Межъ тѣмъ какъ люстры льютъ тревогу и безумье
На этотъ садъ живыхъ порхающихъ цвѣтовъ.

Ты, Гойя,—злой кошмаръ съ чудовищными снами,
Съ орудіями мукъ и смѣхомъ палачей,
Ужасный шабашъ вѣдьмъ съ кипящими котлами,
Готовящими въ снѣдь зародыши дѣтей...

Делякруа... Заливъ, кровавой пѣны полный,
Нечистыхъ ангеловъ излюбленный притонъ,
Гдѣ лѣсъ зеленыхъ пихтъ угрюмо смотритъ въ волны,
И странный трубный звукъ разносится, какъ стонъ...

Всѣ эти жалобы, мольбы, богохуленья,
Проклятья, возгласы и слезы безъ конца—
Священный опіумъ, дарящій намъ забвенье,
Врачующій тоской убитыя сердца!

Призывъ охотниковъ, попавшихъ въ глубь ущелій,
Крикъ заблудившихся средь дебрей вѣковыхъ,
Маякъ, на тысячѣ зажженный цитаделей,
Пароль, назначенный для тысячъ часовыхъ!

И это—лучшее, Создатель, указанье
На то, что человѣкъ рожденъ не для оковъ,—
Крикъ этотъ пламенный, похожій на рыданье,
Катящійся къ Тебѣ сквозь лабиринтъ вѣковъ!

Маска.

(Аллегорическая статуя во вкусѣ Возрожденія.)

Вглядимся въ этотъ перлъ межъ грацій флорентинскихъ:
Изящество и мощь, двѣ царственныхъ сестры,
Въ изгибахъ этихъ формъ укрылись исполинскихъ.
Все въ дивной женщинѣ прекрасно; всѣ дары
Природной прелести въ ней слиты во-едино.
На ложахъ роскоши ея удѣлъ блистать,
Любовнымъ нектаромъ досуги чаровать
Первосвященника, иль міра властелина.
А эти тонкія съ улыбкою уста,
Гдѣ сладострастіе до дерзости доходитъ,
Межъ тѣмъ какъ хитрый взоръ съ насмѣшливостью бродитъ,
И властно говоритъ намъ каждая черта:
„Ко мнѣ взываетъ страсть! Меня любовь вѣнчаетъ!“
Съ какимъ величіемъ и царскимъ торжествомъ
Веселый, рѣзвый видъ она соединяетъ!
Приблизимся же къ ней, всю обойдемъ кругомъ.

— О, неожиданность! О, дикій фарсъ искусства!
У этой женщины, чьи формы божества
Сулятъ счастливцу рай, всѣ обольщая чувства,
Двуликая сидитъ на шеѣ голова.

Но нѣтъ! то маска лишь, пустое украшенье—
Прелестное лицо съ улыбкой на губахъ:
Вотъ, вотъ оно, лицо безъ лжи и ухищренья,
Своими корчами внушающее страхъ!
Могучая рѣка твоихъ нѣмыхъ рыданій,
О злополучная великая краса,
Туманомъ и мои подернула глаза...
О чемъ же плачешь ты, не одолѣвъ страданій?
Краса небесная, у чьихъ бы ногъ легла
Земля покорная, о чемъ твои печали?

О томъ безумная тоскуетъ, что жила,
И что живетъ теперь!.. Но, что̀ острѣе стали
Ей проникаетъ въ грудь, что̀ съ головы до ногъ
Бросаетъ въ дрожь ее,—увы!—что такъ же надо
Еще и завтра жить среди земного ада,—
И завтра, какъ вчера... И не назначенъ срокъ!

Гимнъ красотѣ.

О, кто ты? Дочь небесъ, иль порожденье ада?..
Порочный и святой, загадоченъ твой взглядъ.
Онъ, какъ вино: въ немъ свѣтъ, въ немъ райская услада
И преступленья мрачный адъ.

Какъ вечеръ въ бурный день, ты вся благоухаешь.
Амфора дивная съ таинственнымъ питьемъ,
Лобзаньемъ ты дитя въ героя превращаешь
И мужа—дѣлаешь рабомъ.

Откуда ты? Со звѣздъ? Изъ бездны неразсвѣтной?
Какъ вѣрный песъ, бѣжитъ самъ Демонъ за тобой.
И радостъ, и печаль ты сѣешь безотвѣтной,
Равно безтрепетной рукой.

Въ твоей косѣ, какъ перлъ, блеститъ и Ужасъ блѣдный,
Съ восторгомъ грудь твою Убійство обняло!
По трупамъ ты идешь съ усмѣшкою побѣдной,
Поднявши гордое чело.

Прельщенный мотылекъ, треща и обжигаясь,
Но сердцемъ веселясь, кружится надъ свѣчей;
Влюбленный, на груди прекрасной задыхаясь,
Въ объятьяхъ гробъ сжимаетъ свой.

О, что за дѣло мнѣ—эдема-ль чистой пери,
Сирены-ль темной взоръ мой разумъ освѣтилъ,
Мнѣ къ Безконечному невѣдомыя двери,
Давно желанныя, открылъ!

Что мнѣ—отъ Бога ты, иль нѣтъ, когда ты—Дива
Со взглядомъ бархатнымъ, вся блескъ и ароматъ,
Съ кѣмъ эта ночь кругомъ глядитъ не такъ пугливо,
Мгновенья менѣе томятъ!..

Соотвѣтствіе.

Природа—дивный храмъ, гдѣ рядъ живыхъ колоннъ
О чемъ-то шепчется невнятными словами;
Лѣсъ темный символовъ знакомыми очами
На проходящаго глядитъ со всѣхъ сторонъ.

Какъ эхо дальняго стозвучные раскаты
Волною смѣшанной въ ущельяхъ горъ плывутъ,
Такъ голоса другъ другу подаютъ
Всѣ тоны на землѣ, цвѣта и ароматы.

Есть много запаховъ здоровыхъ, молодыхъ,
Какъ тѣло дѣтское; какъ звуки флейты, нѣжныхъ;
Зеленыхъ, какъ луга... И много есть иныхъ,

Нахально блещущихъ, развратныхъ и мятежныхъ!
Такъ амбра съ мускусомъ, и ладанъ, и бензой
Поютъ экстазы чувствъ и бодрыхъ силъ прибой.

Неотступное.

Огромные лѣса, страшите вы меня,
Какъ сумрачный соборъ! Вашъ вой—органа пѣнье...
И въ проклятыхъ сердцахъ, лишенныхъ свѣта дня,
Гдѣ все еще дрожатъ старинныя хрипѣнья
И угрызеніе правдивое не спитъ,
Вашъ адскій рэквіемъ угрозою звучитъ!
Ты ненавистенъ мнѣ, угрюмый океанъ!
Твои прыжки змѣи, рыданья и угрозы
Сердечныя мои напоминаютъ грозы...
Мнѣ ярость чудится неотомщенныхъ ранъ,
Непризнанныхъ обидъ непонятаго горя
Въ громадномъ хохотѣ бунтующаго моря!
О, ночь-волшебница! Измученъ шумнымъ днемъ,
Какъ я тебя-бъ любилъ, любилъ до обожанья,
Когда-бъ не этихъ звѣздъ привѣтное мерцанье,
Лепечущее мнѣ знакомымъ языкомъ,
Тогда какъ я ищу застывшею душою
Тьмы, безразсвѣтной тьмы съ холодной пустотою!..
Но и холодный мракъ есть только пелена,
Скрывающая міръ огромнаго былого.
Отжившій міръ скорбей ужъ не воскреснетъ снова,
Но изъ зрачковъ моихъ, какъ искры изъ горнà,
Исчезнувшихъ существъ выходятъ миріады,
Кидая грустные, родные сердцу взгляды...

Пучина.

Паскаля мысль одна всегда, вездѣ терзаетъ:
— Бездонно все—мечта, желанье, дѣло, звукъ...
Я чувствую порой, какъ холодъ вѣтра вдругъ
По волосамъ моимъ отъ страха пробѣгаетъ.

Безмолвіе вездѣ—вверху, внизу, вокругъ...
Пространство безъ конца влечетъ и ужасаетъ...
На тьмѣ ночей моихъ Создатель вышиваетъ
Кошмары, полные многообразныхъ мукъ.

Я часа сна боюсь, какъ темной, страшной ямы,
Куда и тянетъ насъ, и гдѣ не видимъ дна мы.
Сквозь окна всѣ глядитъ безбрежность бытія.—

И, тяжестью ея подавленъ роковою,
Нирванѣ мертвой я завидую порою...
— Міръ Чиселъ и Идей зачѣмъ покинулъ я!

Тассъ въ темницѣ.

(Къ картинѣ Делякруа.)

Поэтъ въ тюрьмѣ, всклокоченный, больной,
Ногами топчущій безсмертный свитокъ свой...
Онъ, будто, лѣстницу глазами измѣряетъ,
Съ которой умъ ето померкшій ниспадаетъ!

Смѣхъ раздражающій надъ нимъ звучитъ кругомъ,
Видѣнья странныя встаютъ въ мозгу горячемъ,
И воздухъ оглашенъ его безсильнымъ плачемъ...
Сомнѣніе надъ нимъ и дѣтскій ужасъ въ немъ.

Въ берлогу брошенный неоцѣненный геній,
Съ его кривляньями и свитой привидѣній,
Вперяющій во тьму оцѣпенѣлый взглядъ,

Встающій въ ужасѣ безсонными ночами,—
Вотъ образъ твой, душа съ таинственными снами,
Кому Дѣйствительность—такой же казематъ!

Крышка.

Вездѣ,—на гребняхъ волнъ, на муравѣ долинъ,
На льдистомъ полюсѣ, подъ солнцемъ раскаленнымъ,—
Служитель истины, Цитеры вѣрный сынъ,
Поденщикъ темный, Крезъ съ желудкомъ пресыщен-
нымъ,

Гуляка городской, немудрый селянинъ
Съ мозолистой рукой, съ умомъ, въ покой влюблен-
нымъ,
Повсюду человѣкъ питаетъ страхъ одинъ—
Въ загадочную высь глядитъ съ лицомъ смущеннымъ.

Тамъ—неба душный сводъ, банальный потолокъ
Надъ оперою-буффъ, залитой моремъ свѣта,
Гдѣ каждый шутъ въ крови отъ головы до ногъ...

Гроза распутника, мечта анахорета...
Тамъ крышка черная огромнаго котла,
Гдѣ человѣчество кипитъ во мракѣ зла!

Художникъ.

Какъ Сизифъ, будь терпѣньемъ богатъ,
Точно волъ подъяремный, работай—
И одной все терзайся заботой:
Трудъ огроменъ, а годы летятъ!

Въ сторонѣ отъ гробницъ знаменитыхъ,
На заглохшемъ кладбищѣ временъ
Все ищу я великихъ именъ,
Равнодушной молвой позабытыхъ.

Много перловъ таится въ землѣ,
Въ вѣковѣчномъ забвеньи и мглѣ,
На кирку̀ попадая случайно;

Много чудныхъ родится цвѣтовъ,
Съ ароматомъ прекраснымъ какъ тайна,
Въ океанѣ пустынномъ песковъ...

* * *

Я мысленно живу прошедшими вѣками,
Когда румяный Фебъ влюбленными лучами
Живыя статуи повсюду золотилъ;
Когда, кипя огнемъ нерасточенныхъ силъ,
Мужчина съ женщиной безъ робости притворной
Вкушали радостей напитокъ животворный.
Въ тѣ дни Природа-мать въ дарахъ любви своей
Не мачихой была для собственныхъ дѣтей,
Но, сердцемъ нѣжная волчица Квиринала,
Сосцами смуглыми вселенную питала.
По мышцамъ Геркулесъ, по виду Антиной,
Мужчина вправѣ былъ гордиться красотой
Богоподобныхъ дѣвъ, его царемъ признавшихъ,—
Плодовъ гранатовыхъ, уста невольно звавшихъ...

Теперь, когда поэтъ приходитъ въ тѣ мѣста,
Гдѣ прежней дерзостью блистаетъ нагота,
И думаетъ былой упиться красотою,—
Онъ содрогается отъ ужаса душою
Предъ полной холода картиной новыхъ дней...
О, куклы мертвыя, пародіи людей!
О, торсы жалкіе, достойные корсета!

Брюха̀ отвислыя, боящіяся свѣта,
Носящія въ крови весь темный ядъ вѣковъ,
Пороки матерей и гнусности отцовъ!

То правда: у эпохъ изнѣженныхъ разврата
Есть виды красоты, невѣдомой когда-то.—
Печать сердечныхъ язвъ на молодыхъ чертахъ
И прелесть томности мечтательной въ очахъ. .
Но эти выдумки поэтовъ запоздалыхъ
Не осчастливили народовъ захудалыхъ,—
И мы завидуемъ съ мучительной тоской
Далёкой юности, наивной и святой,
Той свѣтлой юности, простой и непорочной,
Со взоромъ голубымъ яснѣй воды проточной,
Богатой пѣснями, безпечной, какъ цвѣты,
Струившей ароматъ любви и красоты!..

Балконъ.

Королева грацій, мать воспоминаній,
Ты,—о весь мой долгъ, награда всѣхъ трудовъ,—
Помнишь ли скажи, о прелести свиданій
Въ тишинѣ волшебныхъ лѣтнихъ вечеровъ?
Королева грацій, мать воспоминаній!

Въ поздніе часы, при пламени камина,
На балконѣ, скрытомъ въ розовыхъ парахъ,
Ты была нѣжна, добра, какъ мать для сына;
Вслухъ мечтали мы о сладостныхъ вещахъ...
Въ поздніе часы, при пламени камина.

Какъ прекрасно солнце въ теплый часъ заката!
Какъ прозрачна даль! Какъ духъ растетъ, любя!
Наклонясь къ тебѣ, источникъ аромата,
Кровь твою казалось, я вдыхалъ въ себя...
Какъ прекрасно солнце въ теплый часъ заката!

Полночь опускалась занавѣсомъ темнымъ.
Я твои зрачки угадывалъ впотьмахъ,
Мысль твою читалъ я... И съ довѣрьемъ скромнымъ
Крошки-ножки спали у меня въ рукахъ...
Полночь опускалась занавѣсомъ темнымъ.

Я искусство знаю вызывать блаженство,
Вспоминая рай объятій дорогихъ.
Гдѣ, зачѣмъ искать полнѣе совершенство,
Чѣмъ въ твоей душѣ, въ теплѣ очей твоихъ?
Я искусство знаю вызывать блаженство...

Этотъ праздникъ ласкъ, обѣтовъ и лобзаній—
Онъ вернется-ль вновь? Воскреснетъ ли любовь,
Какъ свѣтило дня, омывшись въ океанѣ,
Надъ землей восходитъ, молодѣя вновь?
Праздникъ ласкъ, обѣтовъ, пламенныхъ лобзаній!

Падаль.

Было ясное утро. Подъ музыку нѣжныхъ рѣчей
Шли тропинкою мы; полной грудью дышалось.
Вдругъ, вы вскрикнули громко: на ложѣ изъ жесткихъ камней
Безобразная падаль валялась...
Какъ безстыдная женщина, нагло впередъ
Обнаженныя ноги она выставляла,
Открывая цинично зеленый животъ,
И отравой дышать заставляла...
Но, какъ-будто на розу, на остовъ гнилой
Небо ясно глядѣло, привѣтно синѣя!
Только мы были хмуры, и вы, ангелъ мой,
Чуть стояли, дрожа и блѣднѣя.
Рои мошекъ кружились вблизи и вдали,
Непріятнымъ жужжаньемъ нашъ слухъ поражая;
Вдоль лоскутьевъ гнилыхъ, извиваясь, ползли
И текли, какъ похлебка густая,
Батальоны червей... Точно въ морѣ волна,
Эта черная масса то внизъ опадала,
То вздымалась тихонько: какъ будто она
Еще жизнію смутной дышала.
И неслась надъ ней музыка странная... Такъ
Зерна хлѣба шумятъ, когда вѣтра стремленьемъ

Ихъ несетъ по гумну; такъ сбѣгаетъ въ оврагъ
Говорливый ручей по каменьямъ.
Формы тѣла давно уже были мечтой,
Походя на эскизъ, торопливо и блѣдно
На бумагу набросанный чьей-то рукой
И закинутый въ уголъ безслѣдно.
Изъ-за груды каменьевъ на смрадный скелетъ
Собачонка глядѣла сверкая глазами
И, какъ будто, смакуя роскошный обѣдъ,
Такъ не во-время прерванный нами...

Но, однако, и вамъ этотъ жребій грозитъ—
Быть такимъ же гнилымъ, отвратительнымъ соромъ,
Вамъ, мой ангелъ съ горячимъ румянцемъ ланитъ,
Съ вашимъ кротко мерцающимъ взоромъ!
Да, любовь моя, да, мое солнце! Увы,
Тѣмъ же будете вы... Въ видѣ столь же позорномъ,
Послѣ таинствъ послѣднихъ, уляжетесь вы
Средь костей, подъ цвѣтами и дерномъ.
Такъ скажите-жъ червямъ,—какъ сползутся они
Ваши ѣсть поцѣлуи на тризнѣ ужасной,—
Что я душу сберегъ моей мертвой любви,
Образъ пери нетлѣнно-прекрасный!

Портретъ.

Болѣзнь и смерть лишь пепелъ намъ дарятъ
Того огня, что такъ свѣтилъ прекрасно.
Гдѣ чудные глаза, которыхъ пылкій взглядъ
Горѣлъ такъ ласково и ясно?

Гдѣ милыя пурпурныя уста,
Ихъ поцѣлуй, гасившій умъ мой бѣдный?
Ужасный сонъ: все прошлое мечта,
И живъ одинъ рисунокъ блѣдный!..

И тотъ, какъ я, покорно смерти ждетъ.
Сѣдымъ крыломъ насъ Время третъ и третъ,—
Ни красоты не пощадитъ, ни чувства...

Нѣтъ, злой убійца, темный врагъ искусства!
Не умертвишь ты въ памяти моей
Ее, мой свѣтъ и славу юныхъ дней!

*
* *

Когда корабль, гонимый аквилономъ,
До позднихъ лѣтъ дойдетъ мой грустный стихъ,
По вечерамъ напѣвомъ монотоннымъ
Будя мечты въ сердцахъ людскихъ,—

Пусть образъ твой потомкамъ отдаленнымъ
Чаруетъ умъ, какъ сказка дней сѣдыхъ,
Къ моимъ мечтамъ прикованный и стонамъ,
Какъ цѣпью, звономъ рифмъ моихъ!

Несчастная, отъ свѣтлыхъ высей рая
До бездны безднъ мнѣ одному родная!
Твоя душа передъ людскимъ судомъ

Безстрастіемъ и гордостью богата,
О, статуя съ глазами изъ агата,
Прекрасный ангелъ съ бронзовымъ челомъ!

Вампиръ.

Сверкая властно и злорадно,
Какъ острой стали лезвіе,
Ты въ сердце жалкое мое
Вошла, безумна и нарядна!
И тронъ, и ложе для себя
Нашла въ душѣ моей безсильной...
— О ты, съ кѣмъ до черты могильной,
Какъ цѣпью, скованъ я, любя,
Какъ горькій пьяница съ бутылкой,
Какъ трупъ съ червями, какъ съ игрой
Игрокъ отчаянный и пылкій, —
Будь проклятъ, проклятъ демонъ злой!
Я звалъ кинжалъ на призракъ темный,
Чтобъ онъ разбилъ мою тюрьму,
Молилъ и ядъ, чтобъ вѣроломный
Помогъ безсилью моему;
Но, отвергая всѣ моленья
Они глумились надо мной:
„Томись въ неволѣ, рабъ слѣпой,
Ты недостоинъ сожалѣнья!
„Когда-бъ вампира твоего,
Безумецъ, поразить могли мы,—
Ты поцѣлуями живыми
Вновь оживилъ бы трупъ его."

Привидѣніе.

Какъ духъ отчаянья и мести,
Покину я пріютъ гробовъ
И въ часъ ночной, съ тѣнями вмѣстѣ,
Скользну безъ шума въ твой альковъ.

Тебѣ я дамъ, мой другъ, лобзанья
Луны мертвѣй и холоднѣй,
И ядъ змѣинаго дыханья
Вопьешь ты съ ласкою моей.

Но только утро засинѣетъ,
Твоя свѣтлица опустѣетъ,
И станешь тѣнью ты бродить.

Какъ люди—нѣжностью сердечной,
Такъ я надъ юностью безпечной
Хочу лишь ужасомъ царить!

Hèautontimoroumènos *).

Я безъ гнѣва чашу мукъ
Дамъ испить тебѣ, мой другъ!
Не изъ мести, не для кары
Я, какъ новый Моисей
Въ мертвый камень средь степей,
Буду грозные удары
Милой въ сердце наносить,
Чтобы зной моей Сахары —
Жажду сердца утолить!..

И когда изъ глазъ любимыхъ,
Въ пыткѣ мукъ невыносимыхъ,
Брызнетъ горькою волной
Ключъ страданія живой,
Мой взыграетъ духъ печальный,
Какъ корабль на лонѣ водъ
Въ часъ, когда къ отчизнѣ дальной
Странникъ бѣдный поплыветъ!
И твой плачъ, мой другъ, во мракѣ
Для души моей больной
Прозвучитъ, какъ въ часъ аттаки
Барабанный грозный бой!

*) Самобичующій.

Не аккордъ ли я фальшивый
Въ стройномъ хорѣ мiровомъ?
Ядъ иронiи крикливой
Слышенъ въ голосѣ моемъ.
Черный ядъ! Убiйца вѣры!
Онъ всю кровь мою проникъ...
Ахъ! Я—зеркало, Мегеры
Отражающее ликъ!
Я — и ножъ, и вмѣстѣ рана,
Беззащитная щека
И разящая рука...
Кроткой жертвѣ, мнѣ—тирана
Сердце злобное дано!
Я несчастный, что смѣяться
Долженъ вѣкъ свой — и давно
Ужъ не въ силахъ улыбаться!..

Печальный мадригалъ.

Пусть тебя гордый свѣтъ презираетъ:
Будь мила! Будь печальна! Слеза
Только прелесть лицу прибавляетъ.
Вѣдь долину рѣка украшаетъ,
Вѣдь цвѣты освѣжаетъ гроза!

Я люблю, когда радость живая
Съ дорогого сбѣгаетъ чела,
И въ душѣ твоей, ужасъ рождая,
Словно туча встаетъ грозовая —
Память горя былого и зла.

Я люблю, когда взоръ твой атласный
Полонъ влаги, горячей, какъ кровь,
И, какъ няня, пытаюсь напрасно
Убаюкать порывъ твой ужасный,
Надъ которымъ невластна любовь.

И вдыхаю твои я рыданья
(О, восторгъ незабвенныхъ ночей!),
Точно сладостный гимнъ упованья:
Озарятъ эти перлы страданья
Мракъ души угнетенной твоей!

Да! я знаю, мой другъ, и не скрою:
Въ непосильной житейской борьбѣ
Ты умѣла сберечь за душою
Каплю гордости той, что порою
Осужденные носятъ въ себѣ.

Но подъ властью кошмаровъ печальныхъ,
Угнетающихъ сердце и умъ,
Въ этихъ грезахъ и снахъ погребальныхъ,
Слыша отзвуки выстрѣловъ дальнихъ
И мечей угрожающій шумъ,

Всюду зло и печаль открывая,
Содрогаясь при боѣ часовъ,
Ты не знала еще, дорогая,
Всей печали отверженцевъ рая,—
Пресыщеньемъ отравленныхъ сновъ!

И ни разу, о нѣжная дива,
Въ тяжкомъ ужасѣ ночи больной,
Ты, любившая только пугливо,
Не могла мнѣ сказать горделиво:
„Я сравнялась, о царь мой, съ тобой!“

Флаконъ.

Бываютъ запахи, которымъ нѣтъ преградъ,—
Сквозь прочное стекло ихъ проникаетъ ядъ.
Вскрывая сундучекъ, полученный съ востока,
Съ визгливой крышкою, проржавѣвшей жестоко,

Иль почернѣлый шкафъ невѣдомыхъ временъ,
Случается найти надтреснутый флаконъ,
Стоявшій много лѣтъ, слой пыли накопляя,
Откуда брызнетъ вдругъ душа, еще живая ..

И рой прекрасныхъ грезъ, таившихся въ тиши,
Подобно куколкамъ, средь сумерекъ души,—
Раскрывши крылышки лазурно-золотыя,
Вспорхнетъ восторженно подъ небеса родныя!

Но вотъ тяжелый сонъ, зловѣщій, какъ гроза,
Встаетъ изъ мрака дней... Смыкаются глаза,
Кружится голова... Невѣдомая сила
Руками страшными и мозгъ, и грудь сдавила

И тянетъ къ пропасти безъ берега и дна,
Гдѣ призрачный мертвецъ, срывая путы сна,
Какъ Лазарь, движется, обвитый пеленами,
Пропахшій старою любовью и грѣхами...

Такъ, на пиру людей ненужнымъ хламомъ ставъ,
Заброшенъ нѣкогда въ такой же мрачный шкафъ,
Флаконъ осушенный, отвергнутый, надбитый,
И грязью липкою, и плѣсенью покрытый,—

Твоей гробницею я буду, милый ядъ,
Источникъ горестей и неземныхъ отрадъ,
Издѣлье ангеловъ изъ лучшихъ гроздій рая,
О, жизнь моя и смерть, моя цикута злая!..

Разговоръ.

Небо осени вы, голубое, прозрачное,
А во мнѣ поднимается скорбь, какъ волна;
И, отхлынувъ назадъ, на уста мои мрачныя
Ѣдкой горечи слѣдъ налагаетъ она.

Ваша ручка напрасно, не зная усталости,
По груди моей бродитъ—въ ней пусто, мертво:
Это сердце пожрали давно и безъ жалости
Зубы женщины... Нѣтъ, не ищите его!

Это сердце—развалины царскаго зданія,
Гдѣ на смерть убиваютъ, и пьютъ, и шумятъ;
По груди-жъ вашей нѣжной плыветъ ароматъ...

—Бичъ сердецъ, Красота! ты чужда состраданія?
Брилліантовымъ взоромъ сожги же скорѣй
То, что когти еще пощадили звѣрей!

* * *

Въ одеждахъ волнистыхъ и бѣлыхъ
Скользишь ты, какъ змѣи проворныя,
Тѣ змѣи, что пляшутъ, искусству покорныя,
На палкахъ жрецовъ посѣдѣлыхъ.

Какъ въ блескѣ лазури пустыня безгласная,
Какъ сѣть безконечная зыбкаго моря,
Ты взору являешься – чуждая горя
И чуждая страсти, къ землѣ безучастная. .

Глаза твои—два минерала прелестныхъ:
И кротость въ нихъ ангеловъ чистыхъ небесныхъ,
И сфинкса порой безсердечность желѣзная.

Смѣсь золота, перловъ и стали холодной,
Сіяешь ты вся, какъ звѣзда безполезная,
Застывшимъ величіемъ дѣвы безплодной.

Жажда обмана.

Всякій разъ, какъ плывешь ты, лѣнивица милая,
Въ звукахъ вальса, залитая блескомъ огней,
Гармоничная, томная, будто унылая,
Долгимъ взоромъ блуждая по лицамъ гостей;
Всякій разъ, какъ мелькаетъ лицо твое блѣдное,
Гдѣ окрашенный газъ зажигаетъ зарю
И темнѣютъ очей глубины неизслѣдныя,—
„Какъ прекрасна она!“ я себѣ говорю.
Не былое-ль само, испытаньемъ богатое,
Всѣ черты, всѣ движенья вѣнчаетъ твои?
Душный полдень пробилъ... И, какъ персикъ помятое,
Проситъ сердце созрѣвшее мудрой любви.
Плодъ ли осени ты, лишь серпа ожидающій?
Погребальная урна, просящая слезъ?
Ароматъ ли, зовущій въ оазисъ сіяющій,
Иль дешевый вѣнокъ изъ искусственныхъ розъ?
Есть глаза, драгоцѣнныя тайны сулящіе,
Безъисходною полные грустью глаза,
Дорогіе ларцы, медальоны блестящіе—
И, увы! столь пустые, какъ вы, небеса!
Но для сердца, отвергшаго истину скучную,
Не довольно-ль миража, несущаго свѣтъ?
Украшенье, иль маску пустую, бездушную,
Обожаю тебя я! Тебѣ мой привѣтъ!

Разрушеніе.

Невидимо паря, вокругъ меня снуетъ
Неугомонный духъ, неусыпимый геній:
Какъ воздухъ, льется въ грудь и легкія мнѣ жжетъ
Огнемъ преступныхъ вожделѣній.

И, зная страсть мою къ искусству, по ночамъ
Подъ маской женщины является прекрасной
И, подъ предлогами коварными, къ губамъ
Мнѣ ядъ подноситъ сладострастный.

И водитъ онъ меня отъ Бога вдалекѣ,
Изнеможеннаго, изнывшаго въ тоскѣ,
Въ пустыняхъ скуки и томленья.

И тамъ, какъ въ тяжкомъ снѣ, рисуетъ предо мной
Одежды грязныя, и ранъ открытыхъ гной,
И кровь и ужасъ разрушенья!..

Слѣпые.

Взгляни, взгляни... Они меня пугаютъ!
Какъ манекены, странны и смѣшны,
Въ какой-то сонъ всегда погружены,—
Свой мутный взоръ куда они вперяютъ?

Давно лишенный искры божества,
Онъ все туда, въ небесный край, стремится;
И къ мостовой задумчиво склониться
Упрямая не хочетъ голова.

Вверху же—мракъ, печальный братъ молчанья...
Межъ тѣмъ, какъ въ вихрѣ шумномъ ликованья
Безумный городъ пляшетъ и поетъ,—

О, посмотри: влачусь я въ свой чередъ!
Но къ небесамъ не устремляю взгляда:
Чего вверху слѣпцамъ всѣмъ этимъ надо?..

Сплинъ.

Я—точно царь страны дождливой,
Богатый, властный, но больной,
Во цвѣтѣ юности счастливой
Старикъ и тѣломъ, и душой.
Ничто развлечь его не можетъ—
Ни конскій бѣгъ, ни звукъ роговъ,
Ни стонъ народа не тревожитъ
Передъ балконами дворцовъ.
Давно не видитъ шутъ любимый
Улыбки на его губахъ;
Какъ трупъ, лежитъ онъ недвижимый
На ложѣ, убранномъ въ цвѣтахъ!
Глядитъ чертогъ, какъ склепъ могильный...
И чтобъ согрѣть живой скелетъ,
Ужъ камеръ-фрейлины безсильны
Безстыднѣй выбрать туалетъ.
Межъ тѣмъ, мудрецъ его придворный,
Что́ дѣлать золото умѣлъ,
Болѣзни элементъ злотворный
Внутри еще не усмотрѣлъ...
И тщетно въ ваннахъ крови алой,
Когда-то грѣвшихъ царскій Римъ,
Руинамъ хочетъ онъ живымъ
Огонь найти, огонь бывалый.

Живетъ въ нихъ тайная змѣя,
Ее извлечь никто не въ силахъ,
И Леты затхлая струя,
Не кровь течетъ въ зеленыхъ жилахъ!

Сплинъ.

Февраль, сѣдой ворчунъ и врагъ всего живого,
Насвистывая маршъ зловѣщій похоронъ,
Въ предмѣстьяхъ сѣетъ смерть и льетъ холодный сонъ
На блѣдныхъ жителей кладбища городского.

Улегшись на полу, больной и зябкій котъ
Не устаетъ вертѣть всѣмъ тѣломъ шелудивымъ;
Чрезъ жолобъ кровельный, со стономъ боязливымъ,
Поэта стараго бездомный духъ бредетъ.

Намокшія дрова, шипя, пищатъ упрямо;
Часы простуженной имъ вторятъ фистулой;
Межъ тѣмъ, валетъ червей и пиковая дама,—

Наслѣдье мрачное страдавшей водяной
Старухи,—полные зловонья и отравы,
Болтаютъ про себя о дняхъ любви и славы...

Сплинъ.

Не больше-бъ помнилъ я, проживши сотни лѣтъ!
Въ шкафу, гдѣ ящичкамъ и полкамъ счета нѣтъ,
Гдѣ свалены въ пыли разрозненные томы
Процессовъ и стиховъ, записочки, альбомы,
Въ роспискахъ локоны душистые волосъ,—
Секретовъ менѣе-бъ, навѣрное, нашлось,
Чѣмъ у меня въ мозгу: въ немъ труповъ больше было,
Чѣмъ сколько помѣститъ и общая могила!
Кладбище мрака я, враждебное лунѣ,—
Гдѣ черви длинные по самымъ милымъ мнѣ
Покойникамъ ползутъ съ остервенѣньемъ жаднымъ,
Подобно совѣсти укорамъ безпощаднымъ!
Я—старый будуаръ, поблеклыхъ полный розъ,
Въ которомъ царствуетъ плѣнительный хао́съ,
И дышутъ запахомъ флаконовъ незакрытыхъ
Пастэли грустныя и кучи модъ забытыхъ...
И что́ сравнить съ длиной тѣхъ хромоногихъ дней,
Когда подъ снѣгомъ вьюгъ и ливнями дождей
Хандра, которой ледъ ничто не растопляетъ,
Размѣры грозные безсмертья принимаетъ?!
Я—смутнымъ ужасомъ обвѣянный гранитъ,
Недвижно дремлющій, затерянъ и забытъ,
Въ туманной глубинѣ пылающей Сахары. .
Подъ молотомъ вѣковъ полуистертый, старый,
Ненужный міру сфинксъ, чей нелюдимый нравъ
Поетъ, прощальный лучъ заката увидавъ!

Сплинъ.

Когда въ когтяхъ хандры природа изнываетъ,
И крышка сѣрыхъ тучъ, ползущихъ надъ землей,
Вотъ-вотъ прихлопнетъ міръ, и небо проливаетъ
День сумрачный, какъ ночь, слезливый и больной;

Когда земля тюрьмой становится сырою,
Гдѣ свѣтлый рой надеждъ, какъ рой нетопырей,
Пугливо носится и бьется головою
О мокрый камень стѣнъ, не находя дверей;

Когда намъ кажутся рѣшеткой исполинской
Повисшаго дождя свинцовыя струи,
И стаи пауковъ со злобой сатанинской
Въ глубь мозга нашего ведутъ силки свои,—

Вдругъ съ дикой яростью колокола заскачутъ,
Подымутъ тяжкій вой... И чудится тогда:
То—души грѣшниковъ непогребенныхъ плачутъ,
Лишенныхъ родины небесной навсегда!

И длинный рядъ гробовъ неспѣшно выступаетъ
Во тьмѣ души моей въ процессіи нѣмой,
И знамя черное побѣдно развѣваетъ
Свирѣпая Тоска, склонясь на черепъ мой!..

Непоправимое.

I.

Возможно-ль боль забыть сердечныхъ угрызеній,
Волнующихся въ насъ, сверлящихъ намъ сердца,
Какъ гусеницы дубъ, какъ черви мертвеца?
О, можно-ль боль забыть старинныхъ угрызеній?

Въ винѣ какихъ страстей, или въ какомъ питьѣ
Утопимъ мы врага, губителя отрады,
Любовницы жаднѣй, докучливѣй цикады?
Въ винѣ какихъ страстей, или въ какомъ питьѣ?—

Колдунья нѣжная, повѣдай, дорогая,
Солдату, павшему средь сѣчи роковой
И видящему сталь копытъ надъ головой,—
Колдунья нѣжная, повѣдай, дорогая!

Минуты сочтены—его ужъ чуетъ волкъ,
И воронъ стережетъ... Онъ стонетъ черезъ силу...
Скажи-жъ: найдетъ онъ крестъ и честную могилу?..
Минуты сочтены - ужъ близко бродитъ волкъ!

Зажжется ли разсвѣтъ на этомъ черномъ небѣ?
Прорвется ли когда зіяющая мгла
Безъ молній и безъ звѣздъ, густая, какъ смола?
Возможенъ ли разсвѣтъ на этомъ черномъ небѣ?

Въ гостиницѣ огни потушены давно.
Безъ мѣсячныхъ лучей, среди пути глухого,
Какъ путникамъ дойти до сладостнаго крова?
Нечистый всѣ огни задулъ уже давно!

Скажи, волшебница, отверженцевъ ты любишь?
Виновной совѣсти страшатъ тебя черты?
Неизгладимое простить способна-ль ты?
Скажи, волшебница, отверженцевъ ты любишь?

Змѣй сожалѣнія грызетъ меня, грызетъ
Всѣ дни и ночи всѣ... Подъ монументъ разбитый
Онъ подрывается, какъ хищные термиты...
Непоправимое грызетъ меня, грызетъ!

II.

На дешевыхъ сценахъ я видалъ, бывало,
Ка́къ, восторгъ будя въ неопытныхъ сердцахъ,
Въ громѣ флейтъ и скрипокъ фея зажигала
Дивную зарю на адскихъ небесахъ.

Горделивымъ жестомъ властнаго приказа
Прогоняя мракъ съ лазурной вышины,
Существо изъ свѣта, золота и газа
Низвергало въ бездну царство сатаны.

Духъ мой—та же сцена; но людского глаза
Не прельститъ она, одѣта вѣчной мглой:
Тамъ не ждутъ прихода феи молодой
Съ крыльями изъ свѣта, золота и газа!..

Жажда небытія.

Усни, угрюмый духъ, борьбою пресыщенный!
Безсмысленно тупить не хочетъ съ этихъ поръ
Надежда объ тебя когда-то острыхъ шпоръ,
О кляча дряхлая, одёръ изнеможенный.

Усни же сномъ безъ сновъ, какъ воинъ побѣжденный!

Что́ для тебя любовь? Лишь праздный разговоръ—
Не больше, старый плутъ, въ обманахъ изощренный...
Простите-жъ, вздохи флейтъ, мечты души влюбленной!
Вы, пѣсни мѣдныя, молчите съ этихъ поръ!

Чарующей весны поблекъ живой уборъ.

И дни, за мигомъ мигъ, какъ снѣгъ неугомонный,
Твой поглощаютъ трупъ... Окоченѣлый взоръ
Встрѣчаетъ въ вышинѣ синѣющій шатеръ,
Но больше кровли въ немъ не видитъ благосклонной...

— Лавина! скоро-ль ты разбудишь воздухъ сонный ?*)

---

*) Въ подлинникѣ другой оборотъ:
Avalanche, veux-tu m'emporter dans ta chute?
Но смыслъ тотъ же.

Семь стариковъ.

(Посвящено Виктору Гюго.)

Въ столичномъ омутѣ, гдѣ призраки снуютъ
При полномъ свѣтѣ дня, прохожихъ задѣвая,
И тайны, чудится, по улицамъ текутъ,
Какъ соки темные, дыханье отравляя,—

Однажды по утру, когда туманъ сырой
Клубился медленно нечистыми волнами
Надъ узкой улицей, казавшейся рѣкой
Съ гранитными крутыми берегами,

Въ предмѣстье я забрелъ... Закутанный въ туманъ,
Съ развинченной душой, я двигался устало.
Скрипѣніе колесъ мнѣ нервы потрясало—
Какихъ-то грязныхъ фуръ тянулся караванъ...

Вдругъ немощный старикъ въ лохмотьяхъ жалкихъ (цвѣта
Поблекло-рыжихъ тучъ на мокрыхъ небесахъ),
Къ которому дождемъ текли бъ подачки свѣта,
Когда бъ не злой огонь, свѣтившійся въ глазахъ,

Явился предо мной... Его зрачекъ, казалось,

Намоченъ желчью былъ. Не брита никогда,
Впередъ, какъ у Іуды, выставлялась
Рапирой острою большая борода.

Онъ не былъ сгорбленъ, нѣтъ! но на двѣ половины
Разломленъ. Съ палкою въ трясущихся рукахъ,
Онъ видъ и складъ больной напоминалъ скотины,
Безпомощно на трехъ влачащейся ногахъ.

Въ осенній снѣгъ и грязь неловко увязая
(Какъ будто трупы онъ давилъ подъ башмакомъ!),
Онъ шелъ – куда Богъ вѣсть, минуты не теряя,
Не только чуждъ всему, но золъ на все кругомъ.

За нимъ его двойникъ: такое жъ одѣянье,
Такая-жъ борода, походка, палка, взглядъ...
Два странныхъ близнеца, два сумрачныхъ созданья,
Которыхъ выпустилъ одинъ и тотъ же адъ!

Чьей гнусной шуткой я введёнъ былъ въ заблужденье?
Какой враждебный рокъ мой разумъ ослѣпилъ?
Семь разъ, семь страшныхъ разъ, —мгновенье изъ мгновенья,—
Старикъ передо мной зловѣщій проходилъ!..

Пусть тотъ, кто горестью моей не опечаленъ,
Чье сердце жалостью отзывной не дрожитъ,
Подумаетъ о томъ, что эти семь развалинъ,
Семь выходцевъ могилъ имѣли вѣчный видъ!

Не умеревъ сейчасъ, увижу-ль я восьмого,

Такого-жъ грознаго въ фатальности своей
Отца и сына ихъ? Но спину я сурово
Къ кортежу адскому поворотилъ скорѣй.

Озлобленъ, раздраженъ, какъ пьяница, который
Весь видитъ міръ вдвойнѣ, вернулся я домой;
Въ ознобѣ заперъ дверь, задвинулъ всѣ затворы,
Смущенъ нелѣпицей и тайной роковой.

Но тщетно почвы я искалъ вокругъ въ туманѣ:
Подъ бурей прыгала и билась мысль моя,
Какъ судно жалкое безъ мачтъ и безъ руля
На безграничномъ океанѣ!..

Донъ-Жуанъ въ аду.

Лишь обóлъ свой Харону швырнулъ на колѣна
Донъ-Жуанъ и къ подземной волнѣ подступилъ,—
Мрачный нищій, съ надменнымъ лицомъ Антисфена,
Весла гнѣвной рукою схватилъ *).

Позади же, подъ черными сводами ада,
Рои женщинъ, отвисшія груди раскрывъ,
Точно жертвъ принесенныхъ огромное стадо,
Повторяли къ отмщенью призывъ **).

Сганарелло ***) насмѣшливо требовалъ платы;
Тамъ Донъ-Людвигъ ****) указывалъ дряхлой рукой
На сѣдины свои, что́ не ворогъ заклятый—
Сынъ, увы, опозорилъ родной!

*) Нищій, котораго Донъ-Жуанъ заставилъ отречься отъ Бога.
**) Жертвы сластолюбія Донъ-Жуана.
***) Слуга Донъ-Жуана.
****) Отецъ Д.-Ж.

Пряча въ трауръ свой станъ цѣломудренно-гибкій,
Здѣсь Эльвира *) глядитъ ему нѣжно во слѣдъ,
Будто молитъ отвѣтить послѣдней улыбкой,
Полной сладости первыхъ бесѣдъ.

Человѣкъ изъ гранита, съ бронёю желѣзной,
Надъ рулемъ возвышаясь, боролся съ волной **);
Но, склонясь на рапиру, за пѣнистой бездной
Равнодушно слѣдилъ безмятежный герой!

---

*) Жена Д. Ж., родного брата которой онъ убилъ на дуэли и которую бросилъ тотчасъ же послѣ свадьбы.

**) Командоръ.

Мятежникъ.

Разгнѣванный Ангелъ, орломъ съ высоты
Низринувшись, мощной рукою хватаетъ
За чубъ нечестивца и грозно вѣщаетъ:
„Я—ангелъ-хранитель! Раскаешься-ль ты?

„Знай: должно любить безъ гримасы печальной
Убогаго, злого, хромого, слѣпца,
Чтобъ вышить изъ этой любви безъ конца
Для ногъ Іисуса коверъ тріумфальный.

„Любовь такова... Полюби же теплѣй—
И будетъ блаженство наградой твоей,
Блаженство, которое ввѣкъ не наскучитъ!"

И Ангелъ добра, прибѣгая къ бичу,
Рукой исполина отступника мучитъ.
А тотъ отвѣчаетъ одно: „Не хочу!"

Жалобы Икара.

Любовники пошлаго сыты,
Ихъ доля свѣтла и легка;
А руки Икара разбиты —
За дерзость обнять облака.

Вы, дивные свѣточи ночи,
Вы, кроткія звѣзды, виной,
Что эти потухшія очи
Лишь помнятъ про день золотой!

Конецъ и начало вселенной
Отважно задумавъ найти,
Не знаю, чьей волей надменной
Я былъ остановленъ въ пути.

Со всею моею любовью,
Я имени даже не дамъ
Меня схоронившимъ волнамъ,
Моею упившимся кровью!

Мученица.

(Къ картинѣ неизвѣстнаго мастера.)

Среди зеркалъ, картинъ, флаконовъ расписныхъ
Съ ароматичными духами,
Дразнящей мебели и платьевъ дорогихъ,
Висящихъ пышными волнами;

Въ закрытой комнатѣ, гдѣ воздухъ неживой
Пахучъ и зноенъ, какъ въ теплицахъ,
Гдѣ гордые цвѣты поникли головой
Въ своихъ узорчатыхъ гробницахъ, —

Подушку влажную мертвецъ безъ головы
Живою кровью заливаетъ,
И шелковая ткань прожорливѣй травы
Потокъ румяный поглощаетъ.

Какъ блѣдный выходецъ изъ міра мрачныхъ грёзъ,
Болѣзни спутницъ неизмѣнныхъ,
Съ тяжелой гривою эбеневыхъ волосъ
И ношей камней драгоцѣнныхъ,

Синѣя, голова на столикѣ лежитъ.
Лишенный мысли, мутный, бѣлый,

Какъ сумеречный свѣтъ, изъ мертвенныхъ орбитъ
Выходитъ взоръ оцѣпенѣлый.

А на постели трупъ, въ величьи наготы,
Раскрылъ съ небрежною свободой
Весь сокровенный блескъ, всѣ чары красоты,
Ему дарованной природой.

На мраморной ногѣ, какъ память о быломъ,
Чулокъ остался розоватый,
И свѣтитъ издали пылающимъ зрачкомъ
Подвязка съ вышивкой богатой.

Безлюдье, тишина, еще живая кровь,
Нагого тѣла положенье—
Все, все наводитъ мысль на мрачную любовь,
На пиръ безумный преступленья,

Восторги адскіе, лобзаній дикихъ ядъ...
И мнится—съ роемъ мыслей черныхъ
Всѣ злые ангелы невидимо парятъ
Межъ складокъ занавѣсъ узорныхъ!

Однако, этихъ плечъ сухой, изящный видъ,
Ноги по-дѣтски округленной
И нѣжной таліи—такъ ясно говоритъ
О страсти, рано пробужденной

Вѣдь это—лилія, расцвѣтшая съ зарей!..
Въ чаду невѣдомыхъ мученій
Разверзъ ли душу онъ для стаи роковой
Порочныхъ чувствъ и вожделѣній?

Жестокій человѣкъ, чей ненасытный пылъ
 Не утолила ты, живая,
Такъ пламенно любя,—о, счастливъ ли онъ былъ,
 Твой трупъ угодливый лаская?

Отвѣть, нечистый трупъ! И, за косы себя
 Поднявъ трепещущей рукою
Повѣдай, страшный ликъ: онъ приклеилъ, любя,
 Къ твоимъ зубамъ „прости“ нѣмое?..

— Вдали отъ зоркихъ глазъ придирчивыхъ властей,
 Отъ клеветы и поруганья,
Въ могилѣ заключась таинственной своей,
 Спи въ мирѣ, странное созданье!

Спи въ мирѣ! Твой супругъ отъ свѣта убѣжитъ,
 Но не отъ скорби: образъ милый
Съ нимъ будетъ и во снѣ... Какъ ты, онъ сохранитъ
 Любовь и вѣрность до могилы!

Эпиграфъ къ одной осужденной книгѣ.

Другъ мира, неба и людей,
Восторговъ трезвыхъ и печалей,
Брось эту книгу сатурналій,
Безчинныхъ оргій и скорбей!

Когда въ риторикѣ своей
Ты Сатанѣ не подражаешь,
Брось!—Ты больнымъ меня признаешь,
Иль не поймешь ни слова въ ней.

Но, если умъ твой въ безднахъ бродитъ,
Ища обѣтованный рай,
Скорбитъ, зоветъ и не находитъ,—

Тогда... О, братъ! тогда читай
И братскимъ чувствомъ сожалѣнья
Откликнись на мои мученья!

Врагъ.

Ахъ! въ юности моей я помню только громъ:
Проглянетъ солнца лучъ сквозь тучи иногда —
И снова ливня шумъ... И нѣтъ въ салу моемъ
Ни одного румянаго плода!

Заботы осени въ душѣ моей царятъ.
Съ лопатой, съ граблями, задумчивъ и унылъ,
Бреду я въ садъ... Размытъ мой бѣдный садъ,
Куда ни глянь – подобія могилъ!

И въ почвѣ, бурями расшатанной, —какъ знать! —
Сумѣете ли сокъ живительный сыскать
Вы, новые цвѣты больной души моей?

О, скорбь! О, злая скорбь! Такъ скоро жизнь идетъ,
И черный врагъ смѣлѣй все и смѣлѣй
Сосетъ намъ кровь изъ сердца и растетъ!

Конецъ дня.

Кружась подъ блѣднымъ освѣщеньемъ,
Жизнь неосмысленно бѣжитъ,
Безстыдно пляшетъ и шумитъ
Съ разгульно-пьянымъ увлеченьемъ.

И вотъ, —лишь Ночь, смиряя стыдъ
И даже голодъ усыпляя,
Приходитъ, радость обѣщая,—
Поэтъ съ восторгомъ говоритъ:

„О, наконецъ! костямъ усталымъ
Давно покоя жажду я...
Плотнѣй, о мракъ, укрой меня

Твоимъ холоднымъ покрываломъ!
И, къ небу обратясь лицомъ,
Засну я крѣпкимъ, мрачнымъ сномъ."

Путешествіе.

I.

Ребенокъ, въ глобусы влюбленный и въ эстампы,
Глазами жадными глядитъ на Божій свѣтъ:
О, какъ огроменъ онъ при скудномъ свѣтѣ лампы,
Пока въ душѣ еще воспоминаній нѣтъ!

Однажды на зарѣ выходимъ мы въ дорогу
Съ душою, въ розовый закутанной туманъ...
Мы жаждемъ вѣчнаго — и юную тревогу
Просторомъ призрачнымъ ласкаетъ океанъ.

Тотъ радъ, что убѣжалъ отъ родины позорной,
Тотъ самъ былъ для нея угрозой, иль стыдомъ,
А тотъ... О, тотъ усталъ пить ароматъ тлетворный
Изъ устъ Цирцеи злой и быть ея рабомъ!

И вотъ, стряхнувъ кошмаръ и волю вновь почуявъ,
Грудь дышетъ глубоко... То зной палитъ огнемъ,
То щиплется морозъ, коварныхъ поцѣлуевъ
Недавніе слѣды стирая день за днемъ.

Но странникъ истинный лишь тотъ, кто безъ упрека
И людямъ, и себѣ изъ края въ край идетъ,

Кто грудью встрѣтить радъ всѣ ухищренья рока
И каждый день твердитъ, Богъ вѣсть зачѣмъ: „Впередъ!"

Чьи думы и мечты имѣютъ очертанья
Летучихъ облаковъ, кто грезитъ въ тишинѣ
О наслажденіяхъ, которымъ нѣтъ названья,
О жизни, полной тайнъ, въ невѣдомой странѣ!

II.

Увы! мы, какъ волчекъ, у ногъ дѣтей жужжащій,
Вертимся, прыгаемъ, не уходя изъ глазъ;
А любопытства страсть, какъ нѣкій ангелъ мстящій,
Въ минуты даже сна подхлестываетъ насъ.

И грустно, и смѣшно! Какой-то жребій странный,
Гдѣ цѣль сегодня здѣсь, а завтра тамъ лежитъ,
Гдѣ человѣкъ живетъ надеждой неустанной
И, какъ глупецъ, всю жизнь за отдыхомъ бѣжитъ!

Душа его—корабль, бѣгущій величаво
Къ Икаріи своей, на встрѣчу бурь и грозъ.
Чу! съ марса *) слышенъ крикъ: „Любовь!.. Богатство...
Слава!.."
О, адъ! корабль попалъ на каменный утесъ...

Намъ въ каждомъ островкѣ ужъ снится Эльдорадо,
Едва лишь вахтенный про землю возвѣститъ,
Но тамъ, гдѣ пиръ создать воображенье радо,
Пустынный явится, съ разсвѣтомъ дня, гранитъ!

---

*) Часть корабельной палубы называется марсомъ.

Любовники химеръ, искатели Америкъ!
Въ оковы заключить пылъ безпокойный вашъ,
Иль высадить скорѣй на нелюдимый берегъ?
Ахъ, горекъ безъ того вашъ радужный миражъ!..

Бродяги старые, вы по дорогѣ грязной
Плететесь съ головой подъятой къ небесамъ,
И роскошь Капуи мерещится вамъ тамъ,
Гдѣ чуть дымитъ ночникъ въ конурѣ безобразной...

III.

Въ пучинѣ вашихъ глазъ, о странные пловцы,
Читаемъ томы мы чудеснѣйшихъ разсказовъ.
Итакъ, откройте намъ тѣ пышные ларцы,
Гдѣ столько перловъ вы храните и алмазовъ!

Мы путешествовать хотимъ безъ парусовъ,
Безъ ужасовъ борьбы съ стихіею упрямой:
Пусть быстрою мелькнутъ предъ нами панорамой
Воспоминанія далекихъ береговъ!

Ну, что-жъ вы видѣли?

IV.

„Небесъ пустынныхъ своды,
Да звѣздъ неровный свѣтъ, да желтые пески...
И, не смотря на всѣ толчки и непогоды,
Мы чуть не умерли, какъ дома, отъ тоски.

„Блескъ людныхъ городовъ подъ пышною зарею,
Малиновый отливъ чуть плещущей волны

Лишь наполняли насъ тревогой и тоскою
По дивной красотѣ невѣдомой страны.

„Нѣтъ, мы не встрѣтили ландшафтовъ грандiознѣй
Тѣхъ замковъ сказочныхъ, тѣхъ чудныхъ городовъ,
Что̀ видишь иногда порой заката поздней
Въ причудливой игрѣ нарядныхъ облаковъ.

„И ненасытное желанье насъ томило...
Такъ старый кипарисъ все рвется къ небесамъ,
Какая-бъ ноша лѣтъ его ни тяготила,—
Все жаждетъ ближе быть къ полуденнымъ лучамъ!

„Нашъ духъ былъ удрученъ безсонною заботой...
Но все же,—если *тамъ*, въ туманѣ голубомъ
Чужбины, вашъ эдемъ вамъ снится,—мы съ охотой
Эскизовъ нѣсколько въ вашъ помѣстимъ альбомъ.

„Съ хвостомъ и хоботомъ почтими мы кумировъ;
Видали мы дворцы, которыхъ красота
И роскошь дикая у васъ царямъ банкировъ
Во снѣ приснится лишь, какъ праздная мечта.

„Костюмы женскiе намъ опьяняли взоры;
Раскрашенныхъ зубовъ эмаль видали мы,
И змѣй ласкавшiе насъ тѣшили жонглеры.“

V.

— И что-жъ еще, еще?..
„О, дѣтскiе умы!

„Узнайте-жъ главное, о чемъ мы умолчали.
Всегда, во всемъ, вездѣ, отъ нижнихъ ступеней
Фатальной лѣстницы до верхнихъ, созерцали
Одно мы зрѣлище разнузданныхъ страстей:

„На мѣстѣ женщины, съ зари вѣковъ донынѣ,
Самодовольную и пошлую рабу;
Мужчину—деспота, раба своей рабыни,
Съ душой, похожею на сточную трубу.

„Лобъ мѣдный палача и жертвы взоръ молящій;
За пиромъ—амброю приправленную кровь;
Власть опьянѣлую, народъ все выносящій,
Къ кнуту сюновнюю питающій любовь.

„Религій множество: подобно нашей, тоже
Всѣ лѣзутъ къ небесамъ... Какъ нѣжный сибаритъ
Подъ пологомъ изъ розъ на ароматномъ ложѣ,
Святоша на гвоздяхъ для наслажденья-жъ спитъ!

„Кичливый человѣкъ, ребячески болтливый,
Безумствуя теперь точь въ точь, какъ въ старину,
Взываетъ къ божеству въ агоніи тоскливой:
— О Ты, подобный мнѣ, кляну Тебя, кляну!..

„А кучка смѣльчаковъ—изъ загородки тѣсной,
Отъ стада общаго, живущаго день въ день,
Уходитъ въ опіумъ свободный и чудесный...
— Вотъ шара нашего обычный бюллетень."

VI.

Безрадостный итогъ! Вотъ для какой науки
Должны мы проходить чрезъ тѣсный міръ земной, -
И завтра, какъ вчера, встрѣчать лишь образъ свой
Оазисъ ужаса въ пустынѣ мертвой скуки!

Скажите-жъ, мудрецы: пускаться ли намъ въ путь,
На мѣстѣ ли влачить постылой жизни бремя?—
Тотъ прячется въ углу, въ надеждѣ обмануть
Ужаснаго врага, недремлющее Время;

Другой всю жизнь свою спѣшитъ, какъ вѣчный жидъ:
Летитъ на кораблѣ, въ испугѣ одичаломъ
Бросается въ вагонъ... Но по пятамъ бѣжитъ
Загадочный боецъ съ опущеннымъ забраломъ!

Когда онъ на хребетъ поставитъ ногу намъ,—
„Впередъ!“ воскликнемъ мы, отваги не теряя,
И, точно вновь плывя къ завѣтнымъ берегамъ
Цвѣтущей Индіи иль дальняго Китая,

Мы въ море Сумрака, какъ юные пловцы,
Помчимся весело... Чу! грустный, еле внятный
Доносится напѣвъ... Незримые пѣвцы
Таинственно поютъ: „Вы, лотосъ ароматный

Желавшіе вкусить, сюда, друзья, сюда!
Здѣсь райскіе сады съ чудесными плодами,
Здѣсь голодъ вашъ уснетъ сердечный навсегда,
И вечеръ сладкими васъ напоитъ струями.“

Изъ бездны тянутся къ намъ руки и уста,
Пиладовъ узнаемъ мы дорогія тѣни..
„Твоя Электра я... Сюда!“ – зоветъ насъ та,
Которой нѣкогда лобзали мы колѣни...

VII.

О, старый капитанъ, о Смерть, стряхнемъ же лѣнь!
Наскучилъ этотъ край, пора поднять вѣтрила...
Пусть небо и земля темнѣютъ, какъ чернила,
У насъ въ сердцахъ восторгъ и лучезарный день!

Пролей же въ нихъ струю крѣпительнаго яда
И въ двери Вѣчности насъ, жаждущихъ, впусти...
О, все равно – въ эдемъ, или подъ своды ада!
Въ міръ неизвѣстнаго, чтобъ *новое* найти!.

Бодлеръ, его жизнь и поэзія *).

Полвѣка прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ имя Шарля Бодлера впервые появилось на горизонтѣ французской поэзіи, и сборникъ его стиховъ, вышедшій подъ страннымъ и вызывающимъ названіемъ „Цвѣтовъ Зла", возбудилъ съ одной стороны цѣлый взрывъ негодованія и возмущенія, съ другой - горячія восхищенія и рукоплесканія. Правительство Наполеона III, въ лицѣ полиціи нравовъ, вынесло этой книгѣ суровое осужденіе, признавъ ее противной религіи и нравственности, наложивъ штрафы на автора и издателя и предписавъ уничтоженіе части стихотвореній. Того же мнѣнія было о ней и большинство тогдашняго французскаго общества. Одни кричали, что авторъ безбожникъ и кощунъ; другіе—что онъ проповѣдуетъ развратъ, третьи—что онъ нарушаетъ всѣ общепринятыя понятія объ искусствѣ и поэзіи. Съ другой стороны, Викторъ Гюго изъ своего изгнанія писалъ огорченному поэту: „Я получилъ ваше благородное письмо и вашу прекрасную книгу. Искусство, какъ небесная лазурь, — безконечно: вы только что до-

---

*) При составленіи біографіи поэта я пользовался существующими жизнеописаніями Теофиля Готье и Эжена Крэпè, а также 4 т. т. „Oeuvres complétes" 1886 г., перепиской Бодлера съ друзьями и дневникомъ „Mon coeur mis á nu".

казали это. Ваши „Цвѣты Зла“ блестятъ и ослѣпляютъ, какъ звѣзды. Продолжайте. Я кричу изо всѣхъ силъ „браво“ вашему отважному духу. Позвольте мнѣ кончить эти нѣсколько строкъ поздравленіемъ. Вы получили одну изъ рѣдкихъ наградъ, какія можетъ дать существующее французское правительство. Вы осуждены во имя того, что оно зоветъ своею моралью и своимъ правосудіемъ. Это лучшій вѣнокъ для васъ. Жму вашу руку, поэтъ“. Эдуардъ Тьерри приравнивалъ въ то же время „Цвѣты Зла“ къ „Божественной Комедіи“ Данта и утверждалъ, что флорентинскій поэтъ не разъ узналъ бы въ этой книгѣ „свою мрачную фугу, свои безжалостные образы и звучность своего мѣднаго стиха“... Еще десятокъ-другой знатоковъ поэзіи (Жоржъ-Зандъ, Флоберъ, С. Бевъ, Готье, маркизъ де-Кюстинъ, Эмиль Дешанъ и др.) встрѣтили книгу съ восторгомъ и своими одобреніями поддержали въ авторѣ бодрость и мужество. Но фактъ осужденія *полиціей нравовъ* остался, тѣмъ не менѣе, надолго фактомъ въ общественномъ мнѣніи. Десять лѣтъ спустя, надъ свѣжей могилой поэта, друзьямъ его пришлось печатно доказывать что онъ былъ не безбожникъ и развратникъ, а, напротивъ, — глубоко религіозный человѣкъ съ нѣжнымъ и любящимъ сердцемъ. Одинъ изъ друзей Бодлера, отговаривавшій его отъ изданія „Цвѣтовъ Зла“, утверждая, что книга навсегда останетея „пятномъ“ на его имени, оказался правымъ въ своей наивности: даже и теперь, уже полвѣка спустя, имя Бодлера и у себя на родинѣ, и за границей (между прочимъ, и въ Россіи) пользуется нѣсколько двусмысленной репутаціей: не то это—великій поэтъ, проповѣдникъ свѣтлыхъ стремленій и идеаловъ, не то писатель реакціоннаго значенія, извращенная натура, „отецъ современныхъ декадентовъ“...

Не безъинтересно было бы, поэтому, разобраться въ хаосѣ противорѣчивыхъ мнѣній и выяснить, наконецъ, какое мѣсто въ дѣйствительности принадлежитъ Бодлеру на современномъ Парнасѣ, плюсомъ или минусомъ слѣдуетъ считать его поэзію, развращающее

или, напротивъ, возвышающее вліяніе можетъ оказывать она на литературу и общество *)

- - -

Шарль-Пьеръ Бодлéръ родился въ Парижѣ 21 апрѣля 1821 года. По его собственному признанію, многіе изъ предковъ его были идіотами или маньяками, и всѣ отличались „ужасными страстями". Старшій братъ его Клодъ (отъ другой матери) на 55 г. жизни былъ разбитъ параличемъ и умеръ, кажется въ сумасшедшемъ домѣ почти въ одно время съ поэтомъ. У матери послѣдняго, въ старости, были парализованы ноги. Всѣ эти генеалогическія данныя невольно наводятъ на мысль, что Бодлеръ уже въ крови своей носилъ, быть можетъ, задатки той странной болѣзни, которая преждевременно свела его въ могилу и наложила такой горькій и темный отпечатокъ на его талантъ и характеръ. Но не подлежитъ также сомнѣнію, что и самъ поэтъ прибавилъ къ этимъ ненормальнымъ основамъ своей природы значительную каплю яда. Долгое время друзья его, и особенно Теофиль Готье, пытались реабилитировать въ этомъ отношеніи его память, называя вздоромъ ходившіе въ обществѣ слухи о злоупотребленіи гашишемъ и опіумомъ и утверждая, что Бодлеръ изъ любознательности

*) Говоря о невѣрной оцѣнкѣ у насъ бодлеровской поэзіи, нужно отмѣтить, между прочимъ, одно курьезное и вмѣстѣ прискорбное недоразумѣніе. Въ „Энциклопедич. словарѣ" Брокгауза и Ефрона авторъ довольно справедливой въ общемъ и симпатизирующей Бодлеру статьи называетъ его „пѣвцомъ растлѣнія человѣческой души"; и тотъ же авторъ не разъ называлъ его на страницахъ „Вѣстника Европы" — „пѣвцомъ зла и порока"... Что же это значитъ? Неужели Бодлеръ, въ самомъ дѣлѣ, *воспѣвалъ*, т. е. прославлялъ зло, порокъ и нравственное растлѣніе? Онъ, который такъ страстно ненавидѣлъ грязь и пошлость окружающей жизни и до послѣдняго вздоха мечталъ и скорбѣлъ объ идеалѣ? Нѣтъ, очевидно, почтенный авторъ придавалъ своимъ словамъ совершенно иной смыслъ... Не назвалъ же бы онъ, въ самомъ дѣлѣ, Ювенала „пѣвцомъ растлѣнной римской имперіи", или Некрасова — „пѣвцомъ крѣпостного права!"

только сдѣлалъ одинъ или два опыта съ однимъ изъ этихъ опасныхъ веществъ. Увѣренія друзей, казалось, подтверждались и тѣми словами самого поэта, которыя находимъ мы въ интересномъ его сочиненіи „Искусственный Рай“ („Поэма о гашишѣ“ и „Пожиратель опіума“): „Человѣкъ не такъ покинутъ и не такъ лишенъ честныхъ средствъ достичь неба, чтобы призывать себѣ на помощь фармацію и колдовство; ему нѣтъ необходимости цѣною своей души покупать опьяняющія ласки и любовь гурій. И что значитъ рай, который покупается цѣною вѣчнаго спасенія?“ Однако, обнародованная въ послѣднее время интимная переписка Бодлера не оставляетъ теперь никакихъ сомнѣній въ томъ, что онъ не былъ свободенъ отъ несчастной страсти къ наркотикамъ. Въ одномъ изъ писемъ 59 года онъ говоритъ: „Я очень мраченъ мой другъ, а опіума нѣтъ“. Въ дневникѣ 62 г. читаемъ: „Я культивировалъ свою истерію съ наслажденіемъ и ужасомъ“. А въ письмѣ, относящемся къ 65 году (за два года до смерти) онъ уже прямо сознается: „лѣчившій меня докторъ не зналъ про то, что *нѣкогда* я *долго* употреблялъ опіумъ“. Конечно, Бодлеръ не былъ знаменитымъ англійскимъ опіофагомъ Кинсеемъ, который цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ пожиралъ это наркотическое вещество, дойдя подъ конецъ до 320 грановъ въ сутки (!!), и который посмѣялся бы надъ французскимъ своимъ подражателемъ, какъ надъ ребенкомъ; но за то у Кинсея и здоровье было желѣзное: онъ имѣлъ силу воли отдѣлаться въ концѣ концовъ отъ своей несчастной слабости и прожилъ потомъ еще много лѣтъ въ полномъ здоровьи. Но если Бодлеръ и не особенно злоупотреблялъ опіумомъ, пользуясь имъ только для успокоенія желудочныхъ и нервныхъ болей, которыми страдалъ съ молодости, то на его нѣжномъ, слабомъ отъ природы организмѣ и это могло оставить зловредные слѣды. Одно прибавлялось къ другому. Конечно, никто не споритъ, что не меньшую роль сыграли здѣсь и несчастія личной жизни, а также тѣ душевныя муки современнаго писателя, которыя такъ ярко описываетъ

первый біографъ поэта, самъ извѣстный писатель, Теофиль Готье: „При долговременности этой борьбы нервы раздражаются, мозгъ сгораетъ, чувствительность изощряется, —и вотъ приходитъ неврозъ со всѣми своими странными безпокойствами, безсонницами, полными галлюцинацій, неопредѣленными страданіями, болѣзненными капризами, безпричинной тоской, то безумнымъ порывомъ энергіи, то вялымъ безсиліемъ, съ поисками возбуждающихъ средствъ и отвращеніемъ ко всякой здоровой пищѣ“.

Отецъ Шарля, Франсуа Бодлеръ, былъ также въ своемъ родѣ замѣчательной личностью. По показаніямъ поэта, онъ „носилъ сутану раньше, чѣмъ надѣть фригійскій колпакъ“. Во всякомъ случаѣ, онъ учился въ духовной семинаріи, былъ затѣмъ учителемъ въ какомъ-то коллежѣ и репетиторомъ дѣтей герцога Шуазеля. У него были дружескія связи въ двухъ противоположныхъ кругахъ общества —въ аристократіи и среди революціонеровъ. Въ мрачные дни террора онъ держалъ себя въ высшей степени мужественно и благородно, цѣлыми днями бѣгая по тюрьмамъ и судилищамъ, открыто заступаясь за наиболѣе скомпрометированныхъ лицъ и, для спасенія чужой жизни, рискуя собственной головой. Онъ же, говорятъ, доставилъ ядъ знаменитому Кондорсе когда не могъ спасти его. Крайній радикалъ по убѣжденіямъ, онъ былъ аристократъ по манерамъ и любви ко всему изящному. Онъ часто водилъ маленькаго Шарля по общественнымъ садамъ, гдѣ любилъ показывать ему статуи, и подъ его-то вліяніемъ у мальчика пробудилась необыкновенная страсть къ пластическому искусству. Ему было десять лѣтъ, когда умеръ старикъ-отецъ. Овдовѣвшая молодая мать Шарля вскорѣ вышла вторично замужъ за блестящаго молодого офицера Опика, впослѣдствіи генерала и маршала Людовика-Филиппа, и этотъ фактъ скораго забвенія памяти дорогого человѣка образовалъ глубокую рану въ сердцѣ поэта, который долго послѣ того не въ силахъ былъ относиться къ матери съ прежней страстной любовью. Что касается вотчима, то у насъ

нѣтъ основаній думать, что онъ дурно относился къ пасынку: напротивъ, онъ, повидимому, любилъ его по своему и мечталъ устроить ему такую же блестящую карьеру, какую сдѣлалъ самъ; но въ немъ не было ни той сердечной нѣжности, ни той любви къ искусству, какія Шарль помнилъ въ своемъ отцѣ. Во всякомъ случаѣ, извѣстно, что съ ранняго дѣтства и до конца жизни поэтъ относился къ нему съ глубокой антипатіей... Девяти лѣтъ Шарль поступилъ въ коллежъ въ Ліонѣ. Любознательный и способный, онъ обладалъ крайне живымъ, безпокойнымъ умомъ, мѣшавшимъ усидчивости и внимательности, и успѣхи его въ коллежѣ были посредственны. Уже въ тѣ ранніе годы будущій писатель отличался независимымъ и оригинальнымъ характеромъ. „Удары жизни, борьба съ учителями и товарищами, глухая тоска,—кратко говоритъ онъ объ этомъ времени въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ,—чувство одиночества всегда и вездѣ. Между тѣмъ—очень живой вкусъ къ жизни и удовольствіямъ". На 16-мъ году онъ перемѣстился въ коллежъ Людовика Великаго въ Парижѣ и тамъ впервые началъ писать стихи, свидѣтельствовавшіе о ранней разочарованности въ духѣ моднаго тогда байронизма. Въ 1837—38 г. онъ совершилъ съ вотчимомъ поѣздку въ Пиренеи, оставившую въ его душѣ сильныя впечатлѣнія, и отъ этого времени сохранилось одно стихотвореніе, озаглавленное уже въ духѣ „Цвѣтовъ Зла" — Incompatibilité, гдѣ встрѣчаются красивые и смѣлые образы вродѣ „безмолвія, внушающаго желаніе бѣжать, спастись отъ него". Въ 39 г. произошла какая-то невыясненная исторія, за которую Бодлеръ былъ исключенъ изъ коллежа передъ самымъ окончаніемъ курса.

Съ этого момента онъ началъ вести разсѣянную жизнь, вызывавшую въ его родныхъ большое безпокойство. Имъ, впрочемъ, извѣстна была только внѣшняя сторона этой жизни дружба съ литературной богемой и женщинами двусмысленнаго общественнаго положенія, безпорядочное времяпрепровожденіе, нежеланіе вступать въ высшій свѣтъ, знакомство съ которымъ могло бы дать

ему генеральское званіе вотчима, отсутствіе какихъ-нибудь видимыхъ плодовъ того труда, о которомъ онъ постоянно мечталъ и говорилъ. То, что этотъ же періодъ жизни, столь безпорядочной и неприличной на ихъ взглядъ, былъ для молодого поэта и періодомъ глубокой внутренней работы, серьезной подготовки къ избранной дѣятельности, что для него не проходило даромъ знакомство съ темными углами огромнаго города, съ грязными предмѣстьями, гдѣ копошится рабочій людъ, и жалкими мансардами, гдѣ ютится низшій сортъ богемы,— объ этомъ родители Бодлера не имѣли представленія. Когда Шарль объявилъ имъ, что онъ рѣшилъ посвятить себя литературѣ, они были поражены, какъ громомъ. „Какъ изумились мы,—вспоминаетъ потомъ его мать объ этомъ періодѣ,—когда онъ вдругъ отказался отъ всего, что хотѣли для него сдѣлать, пожелалъ украсть у самого себя крылья и стать писателемъ... Какое разочарованіе въ нашей внутренней жизни, до тѣхъ поръ такой счастливой! Какая печаль!" Глухая семейная борьба длилась нѣсколько лѣтъ. Это по ея поводу написано Бодлеромъ, полное глубокой горечи и вмѣстѣ кроткой резиньяціи „Благословеніе", пьеса, которою открывается сборникъ „Цвѣтовъ Зла".

Уже въ это раннее время Бодлеръ завязалъ отношенія со многими крупными дѣятелями тогдашней литературы и искусства: Урліакомъ, Жераромъ, Бальзакомъ, Левавассеромъ, Делятушемъ. Разсказываютъ, что Бальзакъ и Бодлеръ случайно наскочили одинъ на другого во время прогулки, и это комичное столкновеніе, вызвавшее у обоихъ смѣхъ, послужило поводомъ къ знакомству: полчаса спустя они уже бродили, обнявшись, по набережной Сены и болтали обо всемъ, что приходило въ голову. Бальзакъ сталъ однимъ изъ любимыхъ писателей и литературныхъ учителей Бодлера. Внѣшность послѣдняго въ тотъ свѣтлый юношескій періодъ друзья описываютъ самыми идеальными красками. Къ сожалѣнію, эта „божественная красота" скоро поблекла подъ зноемъ душевныхъ мукъ и жизненнаго горя; однако, и впослѣд-

ствіи Бодлеръ сохранилъ лицо, обращавшее на себя общее вниманіе. Худощавый, тонкій, изысканно-просто одѣтый во все черное онъ ходилъ медленными, мягкими, ритмическими шагами...

Родители имѣли, во всякомъ случаѣ, достаточно мотивовъ тревожиться образомъ жизни своего сына. Въ ужасъ должны были придти они, прочитавъ, наприм., одно изъ тогдашнихъ его стихотвореній:

„Не блестящая львица была моя любовница; нечувствительная ко взглядамъ насмѣшливаго свѣта, красота ея цвѣтетъ лишь въ моемъ печальномъ сердцѣ. Чтобы купить себѣ башмаки, она продавала свою любовь; но смѣшно было бы если бы, подлѣ этой безстыдницы я сталъ корчить изъ себя святошу, я, который продаю свою мысль и хочу быть писателемъ. Порокъ несравненно болѣе тяжкій: она носила парикъ" и т. д.

Надо думать, что стихотвореніе это не есть цѣликомъ плодъ дѣйствительности, а, по крайней мѣрѣ на половину, является данью романтическому „бунту", который охватилъ французскихъ поэтовъ того времени; но и половины было достаточно, чтобы родители Шарля, страшно встревоженные, рѣшили принять относительно него крайнія мѣры. Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ семейныхъ сценъ, молодой поэтъ принужденъ былъ покориться и въ маѣ 1841 г. сѣлъ въ Бордо на корабль, который долженъ былъ отвезти его въ Индію. Мать Бодлера надѣялась, что путешествіе подѣйствуетъ на него отрезвляющимъ образомъ, дастъ другое направленіе его мыслямъ. Но съ первыхъ же дней пути самая мрачная печаль охватила юнаго странника, и вскорѣ тоска по родинѣ превратилась у него въ настоящую болѣзнь. Не радовали его ни картины невиданной до тѣхъ поръ природы, ни яркія краски южнаго неба, ни горячее тропическое солнце — онъ съ каждымъ днемъ худѣлъ и таялъ, какъ воскъ. Впослѣдствіи самъ Бодлеръ, до крайности любившій всякія мистификаціи, разсказывалъ своимъ друзьямъ, будто онъ долгое время жилъ въ Калькуттѣ, занимаясь поставкой мяса для англійской арміи; благодаря этимъ фанта-

стическимъ разсказамъ, создались цѣлыя легенды относительно его путешествія. Но біографическій матеріалъ безжалостно разрушаетъ всѣ эти легенды.. Положительно извѣстно, что путешествіе длилось всего лишь десять мѣсяцевъ, и что капитанъ корабля, перепуганный болѣзнью Бодлера и уступая его собственнымъ настояніямъ, еще съ острова св. Маврикія или, самое большее, съ о. Бурбона отправилъ его на попутномъ кораблѣ обратно во Францію. Такимъ образомъ, Индіи то онъ и не видалъ вовсе!.. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что эта короткая поѣздка въ тропическія страны оставила въ душѣ поэта неизгладимый слѣдъ, который мы находимъ всюду въ его произведеніяхъ: съ этихъ поръ мечты его постоянно уносятся на далекій востокъ, къ полуденному солнцу, подъ которымъ растутъ такіе странные цвѣты и деревья съ опьяняющими ароматами...

Въ февралѣ 42 г. Бодлеръ вернулся въ Парижъ и, черезъ два мѣсяца достигнувъ совершеннолѣтія, получилъ свою долю отцовскаго наслѣдства. Старшій братъ Клодъ предпочелъ получитъ землю, Шарль — деньги. Капитала въ 75 тысячъ франковъ, казалось, было вполнѣ достаточно для безбѣдной жизни въ теченіе многихъ лѣтъ, но въ рукахъ вѣтренаго поэта сумма эта скоро растаяла и замѣнилась еще огромными долгами, ставшими несчастіемъ и проклятіемъ всей его остальной жизни. Искренно или изъ желанія оригинальничать и поражать друзей, Бодлеръ утверждалъ, что вынесъ изъ своего путешествія культъ черной Венеры и не можетъ болѣе глядѣть на бѣлыхъ женщинъ. Дѣйствительность вскорѣ зло подшутила надъ этой страстью, и фигурантка одного изъ маленькихъ парижскихъ театровъ, въ которую Бодлеръ влюбился, мулатка Жанна Дюваль на всю жизнь забрала его въ руки. Связь эта была по истинѣ роковою для Бодлера. По единогласному свидѣтельству друзей и знакомыхъ поэта, въ этой Жаннѣ не было ничего замѣчательнаго: ни особенной красоты, ни ума, ни таланта, ни сердца, ничего, кромѣ безграничнаго эгоизма, корыстолюбія и легкомыслія. Но сойдясь съ нею и, быть мо-

жетъ, въ началѣ полюбивъ ее вполнѣ искренно, Бодлеръ считалъ уже потомъ долгомъ чести не покидать до конца эту несчастную. Она всячески обманывала его, разоряла, вводила въ неоплатные долги, надѣвала ему петлю на шею, а онъ кротко и покорно выносилъ все, никогда никому не жалуясь не пытаясь даже порвать эту неестественную связь съ своей „belle ignorante“, какъ называлъ онъ Жанну Дюваль въ стихахъ. Какъ многія изъ женщинъ цвѣтной расы, Жанна имѣла прастрастіе къ спиртнымъ напиткамъ и еще въ молодые годы была поражена параличемъ. Бодлеръ помѣстилъ ее въ одну изъ лучшихъ лѣчебницъ и, отказывая во всемъ себѣ, устроилъ тамъ самымъ комфортабельнымъ образомъ. Но, любя веселье и ненавидя отъ всей души скуку, Жанна, не успѣвъ еще хорошенько поправиться, поспѣшила выйти изъ больницы и поселилась на этотъ разъ въ одной квартирѣ съ поэтомъ. Надо думать, что этотъ періодъ совмѣстной жизни съ фривольной, невѣжественной и взбалмошной женщиной былъ для него особенно тяжелъ; тѣмъ не менѣе, онъ терпѣливо вынесъ нѣсколько лѣтъ такой жизни. Даже въ самые послѣдніе годы, находясь уже въ добровольномъ изгнаніи въ Бельгіи, въ когтяхъ полной нищеты, Бодлеръ не переставалъ помогать Жаннѣ; не забывала и она его,— даже въ то время, когда онъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ продолжая громить письмами, въ которыхъ требовала денегъ и денегъ... Послѣ смерти поэта впавъ въ страшную нищету, и она вскорѣ умерла гдѣ-то въ госпиталѣ.

Конечно, такая несчастная связь не могла не оставить въ душѣ поэта мрачныхъ слѣдовъ. Живя въ такой средѣ, гдѣ мало встрѣчалось порядочныхъ женщинъ, и судя о нихъ по Жаннѣ и по другимъ образчикамъ большею частью того же типа, онъ естественно долженъ былъ пріобрѣсти самые странные и дикіе взгляды на ихъ счетъ. Онъ считалъ женщину одною изъ обольстительныхъ формъ дьявола; онъ выражалъ даже удивленіе тому, что ее пускаютъ въ церковь...

Возрастающая нужда лишила вскорѣ Бодлера возмож-

ности позволять себѣ какую бы то ни было роскошь. Съ 1849 года онъ ходилъ по пустыннымъ улицамъ С.-Жерменскаго предмѣстья уже не въ модномъ черномъ костюмѣ, а въ рабочей блузѣ. Впрочемъ, извѣстнаго рода дэндизмъ онъ умѣлъ сохранять даже и въ этомъ одѣяніи. Между тѣмъ, выступать на литературную арену съ произведеніями своей музы Бодлеръ медлилъ. Слава объ его оргинальномъ и сильномъ талантѣ уже давно вышла изъ предѣловъ тѣснаго дружескаго кружка, гдѣ поэтъ любилъ читать свои стихи монотонно-пѣвучимъ, властнымъ голосомъ, производившимъ на слушателей глубокое впечатлѣніе; но, тонкій цѣнитель красоты, онъ не спѣшилъ печататься и все исправлялъ, отдѣлывалъ и оттачивалъ форму своихъ произведеній. До чего доходила его строгость къ себѣ показываетъ тотъ фактъ, что чудное стихотвореніе „Альбатросъ“, читанное друзьямъ вскорѣ послѣ поѣздки въ Индію, онъ не рѣшился помѣстить въ первомъ изданіи „Fleurs du Mal“, вышедшемъ въ свѣтъ пятнадцать лѣтъ спустя!... Въ печати Бодлеръ выступилъ впервые не стихотворцемъ, а критикомъ—сначала салоновъ живописи, а затѣмъ и литературы. Въ мірѣ французскихъ художниковъ до сихъ поръ принято считать, что Франція не имѣла художественнаго критика равнаго Бодлеру по тонкости вкуса, красотѣ и энергіи стиля. Всѣ его симпатіи склонялись на сторону нарождавшейся тогда школы реальной живописи, но любимымъ его художникомъ былъ Делякруа; изъ поэтовъ онъ больше всего любилъ пѣвца рабочихъ Пьера Дюпона, съ которымъ вмѣстѣ дрался потомъ въ іюньскіе дни на баррикадахъ. Впослѣдствіи литературные вкусы Бодлера значительно отклонились въ сторону чистаго искусства: къ Беранже онъ чувствовалъ отвращеніе, къ Гюго равнодушіе, признавалъ только Шатобріана, Бальзака, Стендаля, Флобера, Банвиля, Готье, Мериме, де-Виньи, Леконта де-Лиля... Но въ 40-хъ годахъ, которые были періодомъ наиболѣе пышнаго расцвѣта и для его собственнаго таланта, онъ отличался горячими демократическими вкусами. Движеніе 1848 г. увлекло въ свой потокъ и Бодлера. Нельзя, впрочемъ,

сказать, чтобъ онъ имѣлъ какую-либо опредѣленную программу, принадлежалъ къ какой-нибудь опредѣленной демократической фракціи: вѣрнѣе всего, что толкнули его въ революцію общіе гуманитарные принципы, сочувствіе къ рабочему классу, пріобрѣтенное имъ во время скитаній по грязнымъ предмѣстьямъ Парижа (всѣ лучшія стихотворенія его въ этомъ родѣ: „Душа Вина", „Пирушка Тряпичниковъ", „Сумерки", „Разсвѣтъ" и др. написаны въ бурный періодъ конца 40 гг.); но имѣло долю вліянія и личное озлобленіе противъ буржуазіи и правящихъ классовъ. Нѣкоторые изъ друзей видѣли, по крайней мѣрѣ, Бодлера, съ ружьемъ въ рукѣ стоявшаго во главѣ толпы и призывавшаго ее разрушить домъ генерала Опика, его вотчима. . Одновременно съ участіемъ въ уличныхъ движеніяхъ, Бодлеръ пытался служить демократическимъ идеямъ и на почвѣ журналистики, въ качествѣ редактора одного эфемернаго революціоннаго изданія, выходившаго въ 48 г. въ Парижѣ. Но свѣтлыя мечты были вскорѣ разбиты. Часть вождей демократіи погибла или бѣжала заграницу (какъ Викторъ Гюго), часть опустила голову или отдалась волнѣ реакціи. Созерцательная, кроткая натура нашего поэта не была пригодна къ боевой дѣятельности ни на полѣ уличной, ни на полѣ чернильной брани, и вскорѣ онъ почувствовалъ въ душѣ своей страшную пустыню Протянуть руку правительству Наполеона III онъ не могъ и до конца остался въ сторонѣ отъ общественнаго пирога, который съ такой жадностью дѣлила тогда хищная толпа ренегатовъ, лицемѣрныхъ ханжей и раболѣпныхъ холоповъ; но для него невозможно было и продолженіе отношеній съ революціонерами, такъ какъ въ убѣжденіяхъ его, чуждыхъ до тѣхъ поръ какой-либо твердой обосновки, началась рѣзкая эволюція, кончившаяся прямой враждой ко всякимъ демократическимъ утопіямъ, мыслями о необходимости для современнаго общества католической религіи и политическаго абсолютизма, фантазіями о трехъ сословіяхъ—воиновъ, священниковъ и поэтовъ... Съ большой, однако, осторожностью надо относиться къ опре-

дѣленію истиннаго смысла и значенія этой внутренней реакціи: поэтъ, написавшій „Отреченіе св. Петра“, не могъ, конечно, быть правовѣрнымъ католикомъ, и папа, навѣрное, съ ужасомъ отшатнулся бы отъ такого сына своей церкви; правительство второй имперіи, присудившее къ уничтоженію сборникъ „Цвѣтовъ Зла“, точно также не могло бы истолковать въ свою пользу бодлеровскій абсолютизмъ; наконецъ, и буржуазное общество, такими мрачными красками обрисованное въ его сочиненіяхъ, не могло считать его своимъ сторонникомъ. Политическіе и общественные взгляды Бодлера, поскольку они выразились въ его автобіографическихъ замѣткахъ, нерѣдко поражаютъ насъ своей дикостью и реакціонностью, но они не даютъ ключа къ этой своеобразной душѣ,—ключа, который можно сыскать только въ тѣхъ же „Цвѣтахъ Зла“.

Съ конца 40 гг., Бодлеръ началъ также увлекаться сочиненіями знаменитаго американскаго писателя Эдгара По, усиленно переводя ихъ на французскій языкъ. Несомнѣнно, что у обоихъ авторовъ было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сильное духовное родство, и, благодаря ему-то, Бодлеръ любилъ По такой страстной, доходившей до болѣзненнаго обожанія любовью. Начиная съ 46 г., онъ переводилъ его вплоть до самой смерти, послѣдовавшей въ 67 г., переводилъ съ изумительнымъ трудолюбіемъ, необыкновенной точностью и вѣрностью подлиннику, такъ что до сихъ поръ по справедливости признается образцовымъ и неподражаемымъ переводчикомъ американскаго поэта До какой страстности доходила эта мистическая любовь Бодлера къ По, видно изъ его интимнаго дневника послѣднихъ лѣтъ жизни, гдѣ на ряду съ покойнымъ отцомъ онъ считаетъ духъ Эдгара По своимъ заступникомъ передъ высшимъ милосердіемъ...

Долго медлилъ Бодлеръ съ обнародованіемъ своихъ оригинальныхъ стихотвореній, и только лѣтомъ 1857 г. сборникъ „Цвѣтовъ Зла“ увидалъ, наконецъ, свѣтъ. Автору было въ это время уже 36 лѣтъ...

„Цвѣты Зла“ были динамитной бомбой, упавшей въ бур-

жуазное общество второй имперіи. Выше я говорилъ уже о пріемѣ, оказанномъ имъ во Франціи. Поэтъ чувствовалъ себя уничтоженнымъ, раздавленнымъ несправедливымъ осужденіемъ его книги, какъ безнравственной и антирелигіозной. Онъ считалъ себя опозореннымъ, лишеннымъ навсегда чести... „Развѣ актеръ, выступающій на сценѣ,—съ горечью говорилъ онъ, – отвѣтственъ за роли преступниковъ, имъ изображаемыхъ? Не имѣлъ ли я права, даже не былъ ли обязанъ съ наивозможнымъ совершенствомъ принаровить свой умъ и талантъ ко всевозможнымъ софизмамъ и видамъ развращенности своего вѣка?“ А девять лѣтъ спустя, въ минуту озлобленія и откровенности, онъ такъ высказался о своей книгѣ въ одномъ изъ интимныхъ писемъ: „Въ эту жестокую книгу я вложилъ всю мою мысль и сердце, всю мою нѣжность и ненависть, всю мою религію.. И если бы я написалъ противоположное, если бы клялся всѣми богами, что это произведеніе чистаго искусства, обезьянства, жонглерства, то я лгалъ бы самымъ безстыднымъ образомъ!“ – Одно, во всякомъ случаѣ, безспорно, что „Цвѣты Зла“ отнюдь не были произведеніемъ чистаго искусства. Но бѣда въ томъ, что судьи поэта имѣли слишкомъ мѣдные лбы, чтобы понять тенденцію, бившую прямо въ глаза каждому безпристрастному судьѣ и цѣнителю. Ханжамъ и фарисеямъ не было дѣла до внутренняго смысла, до *души* произведенія, а важнѣе всего было соблюденіе чисто внѣшнихъ условій пуризма,—и вотъ „Цвѣтамъ Зла“ былъ вынесенъ изъ полиціи нравовъ обвинительный вердиктъ. Собственно говоря, въ настоящее время, когда французскій натурализмъ пріучилъ насъ къ такой страшной подчасъ откровенности языка, читатель, знакомый до тѣхъ поръ съ Бодлеромъ лишь по наслышкѣ, взявъ его книгу въ руки, не пойметъ даже смысла этого осужденія: гдѣ же тутъ цинизмъ, безнравственность? Вѣдь, не говоря уже о духѣ книги, въ смыслѣ формы, языка это не болѣе, какъ ребяческій лепетъ въ сравненіи съ Мопасаномъ, Катулломъ Мендесомъ, Юисмансомъ и дру-

гими новѣйшими писателями? И въ самомъ дѣлѣ: *главной* причиной осужденія книги было, несомнѣнно, ея заглавіе, дававшее поводъ думать, что авторъ сочувствуетъ изображенному въ ней „злу", искренно считаетъ „цвѣтами" (хотя и цвѣты бываютъ вѣдь разные?) всѣ нарисованные въ ней ужасы. Будь вся книга озаглавлена „Сплиномъ и Идеаломъ", какъ называется первый, самый большой и цѣнный отдѣлъ ея, — и осужденія, быть можетъ, не послѣдовало бы, а, между тѣмъ, „Сплинъ и Идеалъ" даже больше подходило бы къ названію всего сборника, чѣмъ „Цвѣты Зла", и если поэтъ выбралъ все-таки послѣднее, то, конечно, отдавая, главнымъ образомъ, дань романтическому бунту эпохи и природной своей страсти къ ироніи и мистификаціямъ всякаго рода.

Въ 1861 г. выходитъ уже второе изданіе „Цвѣтовъ Зла", съ прибавленіемъ 35 новыхъ пьесъ, въ томъ числѣ „Альбатроса", „Маленькихъ Старушекъ", по поводу которыхъ Гюго выразился, что Бодлеръ создалъ „новый родъ трепета" (le nouvean frisson), и „Путешествія", этого оригинальнаго гимна смерти, который такимъ мрачнымъ аккордомъ заключаетъ сборникъ.

Съ начала 62 г. мы видимъ поэта уже въ полной власти у страшнаго недуга. Постоянныя нервныя боли, рвоты и головокруженія отнынѣ уже не переставали его мучить. Иногда онъ появлялся еще въ увеселительныхъ мѣстахъ, но — мрачный, нелюдимый, пугая своимъ видомъ молодыхъ дѣвушекъ. Куда дѣвалось его былое остроуміе, веселая болтливость и страсть къ фланерству, смѣнившіяся теперь желчнымъ недовольствомъ всѣмъ окружающимъ! Влюбленный когда-то въ Парижъ, въ его шумную жизнь, въ его блескъ и грязь, роскошь и нищету, красивыя приманки и гноящіяся язвы, теперь онъ чувствовалъ къ нему отвращеніе. Параллельно съ ходомъ болѣзни росли и долги, охватывая его желѣзнымъ кольцомъ нужды и нравственныхъ обязательствъ... А между тѣмъ, литературный заработокъ Бодлера былъ ничтоженъ. Этотъ родъ труда и вообще давалъ въ тѣ вре

мена во Франціи очень мало, за исключеніемъ развѣ двухъ —трехъ знаменитостей, а творческая производительность Бодлера была, къ тому же, удивительно невелика, благодаря отчасти его строгому отношенію къ своему таланту, а отчасти и лѣности. Трудолюбія, которое онъ такъ высоко цѣнилъ, ставя даже выше вдохновенія, въ немъ самомъ было очень мало, и сохранилось немало анекдотовъ о томъ, къ какимъ уловкамъ прибѣгалъ онъ для обузданія своей лѣни, и какъ послѣдняя все-таки одерживала большею частью верхъ. Теперь, съ развитіемъ болѣзни, о большихъ литературныхъ заработкахъ нечего было и думать. Въ довершеніе несчастія, издатель Бодлера и другъ его, Пуле-де-Малясси, прогорѣлъ, и Бодлеръ, какъ всегда благородный и самоотверженный, счелъ своимъ долгомъ связать отнынѣ свою судьбу съ его судьбою и раздѣлить съ нимъ всѣ послѣдствія краха. Наконецъ, онъ ухватился за предложеніе бельгійскихъ художниковъ прочесть въ Брюсселѣ рядъ публичныхъ лекцій объ искусствѣ и, уже совсѣмъ больной, поѣхалъ туда въ апрѣлѣ 64 г., окрыленный новыми надеждами. Первыя лекціи имѣли огромный успѣхъ, но всѣ мечты вскорѣ разлетѣлись прахомъ, такъ какъ антрепренеръ надулъ и, вмѣсто обѣщанныхъ 500 франковъ за лекцію, сталъ платить сначала по 100, а потомъ и по 50 фр., — сумма, совершенно недостаточная даже для скуднаго существованія. Скоро поэтъ возненавидѣлъ Бельгію всѣми силами души: и люди, и природа, — все внушало ему здѣсь полное отвращеніе. Народъ бельгійскій кажется ему грубымъ, эгоистичнымъ, исполненнымъ всяческихъ пороковъ, деревья представляются черными, цвѣты лишенными запаха, Брюссель вонючей и грязной клоакой... Подъ вліяніемъ болѣзни и нужды духъ поэта, и безъ того склонный къ меланхоліи, омрачается все сильнѣе и сильнѣе. Но вернуться немедленно въ Парижъ онъ не хотѣлъ такъ какъ рѣшилъ вернуться туда лишь со славой' исполнивъ всѣ свои обязательства. Онъ приготовляетъ книгу о Бельгіи (отъ которой остались лишь отрывки), гдѣ хочетъ излить всю свою желчь противъ этой страны,

всю свою ненависть къ этому народу... Много работать, однако не удается, потому что болѣзнь продолжаетъ дѣлать свое страшное дѣло и идетъ впередъ гигантскими шагами...

Вотъ какъ описываетъ Готье наружность Бодлера въ этотъ послѣднiй перiодъ его жизни: „Его фигура исхудала и какъ бы одухотворилась; глаза расширились, носъ заострился и сталъ какъ бы тверже; губы плотно сжались и, казалось, затаили въ своихъ углахъ какую-то саркастическую загадку... Къ румянымъ нѣкогда оттѣнкамъ щекъ примѣшались желтые тоны болѣзни и утомленiя. Нѣсколько облысѣвшiй лобъ выигралъ въ величинѣ и, такъ сказать, солидности; онъ казался теперь высѣченнымъ изъ самаго твердаго мрамора. Тонкiе, шелковистые, длинные волосы, уже болѣе рѣдкiе и почти совсѣмъ *бѣлые* (въ 44 года!), гармонировали съ этой физiономiей, одновременно и старой, и молодой, придавая поэту почти жреческiй видъ“.

Нельзя равнодушно читать интимный дневникъ, въ которомъ Бодлеръ записываетъ съ такой трогательной, съ такой подчасъ дѣтской откровенностью всѣ свои чувства и мысли послѣднихъ лѣтъ жизни. Идеалъ дэндизма и желанiе возбуждать удивленiе свѣта своими причудами и оригинальностями давно исчезли въ немъ безъ слѣда и смѣнились другимъ, болѣе возвышеннымъ идеаломъ — нравственнаго совершенствованiя. Одновременно съ этимъ, въ немъ вспыхиваетъ страстная любовь къ матери, желанiе хоть сколько-нибудь загладить все то горе, которое онъ причинилъ ей въ жизни... Отнынѣ все, что онъ заработаетъ, онъ будетъ дѣлить на четыре равныя части: одну для себя, другую для матери, третью для Жанны и друзей, четвертую для кредиторовъ. Вотъ его обязанности. Чтобы выполнить ихъ, нужно работать и работать, а для этого необходимо здоровье. А чтобы стать здоровымъ, онъ долженъ построить жизнь по совершенно новому плану и, прежде всего, стать нравственно лучшимъ, чистымъ, воспитать въ себѣ любовь и жить любовью... Какiя искреннiя клятвы даетъ онъ себѣ и

Богу—посвятить отнынѣ всю жизнь достиженію этого новаго идеала! Какія горькія сожалѣнія срываются съ его устъ о напрасно потраченныхъ силахъ и молодости! Главное средство для своего духовнаго возрожденія онъ видитъ въ трудѣ и гигіенѣ: онъ откажется отъ всего возбуждающаго, станетъ жить скромно, умѣренно, будетъ работать, какъ волъ, съ ранняго утра до поздняго вечера, и встрѣчая, и кончая свой день теплой бесѣдой съ небомъ. И кто знаетъ, быть можетъ, новая жизнь и новыя наслажденія блеснутъ еще для него? Уплата долговъ, развитіе таланта, слава обезпеченность и счастіе матери и Жанны?.. Но, увы! пора было сказать „прости" всѣмъ этимъ розовымъ мечтамъ!.. Часъ поэта пробилъ. Въ апрѣлѣ 66 г. параличъ разбилъ всю правую половину его тѣла и лишилъ его языка. Съ этихъ поръ отъ Бодлера остается живой трупъ, и жизнь его превращается въ сплошную мучительную агонію. Лѣтомъ того же года друзья перевезли его въ Парижъ и помѣстили въ хорошую лѣчебницу. Мать находилась при сынѣ почти неотлучно до дня смерти. Одно время казалось, будто болѣзнь поддается усиліямъ врачей—больной началъ вставать, ходить и произносить нѣкоторыя слова; но временное улучшеніе наступило лишь для того, чтобы разразиться затѣмъ окончательнымъ кризисомъ и уже навсегда пригвоздить несчастнаго поэта къ постели. Только движеніемъ глазъ, всегда печальныхъ и кроткихъ, могъ онъ съ этихъ поръ выражать свои мысли и чувства, свою радость при посѣщеніяхъ друзей. Это ужасное положеніе, разрывавшее сердце матери и всѣхъ близкихъ, длилось очень долго. Смерть наступила лишь 31 августа 67 г., безъ всякихъ видимыхъ страданій, послѣ долгой, но тихой агоніи

Бодлеръ умеръ 46 лѣтъ отъ роду.

Приступая къ характеристикѣ бодлеровской поэзіи и оцѣнкѣ ея значенія, я прежде всего хочу отмѣтить ея изъяны, всѣ тѣ уродливые и болѣзненные придатки, ко-

торые расцвѣли потомъ такимъ пышнымъ цвѣтомъ въ поэзіи его подражателей, и которые людямъ, мало знакомымъ съ подлиннымъ образомъ Бодлера, позволяютъ считать его чуть-ли не главою современнаго декадентства и символизма. Что касается этого послѣдняго (символизма), то Бодлеръ повиненъ въ немъ лишь постольку. поскольку ни одинъ поэтъ не можетъ обойтись безъ употребленія символовъ и образовъ; относительно же декадентства слѣдуетъ сказать, что впервые слово это было примѣнено къ поэзіи Бодлера чуть-ли не имъ самимъ, хотя разумѣлъ онъ подъ этимъ словомъ совсѣмъ не то, что разумѣется подъ нимъ въ настоящее время. Именно, говоря о „декадансѣ“. онъ имѣлъ въ виду ту высшую пору зрѣлости національной культуры и цивилизаціи, за которою наступаетъ одряхлѣніе и разложеніе, и которая представляетъ собою такое усложненіе всѣхъ сторонъ внѣшней и внутренней жизни человѣка, какой не знали предшествовавшія, болѣе наивныя эпохи. Такой порой для Франціи онъ считалъ моментъ 50-хъ годовъ, напоминавшій ему собою послѣдніе вѣка римской имперіи и ея литературы. Онъ полагалъ, что поэтъ такой эпохи долженъ обладать и языкомъ, отвѣчающимъ новымъ условіямъ, языкомъ „болѣе сложнымъ и обдуманнымъ, полнымъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и изысканныхъ словосочетаній, языкомъ, расширившимъ до возможныхъ предѣловъ свои границы, почерпающимъ свои сокровища во всѣхъ словаряхъ, мѣстныхъ, техническихъ, берущимъ краски у всѣхъ палитръ, звуки у всѣхъ существующихъ инструментовъ, умѣющимъ приспособлять мысль къ вещамъ, всего труднѣе поддающимся выраженію, форму къ очертаніямъ наиболѣе смутнымъ и неуловимымъ, —языкомъ, способнымъ передавать самыя тонкія признанія страстей, невроза́, галлюцинацій, безумія“. Таковъ былъ его идеалъ новаго стиля, и самъ онъ, по общему признанію критики, былъ великимъ мастеромъ слова и формы. Въ этомъ—и только въ этомъ своеобразномъ смыслѣ — онъ дѣйствительно былъ первымъ декадентомъ XIX столѣтія. По словамъ Теофиля

Готье, тоже замѣчательнаго стилиста, Бодлеръ умѣетъ однимъ какимъ-нибудь эпитетомъ, удачно и не банально выбраннымъ, выразить то. чего другой писатель не выразитъ и цѣлой страницей самаго краснорѣчиваго описанія. Особенно показалъ онъ это свое мастерство въ цѣломъ рядѣ небольшихъ прозаическихъ разсказцевъ, которые назвалъ „Les petites poémes en prose“, — названіе, заимствованное потомъ нашимъ Тургеневымъ въ его „стихотвореніяхъ въ прозѣ“. То же ли самое видимъ мы, однако, у современныхъ декадентовъ и символистовъ которые преслѣдуютъ, повидимому, совершенно другую цѣль: подборомъ своихъ эпитетовъ сдѣлать образъ менѣе всего доступнымъ человѣческому пониманію?.

Гораздо серьезнѣе обвиненіе въ странности, манерности и болѣзненной изысканности самихъ образовъ, излюбленныхъ Бодлеромъ. Но есть натуры, — говоритъ тотъ же Готье, — которыя по природѣ своей манерны. Простота была бы для нихъ чистой аффектаціей и какъ бы вывороченной на изнанку манерностью. На все глядятъ онѣ подъ своеобразнымъ угломъ; мысли, наиболѣе тонкія, сложныя, напряженныя, первыми рождаются въ ихъ мозгу; образы наиболѣе странные, фантастическіе и далекіе отъ изображаемаго предмета поражаютъ ихъ раньше всего. Къ сожалѣнію, именно въ этой-то сторонѣ бодлеровской поэзіи позднѣйшіе безъидейные подражатели и нашли всего больше матерьяла для своихъ уродливыхъ и нелѣпыхъ вдохновеній. То, что у Бодлера было естественно и искренно, что вызывалось свойствами его натуры, они развили искусственно и намѣренно, добившись того, что здоровый читатель почти надъ каждой строкой ихъ писаній долженъ широко раскрывать глаза, пожимать плечами, или даже разражаться хохотомъ...

Дѣйствительно Бодлеръ проходитъ мимо всѣхъ тѣхъ явленій жизни, которыя поражаютъ мысль и чувство обыкновеннаго наблюдателя. Его вниманіе останавливаетъ на себѣ по преимуществу все необычное, странное, болѣзненное, таинственное... Рядъ самыхъ причудливыхъ картинъ и фантасмагорій проходитъ передъ его умственнымъ взоромъ. Вотъ скелетъ, пышно разодѣтый и укра-

шенный цвѣтами, является на балъ и видомъ своимъ замораживаетъ кровь въ жилахъ безпечныхъ танцоровъ. Внутри запертой на ключъ комнаты лежитъ на постели обнаженный и обезглавленный трупъ прекрасной молодой женщины, а рядомъ съ постелью, на ночномъ столикѣ, синѣетъ ужасная голова. Сумасшедшій пьяница убиваетъ свою любимую жену, бросаетъ ее въ колодезь и засыпаетъ камнями. Влюбленные натыкаются во время прогулки чуднымъ лѣтнимъ утромъ на отвратительную картину разлагающейся падали... Переходитъ ли Бодлеръ къ менѣе трагическимъ коллизіямъ жизни, къ описаніямъ своего родного, горячо любимаго Парижа, и тамъ онъ не можетъ отдѣлаться отъ страсти рисовать исключительныя черты и положенія, отъ скептическаго и траурнаго направленія своихъ мыслей. Плывущая по небу луна, окруженная цѣлымъ гаремомъ звѣздъ, не вызываетъ въ немъ образа влюбленныхъ, цѣлующихся гдѣ-нибудь „подъ сѣнью струй"; нѣтъ, она говоритъ поэту: „Я гляжу, какъ грудь, вскормившую тебя, сынъ оскудѣлыхъ дней, бѣля и притирая, надъ зеркаломъ твоя склонилась мать сѣдая"... Вотъ темный игорный притонъ, гдѣ знаменитые писатели проигрываютъ работу лучшихъ лѣтъ и гдѣ торгуютъ „тотъ честью старою, та красотой своей"; вотъ мрачный и холодный госпиталь „со вздохами молитвъ надъ смрадомъ нечистотъ". Мертвецы плачутъ на кладбищѣ о томъ, что никто не приноситъ имъ свѣжихъ цвѣтовъ. Гашишистъ созерцаетъ удивительную страну, полную лазури и блеска, гдѣ, „одѣвшись въ пестрые граниты, озера синія текли, на милліоны верстъ разлиты, къ краямъ невѣдомымъ земли". Утомленный писатель, съ развинченными нервами, бредетъ въ туманное утро по грязнымъ и пустыннымъ улицамъ предмѣстья и становится неожиданно жертвой галлюцинаціи, до глубины души потрясающей его. Букинистъ продаетъ старую пыльную книгу, на обложкѣ которой изображенъ скелетъ, взрывающій землю лопатой,— и этотъ странный рисунокъ наводитъ поэта на мысль, что, быть можетъ, и тамъ, за предѣлами гроба, не кончается жизнь труда и лишеній...

Вотъ сюжеты, которые Бодлеръ любитъ и избираетъ по преимуществу. Какъ въ жизни любилъ онъ подчеркивать свою природную оригинальность, мистифицировать и даже запугивать знакомыхъ странностями и причудами своего характера, такъ и въ своей поэзіи любитъ поражать неожиданными и непріятными образами, точно смѣясь порой и надъ собой, и надъ читателемъ. Тонкій цѣнитель красоты и мастеръ искусства изъ какого-то непонятнаго побужденія, вытекающаго, очевидно, изъ глубины его природы, онъ иногда въ прекраснѣйшіе стихи вплетаетъ неожиданно рискованный образъ, одно какое-нибудь слово, нарушающее поэтичность впечатлѣнія. Для примѣра укажемъ хотя бы на „Печаль луны", пьесу, исполненную такой нѣжной грусти и тонкой граціи. Но сравненіе луны съ дѣвушкой, ласкающей передъ сномъ „контуры молодыхъ грудей", какъ-то шокируетъ ухо и возбуждаетъ нѣкоторую досаду. Или, только что давъ въ „Поѣздкѣ на островъ Цитеру" красивое описаніе этого острова „сладостныхъ тайнъ и сердечныхъ пировъ", надъ берегами котораго „гордый призракъ Венеры, полный нѣги, витаетъ въ струяхъ аромата", авторъ съ какимъ-то безжалостнымъ реализмомъ рисуетъ намъ разложившійся трупъ висѣльника... Мучительская жилка вообще была въ натурѣ Бодлера, она отразилась и въ его произведеніяхъ.—Манерность письма и изысканность образовъ, въ связи съ нѣсколько преувеличенной любовью къ контрастамъ и тяжелымъ эффектамъ, дополняются еще нѣкоторыми капризами второстепеннаго значенія, за которые уцѣпились позднѣйшіе декаденты, какъ за нѣчто существенное и по преимуществу цѣнное. Такъ извѣстно, что онъ съ дѣтства отличался необыкновенно тонкимъ обоняніемъ, и что чувство это еще сильнѣе изощрилось подъ вліяніемъ путешествія въ тропическія страны съ ихъ роскошной, полной ароматовъ растительностью. Эту особенность своей организаціи онъ старается по возможности утилизировать и въ поэзіи: другіе поэты пользуются, главнымъ образомъ, цвѣтами и звуками—онъ пускаетъ въ ходъ также запахи и всевозможные оттѣнки ароматовъ. Случайно найденный въ

старомъ шкафу надбитый флаконъ съ бывшими въ немъ когда-то духами вызываетъ въ его умѣ цѣлыя картины прошедшаго, то радостнаго, то мрачнаго, и вполнѣ неожиданно для читателя поэтъ называетъ себя самого такимъ же грязнымъ старымъ флакономъ, хранящимъ божественную эссенцію — воспоминаніе о погибшей любви... Фантазія не менѣе причудливая: ароматъ, который чудится ему въ платьѣ, въ самомъ тѣлѣ любимой женщины, переноситъ его въ далекую Индію, къ ея зеленымъ тамариндовымъ рощамъ и пѣснямъ моряковъ на берегу, залитомъ блескомъ лазурнаго полдня; погрузивъ лицо въ ея роскошную шевелюру, онъ совершаетъ мысленно цѣлое путешествіе въ эту страну лазури и солнца, гдѣ можно упиваться „смолой и мускусомъ тропическихъ лѣсовъ"... Сколько блестящихъ красокъ, усилій искусства и какой странный капризъ фантазіи! — Бодлеръ подчеркиваетъ извѣстный въ физіологіи фактъ связи между свѣтовыми и звуковыми ощущеніями, но прибавляетъ къ нимъ также и обонятельныя, увѣряя насъ, что „мускусъ, ладанъ и бензой воспѣваютъ экстазы ума и чувства"...

Не отсюда ли вышли всѣ эти „бѣлые павлины скуки", „желтыя собаки ревности" и прочія цвѣтныя нелѣпости современнаго символизма? Но какая и здѣсь огромная разница между подражателями и ихъ прототипомъ!

Изъ всѣхъ часовъ дня Бодлеръ любитъ по преимуществу сумерки, изъ всѣхъ животныхъ — тѣхъ, которыя наиболѣе пугливы и загадочны, — кошекъ, совъ, летучихъ мышей... Любовь къ кошкамъ доходила у него часто до смѣшного, хотя нельзя не сознаться, что онъ умѣлъ красиво описывать этого дѣйствительно граціознаго и привлекательнаго звѣрька.

Въ ряду чисто декадентскихъ чертъ Бодлера нужно еще отмѣтить его предпочтеніе искусства — природѣ, красоты, надъ которою прошлась сознательная рука художника — всякой простой и естественной прелести; наконецъ, поры полной зрѣлости, близкой къ увяданію и упадку, — молодой и наивной свѣжести Ниже мы увидимъ что *причины такого страннаго предпочтенія коренились въ основныхъ свойствахъ бодлеровскаго ума и*

сердца, въ тѣхъ высокихъ запросахъ, какіе предъявляли они къ жизни и человѣку. Къ сожалѣнію, самъ поэтъ не всегда отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, и потому онѣ переходили у него нерѣдко въ простые капризы вкуса и чувства, говорившіе лишь объ ихъ ненормальности и извращенности. Такъ, извѣстно его желаніе, чтобы красивыя женщины подчеркивали свою красоту еще искуснымъ употребленіемъ пудры, румянъ и другихъ принадлежностей косметики...

Я добросовѣстно перечислилъ всѣ главные недостатки бодлеровской поэзіи вполнѣ убѣжденный въ томъ, что они ея не исчерпываютъ и не характеризуютъ, являясь чисто внѣшними уродливыми чертами, за которыми скрывается глубокое внутреннее содержаніе. Духовно убогіе декаденты взяли и развили по своему эти черты, совершенно проглядѣвъ и оставивъ втунѣ то, что составляло душу и смыслъ этой больной, но серьезной и высоко симпатичной поэзіи. Къ анализу ея *души* мы теперь и приступимъ.

Точно такъ же, какъ Байронъ былъ созданіемъ революціонной эпохи и ея могучаго, протестующаго духа, Бодлеръ и его пессимистическая поэзія были порожденіемъ другой эпохи, когда нищета и подавленность однихъ, испорченность и развращенность другихъ классовъ достигаютъ своего апогея, а между тѣмъ, надъ этою бездною „зла", изъ которой несутся одуряющіе запахи его ужасныхъ „цвѣтовъ", не свѣтитъ уже маякъ надежды. Неудавшаяся революція 48 года и послѣдовавшій за нею государственный переворотъ 2 декабря погасили этотъ свѣточъ и водворили надъ Франціей и надъ всей Европой удушливый мракъ тоски и отчаянія. Я не думаю, конечно, приравнивать титана поэзіи Байрона къ Бодлеру, таланту несравненно менѣе крупному и замѣтному, но хочу только сказать, что какъ тотъ, такъ и другой, одинаково были выразителями духа своего времени, одинъ—начала нынѣшняго столѣтія, другой—середины и, пожалуй, даже конца его. Байронъ глубоко разочарованъ и въ прошломъ, и въ настоящемъ состояніи человѣчества, тому и другому равно гремятъ его проклятія. Но при всей „свирѣпой ненависти" (выраженіе

Гете о Байронѣ) къ современному человѣку и дѣламъ рукъ его, на днѣ души поэта все же остается лучъ надежды на лучшее будущее, неумирающей вѣры въ идеалъ человѣчности, свободы и справедливости. Въ болѣе душное и мрачное время жилъ Бодлеръ, и его пессимизмъ, полученный въ наслѣдство отъ Байрона, успѣлъ сдѣлать значительный шагъ впередъ: скорбный взоръ поэта видитъ идеалъ уже въ какомъ-то неопредѣленномъ, туманномъ отдаленіи на высотѣ, почти недоступной человѣку...

Отсюда тѣ безотрадныя картины, которыя Бодлеръ даетъ намъ въ своихъ „Цвѣтахъ Зла". Рисуя развратъ и пороки буржуазіи, грязь и нищету рабочихъ классовъ, онъ не находитъ у своей лиры ни одного утѣшительнаго звука, ни одного свѣтлаго тона. Въ большихъ городахъ зло и страданіе жизни наиболѣе концентрируются, и вотъ Бодлеръ является по преимуществу пѣвцомъ большихъ городовъ, Парижа въ особенности. Въ „Le crépuscule du soir" и „Le crépuscule du matin" онъ даетъ небольшое, но столь яркое и сильное изображеніе Парижа, равнаго которому французская литература не знаетъ: Франсуа Коппе, стяжавшій первую свою славу на такихъ же изображеніяхъ Парижа, и Эмиль Золя, великій мастеръ этого рода описаній, оба лишь развили и расширили содержаніе маленькихъ пьесокъ Бодлера.

Однако, онъ не остается только холоднымъ и безстрастнымъ изобразителемъ нищеты, порока и разврата современнаго общества. Сочувствіе его всегда на сторонѣ несчастныхъ, униженныхъ и обездоленныхъ — это слишкомъ ясно чувствуется по той любви и нѣжности, съ которыми онъ рисуетъ ихъ.

Парижскіе рабочіе, обитатели отдаленныхъ предмѣстій, пользуются при этомъ особенными симпатіями Бодлера: чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть „Le vin des chiffoniers", гдѣ описывается пирушка тряпичниковъ. Зло проституціи, этой ужаснѣйшей изъ язвъ современнаго общества, также находитъ въ немъ своего художника, — и съ какимъ нѣжнымъ сочувствіемъ, съ какой глубокой скорбью рисуетъ онъ, напр., наивное дитя природы, жительницу малабарскихъ островов собираю-

щуюся ѣхать въ веселый Парижъ для того, чтобы стать тамъ одною изъ жертвъ нашей развращенной культуры.

Въ ряду такихъ же теплыхъ стихотвореній, посвященныхъ нищетѣ и страданію, назовемъ еще: „Маленькія старушки", „Смерть бѣдныхъ", „Душа вина", „Рыжей нищей", „Продажная муза" и др. Когда Бодлеръ переходитъ къ картинамъ роскоши и порока, онъ бываетъ скупъ на гнѣвныя діатрибы, выражающія его личныя чувства и отношенія къ нимъ, хотя отношенія эти всегда ясны для читателя („Игра", „Пляска смерти", „Хмѣль убійцы", „Оскорбленная луна" и др.). Только очень рѣдко измѣняетъ онъ этому внѣшнему спокойствію и безстрастію и разражается мрачными проклятіями всѣмъ „ликующимъ", праздно болтающимъ, обагряющимъ руки въ крови" и себѣ самому, живущему въ ихъ „станѣ", прежде всего. Таковы „Испытаніе полночи" и „Что вамъ небо съ грядущими муками?"—стихотвореніе, оканчивающееся оригинальной угрозой: „На днѣ наслажденья найдете вы месть!.."

Но и все человѣчество, безъ различія классовъ и положеній, представляется ему, въ концѣ концовъ, одинаково страдающимъ и несчастнымъ, — это безумное, кривляющееся человѣчество, такъ страстно ищущее наслажденій и радостей. Таковъ смыслъ аллегорическаго стихотворенія „Маска, статуя во вкусѣ Возрожденія", одного изъ наиболѣе характерныхъ для всего Бодлера: онъ ни въ чемъ и нигдѣ не умѣетъ видѣть свѣта безъ тьмы, красоты безъ стоящаго рядомъ съ ней безобразія, радости безъ тѣни страданія; онъ мыслитъ и чувствуетъ контрастами, въ немъ живетъ вѣчная двойственность.

Здѣсь мы приблизились къ той сторонѣ бодлеровскаго пессимизма и къ тому отдѣлу его произведеній, которымъ онъ съ наибольшей охотой посвящаетъ свой талантъ и въ которыхъ этотъ послѣдній выразился всего ярче. Я имѣю въ виду развинченность современнаго человѣка, его раздвоенность, изломанность, нервозность, тѣ болѣзненныя и порой прямо психопатическія глубины духа, которыя граничатъ съ областью психіатріи и судеб-

ной медицины. Во главѣ этого ряда стихотвореній, какъ ключъ, отмыкающій ихъ смыслъ, слѣдуетъ поставить удивительное по красотѣ формы и тонкости письма стихотвореніе въ прозѣ „Les bienfaits de la Lune". Бодлеръ былъ такимъ мастеромъ прозы, что подъ его рукой она звучитъ часто лучше стиховъ, и я только съ помощью рифмъ надѣялся передать на русскомъ языкѣ эту упоительную и вмѣстѣ страшную музыку.

Считаю лишнимъ комментировать эту пьесу. Мы находимся здѣсь въ области тонкихъ, едва уловимыхъ, болѣзненныхъ настроеній и чувствъ, существованіе которыхъ и страшную власть надъ душою людей „конца вѣка" нельзя отрицать, но оріентироваться въ которыхъ могутъ только поэтъ или врачъ.. Возьмемъ еще другое стихотвореніе, гдѣ Бодлеръ находитъ возможнымъ отнестись съ кроткимъ сожалѣніемъ даже къ такого рода страданіямъ, которыя должны бы, въ сущности, находить себѣ мѣсто въ домахъ для умалишенныхъ, по существующимъ же понятіямъ зовутся просто преступленіями и подлежатъ суду присяжныхъ. Передъ нами мрачная картина убранной съ изысканной роскошью и запертой на ключъ комнаты, гдѣ на постели лежитъ обнаженный трупъ прекрасной молодой женщины, съ небрежною свободой „раскрывшій весь сокровенный блескъ, всѣ чары красоты, ему дарованной природой". Страшная догадка мелькаетъ въ умѣ поэта о томъ, кто былъ убійцей несчастной красавицы, и что привело его къ этому мрачному злодѣйству...

Конечно, только слѣпая вражда къ поэту могла бы утверждать, забывая самое заглавіе стихотворенія („Мученица"), что въ этой ужасной картинѣ изображены его собственныя симпатіи и вожделѣнія, но нельзя все же не удивляться искусству, съ какимъ онъ проникаетъ здѣсь въ самую глубину больной и искалѣченной души преступника.—Ножомъ смѣлаго до дерзости анализа разбираетъ Бодлеръ и душу всего современнаго человѣка, больной продуктъ этой блестящей на видъ и гордой культуры, не дающей въ концѣ концовъ ни счастья, ни успокоенія и подъ наружной мишурою скрывающей одну

грязь и всевозможные недуги. Насмѣшливый духъ скептицизма разрушаетъ въ немъ рѣшительно все иллюзіи.

И водитъ онъ меня отъ Бога вдалекѣ,
Изнеможеннаго, изнывшаго въ тоскѣ,
Въ пустыняхъ скуки и томленья,
И тамъ, какъ въ тяжкомъ снѣ, рисуетъ предо мной
Одежды грязныя и ранъ открытыхъ гной.
И кровь, и ужасъ разрушенья!..

Среди этого ужаснаго душевнаго состоянія даже любовь не является для поэта ангеломъ-хранителемъ, и въ толпѣ низкихъ демоновъ, потѣшающихся надъ его мрачной тоскою, онъ замѣчаетъ и ее, „царицу фей, свой рай и божество"...

Онъ обращается, наконецъ, къ собственной душѣ, надѣясь хоть тамъ отыскать свѣтлое исключеніе, но и тамъ видитъ все тотъ же „оазисъ ужаса въ пустынѣ мертвой скуки". И нечеловѣческій вопль скорби и отчаянія срывается тогда съ его устъ, крикъ, которому трудно, быть можетъ, сыскать во всемірной литературѣ что-нибудь равное по трагичности:

Ахъ, Создатель! дай силу и мужество мнѣ
Созерцать мое сердце и тѣло!..

Что-же, однако, приковываетъ Бодлера къ этимъ болѣзненнымъ, уродливымъ, грязнымъ и преступнымъ сторонамъ человѣческаго духа и жизни? Что заставляетъ его съ такой любовью останавливаться на нихъ? Какъ могутъ грязь, зло, тьма и порокъ служить источниками вдохновенія?

Изучая эту больную душу и эту скорбную поэзію, нельзя не видѣть, что *весь мрачный скептицизмъ и вся злобная мизантропія французскаго поэта проистекаютъ именно изъ его страстнаго стремленія къ свѣту, изъ мучительной любви къ красотѣ и гармоніи, изъ невозможности увидать ихъ воплощенными въ жизнь и дѣйствительность.* Идеалы любви добра и красоты такъ могущественно владѣютъ его душой,

такъ властно зовутъ вмѣстѣ съ собой въ какую-то невѣдомую страну нравственнаго единенія и порядка, что въ немъ рождается свирѣпая ненависть къ матеріи, приковывающей его къ землѣ, къ ея грязи и убожеству,— и точно птица, завороженная ужасными глазами змѣи, онъ усиленно вглядывается въ эту грязь, въ это ненавистное ему зло и съ какимъ-то сладострастіемъ отчаянія копается въ нихъ, измучивая себя и читателя, пока, наконецъ, могучимъ взмахомъ крыла не поднимется опять къ свѣтлымъ и лазурнымъ высямъ одухотворенности... Именно это-то не знающее усталости стремленіе къ идеалу, котораго онъ самъ хорошенько не знаетъ, къ гармоніи и красотѣ всего сущаго, быть можетъ, и есть причина того, что Бодлеру особенно рѣзко бросаются въ глаза всѣ болѣзненныя и уродливыя явленія жизни, по преимуществу дающія сюжеты его стихамъ. Во всемъ и вездѣ онъ ищетъ *живой*, одухотворенной, не знающей смерти красоты, которая могла бы служить ему путеводнымъ факеломъ надъ окружающими безднами мрака и ужаса и, понятно, не находитъ ея въ явленіяхъ мертвой природы, въ измѣнчивыхъ и преходящихъ формахъ бездушной матеріи. *Отсюда его инстинктивный ужасъ передъ этой послѣдней, его ненависть къ ней, желаніе, чтобы ко всякой естественной красотѣ всегда были примѣшаны нѣкоторые аксессуары искусства, слѣды — хотя бы искусственной и поддѣльной одухотворенности*... Среди безплодныхъ и мучительныхъ поисковъ истиннаго свѣточа, онъ готовъ бываетъ ухватиться и за пустой миражъ, за красивую маску, лишь бы дать хоть призракъ утѣшенія своему истосковавшемуся сердцу...

Глубокій скептикъ, Бодлеръ не является, однако, пѣвцомъ безусловнаго отчаянія. На днѣ души онъ всегда носитъ какой-то спасительный огонь, который освѣщаетъ ему путь и не позволяетъ погрузиться въ нечистую тину жизни. Нельзя сказать, чтобы это было какое-нибудь опредѣленное религіозное чувство, вѣра въ безсмертіе души, въ загробныя воздаянія, что-ли,—еще меньше это какой-нибудь общественный идеалъ. Но я не знаю, однако, другого поэта (за исключеніемъ развѣ Шелли), въ

которомъ жило бы такое же страстное порыванiе къ идеалу,—идеалу, правда, смутному неясному, не облеченному ни въ какiя реальныя формулы, но все же немолчно напоминающему человѣку объ его возвышенномъ призванiи! Еще въ раннемъ дѣтствѣ, въ огромной мрачной библiотекѣ, которую поэтъ любилъ посѣщать украдкой, ему звучали два таинственныхъ голоса,—одинъ, самодовольный, утверждавшiй, что земля есть сладкiй пирогъ, и обѣщавшiй ему подарить хорошiй аппетитъ, другой, ласковый, нѣжный чарующiй слухъ и устрашающiй душу, пѣвшiй среди вечернихъ сумерекъ: „Пойдемъ витать со мною за грань возможнаго, въ предѣлы тайнъ и сновъ!“ и поэтъ пошелъ за этимъ сладкимъ голосомъ. Онъ сталъ несчастнымъ, одинокимъ въ людской толпѣ. Со взоромъ, обращеннымъ къ небу, среди яснаго дня, онъ падаетъ въ ямы и служитъ предметомъ общихъ насмѣшекъ. Но таинственный голосъ постоянно утѣшаетъ его.

Безумецъ, не кляни завѣтныхъ сновъ твоихъ—
У мудрецовъ не такъ они прекрасны!

И вотъ въ этотъ же край своихъ завѣтныхъ грезъ поэтъ приглашаетъ съ собой и любимую женщину. Все въ этомъ краѣ идеально-прекрасно, все обольщаетъ чувства, примиряетъ озлобленный умъ, утѣшаетъ изстрадавшееся сердце. „Все тамъ—порядокъ и красота, роскошь, спокойствiе и наслажденiе“. Къ темѣ этой Бодлеръ возвращается часто, съ особенной любовью: въ прозѣ и стихахъ у него есть поэмы, одинаково озаглавленныя— „Приглашенiе къ путешествiю“... Въ стихотворенiи „Moesta et errabunda“, гдѣ онъ точно такъ же восклицаетъ: „Я въ вагонѣ умчусь, улечу на фрегатѣ! Здѣсь отъ слезъ нашихъ грязь подъ ногами течетъ!“ – звучитъ уже, правда, нота отчаянiя въ томъ, что удастся отыскать гдѣ-нибудь на землѣ таинственный край любви и гармонiи; но жажда идеала не можетъ умереть, и поэтъ судорожно хватается за малѣйшiй проблескъ надежды. То онъ уносится къ днямъ невозвратнаго дѣтства, къ этому „зеленому эдему безгрѣховной любви, бѣготни, поцѣлуевъ, свиданiй украдкой“; то къ первобытнымъ временамъ наивности и гор-

дой наготы, къ свѣтлой юности человѣчества „со взоромъ голубымъ яснѣй воды проточной, богатой пѣснями, безпечной, подобно цвѣтамъ и птицамъ“; то подъ свѣтлое небо далекой Индіи, въ лазури и блескѣ которой хочетъ видѣть хоть внѣшній образъ того идеала, по корому тоскуетъ сердце; то, наконецъ, въ чарахъ поэзіи и вдохновенія надѣется отыскать желанныя крылья, которыя подняли бы его духъ высоко надъ „заражающими земными міазмами“, омыли въ свѣтозарныхъ лучахъ вѣчнаго солнца. Искусство, вообще, представляется ему высшимъ изъ всѣхъ даровъ какіе небо дало человѣку; высшія произведенія его онъ называетъ „маяками“ человѣчества, являющимися лучшимъ свидѣтельствомъ его достоинства... Отсюда вытекаетъ возвышенный взглядъ Бодлера на поэта, какъ на жреца и пророка, — одна изъ симпатичнѣйшихъ темъ его поэзіи.

Цѣлый рядъ другихъ стихотвореній проникнутъ тою же высокою властью духа надъ тѣломъ. Изъ нихъ особенно отмѣтимъ два: „Съ ужасной еврейкой, прекрасной, какъ мертвый изваянный мраморъ“ и „Одухотворенный Разсвѣтъ“. Однѣхъ только этихъ двухъ пьесъ было бы, мнѣ кажется, достаточно для того, чтобы опровергнуть всѣ обвиненія Бодлера въ цинизмѣ и развращенности. Цинизмъ всегда пользуется, главнымъ образомъ, намеками, тонкими словесными изворотами и хожденіями вокругъ да около предмета; Бодлеръ же не знаетъ искусства намековъ и въ своихъ описаніяхъ разврата всегда прямъ, даже грубъ, — при томъ серьезенъ и глубоко-печаленъ. Развратника онъ оттолкнетъ отъ своихъ изображеній порока, въ молодой невинной душѣ вызоветъ только отвращеніе къ человѣческой низости и любовь къ тому яркому идеалу, который всегда витаетъ, грустя и плача, надъ его описаніями грязи и порока.

Но мало одного стремленія къ этому неуловимому и невѣдомому идеалу; человѣческая душа не можетъ на этомъ успокоиться: какъ найти его, гдѣ найти? Чѣмъ замѣнить среди невыносимыхъ страданій скуки, гнѣва и скорби? Жаждой небытія? Но даже и мракъ могилы не представляется спасительнымъ, такъ какъ и онъ есть вѣдь

не болѣе, какъ „пелена, скрывающая міръ огромнаго былого“, съ его миріадами исчезнувшихъ, но все-таки живущихъ гдѣ-то въ міровой памяти существъ, скорбей и страданій... Спасеніе отыскивается, въ концѣ концовъ, въ страданіи: съ теченіемъ времени у Бодлера развивается нѣчто въ родѣ idée fixe нашего Достоевскаго — культъ страданія...

Благословенъ Дающій намъ страданья,
Въ пустынѣ зла источникъ водъ живыхъ,—

заявляетъ бодлеровскій поэтъ, несущій людямъ свѣтъ и примиреніе и встрѣчающій съ ихъ стороны однѣ обиды и несправедливыя насмѣшки. И въ другомъ мѣстѣ толпа униженныхъ и оскорбленныхъ повторяетъ у него то же самое:

Благословенъ твой бичъ, карающій Отецъ!
Благословенна скорбь! Твоя рука сплетала
Не для пустой игры колючій нашъ вѣнецъ!

Эта кроткая покорность является, однако, у Бодлера не результатомъ какого-нибудь мистическаго изувѣрства и фанатизма, и потому она придаетъ мягкій и высокодуховный колоритъ всей его поэзіи. Этотъ колоритъ тихаго страданія лежитъ и на его описаніяхъ природы, крайне своеобразныхъ, всегда въ высшей степени одухотворенныхъ, проникнутыхъ грустной мечтательностью и болѣзненной красотою. Вотъ тѣсною кучкой стоятъ въ отдаленіи легкія вечернія облака — въ нихъ чудятся поэту прошедшіе годы, „въ одеждахъ старины, съ поникшей головой“; легкій туманъ, встающій вечеромъ надъ рѣкой, превращается у него въ образъ Сожалѣнія, смутно поднимающагося со дна человѣческой души; луна, лѣниво мечтающая на темной лазури неба въ кружевахъ бѣлыхъ облаковъ, роняетъ на землю слезинку, и эту чистую каплю, обломокъ опала, находитъ поэтъ и прячетъ у себя на груди, боясь, чтобъ у него не украло ея ревнивое солнце; вечерній вѣтеръ на берегу моря кажется ему блуждающимъ, о чемъ-то плачущимъ призракомъ; печальный стукъ непогоды о кровельный жолобъ вызываетъ въ его душѣ образъ бездомнаго, стараго духа, странствующаго

и стонущаго, не находя нигдѣ пріюта... Таинственные сумерки; пышный закатъ солнца, мѣняющій ежесекундно нарядъ своихъ красокъ, трепещущихъ подобно сердцу въ моментъ разлуки; странно-багровый, точно окровавленный, закатъ; причудливыя очертанія вечернихъ облаковъ, похожихъ на огромные саркофаги; туманъ, клубящійся надъ грязными предмѣстьями Парижа, наконецъ, самый Парижъ, гдѣ призраки снуютъ среди бѣлаго дня, „зацѣпляя собою прохожихъ“, — таковы излюбленныя Бодлеромъ картины природы, и только изрѣдка изображаетъ онъ болѣе мирные, свѣтлые и, такъ сказать, здоровые ландшафты вродѣ яркаго полдня, гдѣ пѣсни рождаются въ поляхъ подобно розамъ и мысли заводятся въ людскихъ головахъ, какъ душистыя, полныя меда соты въ пчелиныхъ ульяхъ...

Любовь къ женщинѣ въ произведеніяхъ каждаго поэта занимаетъ главное мѣсто; Бодлеръ также не ушелъ отъ власти этого общаго закона природы. Любви посвящено имъ значительное число стихотвореній. Къ сожалѣнію, намъ уже извѣстно, какъ несчастно сложилась въ этомъ отношеніи его личная жизнь и какое ложное представленіе получилъ онъ, благодаря этому, о женщинѣ, о ея роли и назначеніи, а слѣдовательно, и о любви къ ней. Въ тѣхъ женщинахъ, которыхъ онъ любилъ, онъ искалъ только граціи и красоты, а никакъ не ума и сердца; въ женщинѣ онъ не видѣлъ товарища и соратника въ бояхъ жизни. Онъ допускаетъ что и она также можетъ страдать и быть несчастной, но онъ увѣренъ, что и здѣсь она соблюдаетъ положенный ей предѣлъ, — бываетъ печальной лишь настолько, насколько это увеличиваетъ физическую красоту, и отнюдь не является въ скорби соперницей мужчины... Женскіе образы, которые Бодлеръ рисуетъ въ своихъ стихотвореніяхъ, всегда поэтому прелестны, граціозны, но неглубоки; бываютъ порой и загадочны, но тогда отъ нихъ вѣетъ холодомъ и безсердечіемъ сфинксовъ. „Милая лѣнивица“, „очаровательная невѣжда“, „ангелъ радости“, — вотъ ласкательные эпитеты, которыми онъ чаще всего награждаетъ любимыхъ женщинъ, любуясь ими, какъ красивыми маріонетками терзая ихъ своими капризами и нервозными взрывами. У

него имѣется даже слѣдующее, посвященное женщинѣ, стихотвореніе, переводъ котораго не помѣщенъ мною въ текстѣ стиховъ:

Ты цѣлый міръ вмѣстить могла бы въ свой альковъ,
Исчадье похоти! Отъ праздности ты злобна.
Съ зарею новою на жерновахъ зубовъ
Ты сердце новое измалывать способна.
Глаза твои блестятъ, какъ вывѣски купцовъ,
Какъ пламя факеловъ на торжествахъ публичныхъ;
Для наглости твоей нарядовъ нѣтъ циничныхъ,
На языкѣ твоемъ нѣтъ заповѣдныхъ словъ.
Машина страшная, глухая и слѣпая,
Спасительный вампиръ, сосущій кровь земли!
Какъ не стыдишься ты? Какъ, зеркала встрѣчая,
Не видишь прелести увядшія свои?
Иль видъ могучій зла, что отъ тебя родится,
Ни разу ужасомъ не поражалъ тебя?
Межъ тѣмъ природа-мать, свои пути любя,
Тебя, о женщина, людскихъ грѣховъ царица,
Тебя, животное бездушное, беретъ,
Лѣпя и генія, которымъ міръ гордится...

— О, грязь блестящая! О, мерзостный почетъ!

Но истинный талантъ можетъ давать своимъ жрецамъ и свѣтлыя откровенія,—и тотъ же Бодлеръ написалъ „Признаніе“, въ которомъ звучитъ уже чисто человѣческое отношеніе къ женщинѣ и вѣрное пониманіе той печальной роли, какую она играетъ въ современномъ обществѣ.

Я не могъ, конечно, исчерпать въ настоящемъ этюдѣ всего содержанія бодлеровской поэзіи; но я буду вполнѣ удовлетворенъ, если читатель получитъ хоть приблизительно вѣрное понятіе о великомъ поэтѣ, на памяти котораго и до сихъ поръ,—вотъ уже въ теченіе пятидесяти лѣтъ,—лежитъ „пятномъ“ его замѣчательная, но ложно понятая и мало оцѣненная книга.

Въ заключеніе нѣсколько словъ pro domo sua. Я узналъ и полюбилъ Бодлера, еще будучи юношей, въ

1879 г., когда и самое слово „декадентъ“ было у насъ неизвѣстно,—и нужно ли говорить о томъ, какія именно черты его поэзіи подкупили меня: Скажу одно: рѣдко какое-либо литературное произведеніе оставляло во мнѣ такое безусловно чистое впечатлѣніе, какъ „Fleurs du Mal“. Суровой печалью вѣяло на молодую душу отъ этихъ осужденныхъ за безнравственность стиховъ; грубый, мѣстами до дерзости откровенный, реализмъ какимъ-то чудомъ искусства будилъ лишь самыя чистыя, благородныя чувства, — боль, скорбь, ужасъ, негодованіе, — и поднималъ высоко отъ „скучной земли“, въ вѣчно-лазурныя страны идеала...

Но позже симпатіи мои къ французскому поэту подверглись тяжелому испытанію.

Съ половины 80-хъ годовъ въ русской литературѣ началось, какъ извѣстно, изумительное идейное оскудѣніе. Прокатилась волна „декадентства“, захватившая въ свой мутный и пустозвонный потокъ многихъ передовыхъ писателей и поэтовъ; осмѣяны были и выброшены за бортъ лучшія имена и традиціи родной литературы, и на знамени самозванныхъ пророковъ съ „новой мозговой линіей“ написаны были: равнодушіе къ горю ближняго, самодовлѣющая красота... Основныя причины, породившія русское декадентство, коренились, конечно, въ нашихъ домашнихъ условіяхъ, но нѣкоторые критики стали искать ихъ на Западѣ, въ хвостѣ котораго мы обыкновенно идемъ,—и вотъ однимъ изъ „отцовъ декадентства“ объявленъ былъ Бодлеръ! Прежде всего это показывало плохое знакомство съ Бодлеромъ самихъ критиковъ, судившихъ лишь по нѣкоторымъ курьезамъ его поэзіи, но большая публика, еще меньше знакомая съ настоящимъ идейнымъ обликомъ автора „Цвѣтовъ Зла“, удовольствовалась этимъ открытіемъ, и Бодлеръ надолго сдѣлался въ глазахъ русскихъ читателей синонимомъ всякой безъидейности и — еще того хуже — мерзости...

Теперь надъ русской литературой занимается заря новой жизни. Отъ эфемерной волны эстетизма, „симво-

лизма" (русскаго) и всякаго иного индифферентизма не осталось ничего, кромѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ струекъ, никого уже не только не пугающихъ, но и не интересующихъ. Явно возрождается настроеніе, одушевлявшее литературу и общество на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ... И мнѣ кажется, безпристрастная критика можетъ теперь спокойно признать, что негодными никуда плевелами завалены были порой и чистыя зерна пшеницы. Не боясь болѣе сыграть на руку антипатичному литературному теченію, я съ спокойной совѣстью могу предложить читателю свой трудъ, — вполнѣ увѣренный, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ способенъ будить добрыя и свѣтлыя чувства.

1901, апрѣль.

P. S. Къ приведенной выше характеристикѣ Бодлера прибавлю еще нѣсколько словъ, въ отвѣтъ на посвященные ей критическіе отзывы.

О Бодлерѣ, какъ поэтѣ, невозможно судить правильно, выхватывая изъ его книги то или другое отдѣльное стихотвореніе. Книга его представляетъ исключительное по замыслу литературное явленіе, и разсматривать, и судить ее нужно во всемъ ея объемѣ, притомъ съ точки зрѣнія, которую указалъ намъ самъ авторъ въ заглавіяхъ: „Цвѣты Зла" и „Сплинъ и Идеалъ". Нельзя забывать словъ, сказанныхъ поэтомъ послѣ осужденія его сборника полиціей нравовъ: „Развѣ актеръ, выступающій на сценѣ. отвѣтственъ за роли преступниковъ, которыхъ онъ изображаетъ? Не имѣлъ ли я права, не былъ ли даже обязанъ съ возможнымъ совершенствомъ принаровить свой умъ и талантъ ко всевозможнымъ софизмамъ и видамъ развращенности своего вѣка?" Но критики, лишь поверхностно ознакомившіеся съ Бодлеромъ, обыкновенно про это забываютъ и все злое и жестокое, изображенное въ его книгѣ, приписываютъ самому поэту. Еще разъ – справедливо ли это? „Цвѣты Зла" не были, съ другой стороны, и произведеніемъ чистаго искусства (опять-таки подлинныя слова Бодлера), —

нѣтъ, онъ „вложилъ въ эту жестокую книгу всю свою мысль и сердце, всю свою нѣжность и ненависть, всю свою религію“,—и онъ ли виноватъ, что за ненавистью и злобой не всякій умѣетъ разглядѣть нѣжное и любящее сердце, истекающее кровью при видѣ мрака и зла, царящихъ въ мірѣ?

Какъ одно изъ свидѣтельствъ противъ Бодлера, приводятъ увлеченіе „Цвѣтами Зла“ такого завѣдомо-порочнаго человѣка, какъ Оскаръ Уайльдъ... Но если бы и самъ дьяволъ оказался въ числѣ поклонниковъ какой-либо книги, въ моихъ глазахъ это одно обстоятельство ровно ничего не говорило бы противъ ея этической цѣнности!

А, впрочемъ, еще и то: я не читалъ всей статьи Оскара Уайльда, посвященной „Цвѣтамъ Зла“, но въ цитатѣ, приводимой однимъ изъ моихъ критиковъ, не нахожу, по совѣсти говоря, ничего ужаснаго. Напротивъ, если отбросить нѣсколько вычурную форму, то развѣ это не вѣрно, что по прочтеніи бодлеровской книги „не на одну только минуту, а на много пустыхъ, озаренныхъ луною ночей и безлюдныхъ, безсолнечныхъ дней въ душѣ твоей поселится *отчаяніе, тебѣ чужое*, и *чужая мука* будетъ глодать твое сердце? Прочти всю книгу, дай ей сказать твоей душѣ хоть одну изъ своихъ тайнъ, и ты жадно захочешь узнать другія, будешь питаться ядовитымъ медомъ и стремиться къ *раскаянію* въ странныхъ преступленіяхъ, *въ которыхъ невиненъ*, и *къ искупленію* странныхъ наслажденій, которыхъ не зналъ“. Но вѣдь заставить читателя пережить, какъ свою, чужую муку—чего больше и желать можетъ всякій истинный талантъ? И развѣ, напр., Шекспиръ, создатель леди Макбетъ, или же Достоевскій, который, очевидно, самъ пережилъ мысленно всѣ муки своего Раскольникова, развѣ они повинны въ преступленіяхъ, которыя изображали?

Вотъ почему я еще разъ протестую противъ навязыванія Бодлеру двусмысленнаго титула „*пѣвца* зла и порока“. Хотя и не сочувствуя порокамъ, онъ обла-

далъ, говорятъ, даромъ проникновенія въ ихъ сущность, умѣньемъ выразить, въ чемъ заключается ихъ обаяніе .. Совершенно вѣрно; но вѣдь никто же не назоветъ, напр., Достоевскаго, обладавшаго точно такимъ же даромъ, „проповѣдникомъ сладострастія“? Не большей логичностью отличается, на мой взглядъ, и другой доводъ, заключающійся въ томъ, что поэтъ, будто бы, не вѣрилъ въ возможность исправить порочную человѣческую природу, и что пессимизмъ его доходилъ до полнаго отчаянія. Но неужели быть пессимистомъ значитъ непремѣнно быть апологетомъ зла? А Леопарди?... Подъ большимъ также сомнѣніемъ остается вопросъ, считалъ ли Бодлеръ *безнадежно* дурной человѣческую природу. Нотки безнадежности, разумѣется, отыскать можно; но вѣдь и у Некрасова встрѣчаются, напр., точь въ точь такія же ноты:

Дряхлый міръ на роковомъ пути,
Человѣкъ до ужаса бездушенъ!

Справедливо ли назвать изверившимся въ человѣческое достоинство—поэта, который написалъ такія благородныя и возвышенныя строки:

Car c'est vraiment, Seigneur, le meilleur témoignage
Que nous puissons donner de notre dignité
Que cet ardent sanglot qui roule d'âge en âge
Et vient mourir au bord de Votre éternité.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ВТОРОГО ТОМА.

I.

(1898—1905 г.)

II.

БОДЛЕРЪ.

Конецъ

